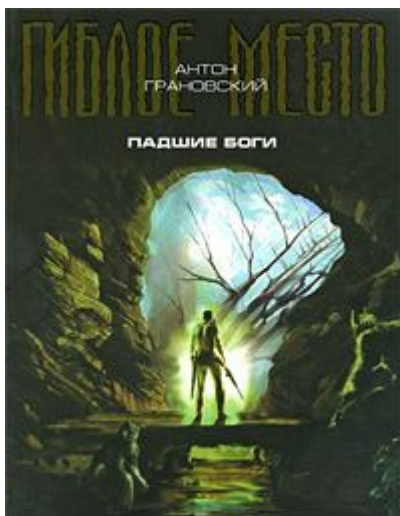

Антон Грановский

Падшие боги

Гиблое место – 1

Антон Грановский

Падшие боги

*Диане Гильфановой,
самой смелой девочке на свете.*

– Неужели вы верите в эти сказки?
– В страшные – да.
«СТАЛКЕР»

Пролог

Надей Жгут сгреб тлеющие угли в кучу, потом вернулся к бревну и уселся рядом с Васькой Ольхой. Долго сидели молча, согревая продрогшие тела. Первым молчание нарушил Васька Ольха.

– А ты сколько разов в Гиблое место хаживал? – спросил он, с уважением глядя на старшего товарища.

Жгут растопырил пальцы обеих рук:

– Считай.

Васька глянул на толстые грязные пальцы Жгута и присвистнул.

– А я только раз тут и был, – сказал он. – С дядькой Пыреем ходил. Ох и натерпелся же страху.

Надей глянул на Ваську холодными глазами.

– А чего ж снова поперся?

Васька усмехнулся, почесал грязными пальцами живот и ответил:

– От жадности, отчего еще? У кого бурая пыль, тот сам себе князь.

– Вот появятся охоронцы, они тебе живо башку прочистят и покажут, кто тут настоящий князь.

Жгут зевнул и обмахнул ладонью обветренный рот, чтобы злые духи не залетели. Потом поднял с земли обломок ветки и стал ковырять им в щербатых зубах. Васька долго смотрел на него, размышляя, спросить али не спросить. И все-таки спросил:

– А сам пошто сюда ходишь? Ребята в кружале сказывали, что у тебя хоромы в Остужье с полатыми золотыми. Правда аль нет?

Жгут глянул на Ваську из-под густых бровей и усмехнулся.

– Правда.

– А чего ж ходишь? – снова спросил Васька.

– Мне среди людей муторно, – ответил Надей, ковыряя в зубах веткой.

– Как это? – не понял Васька.

– А так. На рожи их тошно смотреть. Поживу, поживу и снова сюда.

– К упырям да волколакам? – не поверил своим ушам Васька. – Нешто они лучше людей?

– Не хуже – это точно.

Васька посмотрел на товарища с восхищением.

– И не боишься?

– А я от их клыков болотным духом заговоренный.

– Правда?

– Кривда!

Во взгляде Васьки Ольхи читалось недоверие. Он слышал о добытчиках, заговоренных болотным духом, но всегда считал это выдумкой. Болотный дух страшен и людей ненавидит, разве с ним столкнешься.

Надей отшвырнул изжеванную ветку и поднял с земли котомку.

– Ну, отогрелся? Тушим костер да пошли.

Они поднялись с бревна и развязали веревки на мотне. Приспустили штаны и помочились на угли.

Затушив костер, привели одежду в порядок, закинули котомки на плечи и зашагали дальше. Васька опасливо поглядывал по сторонам. Сколько добытчиков тут сгнуло. И еще неизвестно, что с ними теперь: то ли в земле гниют, то ли упырями красноглазыми по лесу бродят да кровь свежую вынюхивают.

Где-то неподалеку ухнула спуржун-птица. Васька насторожился, прислушался и спросил хриплым шепотом:

– Волколаки?

Жгут тоже прислушался и покачал головой:

– Не. Пока солнце за сосны не закатилось, они из чащобы носа не высунут. То медведь или лиса.

Они вышли на полянку, и на душе у Васьки чуток полегчало. Волколаки на такое открытое место не полезут.

Да только рано обрадовался Васька. Едва успел оглядеться, как Жгут зашипел на ухо:

– Княжьи ратники! Прячься в траву и молчок!

Сказано – сделано. Сидя в высокой траве, Васька Ольха приподнял голову. Разъезд из четырех всадников в шеломах, латах, на крепких лошадях неспешно ехал по полю. Узнать наибольшего в разъезде не составляло труда. Он ехал впереди, за его плечами развевался красный суконный плащ. Был он гораздо выше остальных ратников, суровее лицом, а в его русой широкой бороде уже пробивалась седина.

Сердце у Васьки упало. Княжских ратников он боялся не меньше, чем оборотней и волколаков. Глаза Васьки закрылись, а его толстые, обветренные ветрами Гиблого места губы беззвучно зашептали заклинанье-оберег, припасенное на особые случаи:

«Ты зачем меня, матушка, несчастного, родила? Завернула бы меня в льняную тряпочку да бросила бы камешком в синее море. Лежал бы я на дне, не ездил бы в дальние страны, не побирал бы копеечку, не боялся врага лютого. Обереги меня, матушка, окутай своим саваном, прикрой от напастей».

Когда Васька открыл глаза, ратников уже не было. Он облегченно вздохнул и отер ладонью потный лоб. Пронесло!

Кожаный мешочек с бурой пылью, спрятанный за пазухой, топорщил рубаху. Васька

поднял руку к груди и осторожно погладил мешочек сквозь полотно рубахи. Вот оно, счастье-то.

Если Бава Прибыток не поскупится и даст хорошую цену, можно будет с полгода не ходить в Гиблое место. Жизнь пойдет сытая, пьяная, да и на утеху любовные кой-чего останется.

Васька Оляха шмыгнул носом, осторожно выглянул из травы и огляделся. Вроде никого. Можно выходить. Куда, интересно, схоронился Надей?

Васька было привстал, как вдруг услышал чей-то грозный, насмешливый голос:

– Эй, дядя, выдь-ка к нам!

«Конец!» – понял Васька и обмер от ужаса. Но не тут-то было. Сидящий в пяти саженях от него Жгут вскочил на ноги и бросился к лесу.

– Держи его! – заорал охоронец.

Надей утекать от княжьих охоронцев быстрее, чем заяц от лисы. Но двое всадников, прищпорив коней, перерезали ему путь к отступлению. Жгут остановился, выхватил из ножен меч и угрюмо посмотрел на окруживших его дружинников. Лошади захрапели под дюжими седоками, загарцевали на месте, забили по земле копытами, фыркая на Жгута и тесня его прочь от чащобы.

Жгут взял меч на изготовку. Видимо, понял, что убежать не удастся, и решил дорого продать свою жизнь. «Помочь бы!» – промелькнуло в голове у Васьки. Но он тут же прогнал эту мысль как глупую. Своя рубаха ближе к телу.

Надей Жгут отлично владел мечом. Но с пятью дружинниками в полном боевом снаряжении ему, конечно, не совладать.

– Сдохни, добытчик! – крикнул один из дружинников, молодой парень с крохотной русой бородкой, и метнул в Жгута копье. Жгут ловко пригнулся, и копье просвистело у него над головой.

Второй дружинник замахнулся копьем, но Жгут скакнул вперед, подпрыгнул и всадил меч противнику в зазор между нагрудником и боковым щитком. Кровь красным фонтаном ударила из прорывленной груди охоронца.

Надей мягко, по-кошачьи, приземлился, схватил ратника за ногу и стащил его с храпящего коня. Затем, не дав княжьим прийти в себя, вскочил на коня и шлепнул его по крупу голомению меча.

– Уйдет! – крикнул кто-то из охоронцев.

И мог, мог Жгут уйти, кабы конь, верный своему убитому хозяину, вместо того чтобы пуститься в галоп, не поднял Жгута на дыбы.

Третий дружинник, пожилой, чернобородый, швырнул копье, и оно с отвратительным чавкнувшим звуком воткнулось коню в живот. Конь зашатался, споткнулся о ком земли и тяжело повалился на бок. Жгут успел спрыгнуть на землю и по-волчьи зыркнул глазами на дружинников.

– Сдавайся! – крикнул один из них. – Все одно сгубим! Давай уж сразу, чтоб не мучаться!

Жгут оскалил зубы в усмешке.

– Крепкий зуб мяса не боится, – прорычал он. – Сгуби, коли сможешь.

Дружинник хотел что-то ответить, но Жгут метнул в него меч. Меч, сверкнув в воздухе, сбил с головы дружинника шлем.

Надей подхватил с земли копье, повернулся с ним к другому ратнику, но сделать ничего не успел. Охоронец ударил его щитом по голове и сбил с ног.

Кони, словно огромные черные стервятники, налетели на упавшего Жгута и стали топтать его копытами.

Что было дальше – Васька Оляха не смотрел. Он выскочил из травы и опрометью бросился к лесу. Он бежал, не чувствуя в груди сердца. Летел, продираясь сквозь кусты, как напуганный олень. Рядом с ухом пронзительно просвистела стрела.

«Быстрее! Быстрее! Быстрее!» – колотилось у Васьки в ушах.

Ворвавшись в лес и добежав до небольшого, поросшего травой овражика, Васька нырнул на дно и спрятался за большой гнилой колодой.

Охоронцы осадили коней у самой кромки чащобы.

– Где он? – спросил один.

– Не видать! – ответил другой.

Васька выглянул сторожко из-за колоды и увидел, что один из ратников, рыжий, угрюмый, спешился.

– Ты чего? – спросил его чернородый.

– В чаще поищем, – угрюмо ответил тот.

Чернородый посмотрел на темные влажные дубы и зябко передернул плечами.

– Я туда не пойду, – сказал он. – Третьего дня упырь двух лошадей загрыз и воеводина племяша покалечил.

– Так то ночью, – возразил рыжий, однако взгляделся в черную стену деревьев с тревогой. – Днем-то чего бояться? – Он обернулся и взглянул на товарищей: – Так что, будем искать?

Чернородый и второй охоронец переглянулись.

– Ну его к лешему, – сказал чернородый. – Все одно оборотни али волколаки сожрут.

Охоронцы, так и не решившись войти в чащу, нехотя ретировались. Сидя за колодой, Васька видел, как рыжий отрубил мертвому товарищу голову. Он хотел сделать то же самое со Жгутом, но чернородый его остановил.

– Оставь.

– Так ведь обратится.

– Пускай его. Заслужил.

Тело Жгута оставили нетронутым. Обступив обезглавленного товарища, ратники сняли с голов шлемы и, нахмутив брови, посмотрели на его труп.

– Прощай, Вольга! – сказал один.

– Прощай, Вольга, сын Сиварда! – вторил ему второй.

– Пусть Валкирии-девы унесут твою храбрую душу в Уграйские Кущи! – торжественно произнес третий.

Постояв еще немного над телом поверженного товарища, ратники надели шлемы и забрались на лошадей. Пограничный разъезд, теперь уже из трех охоронцев, неторопливо двинулся дальше.

Васька Ольха выждал, пока они скроются из глаз, и только потом выбрался из травы. Спасен! – понял он.

Добытчик вытер вспотевшее от страха лицо дрожащей рукой. Тело его затекло от неподвижного лежания, и пришлось несколько раз присесть, чтобы восстановить кровообращение.

Трупы Жгута и убитого ратника остались лежать в траве. Васька даже отсюда чуял запах свежей крови. Его слегка замутило. Ему и раньше приходилось видеть мертвецов. Но здесь, в Гиблом месте, мертвецы вызвали не грусть и тоску, а страх.

Недолго им там лежать. Не сожрут звери, так обглодают волколаки. «И меня бы могли», – подумал Васька, и его прошиб пот. По-умному, нужно было подойти к Жгуту и вынуть у него из-за пазухи мешочки с бурой пылью, но Васька не решился. А ну как волколаки уже рядом? Вон и мороки на солнце напоззли, а волколакам только того и надобно.

Васька вздохнул, одернул полукафтан, поправил на плече котомку, отвел ножны в сторону, чтобы не били по ногам – да и зашагал к меже.

Жгута было жаль, но не очень. Они были знакомы всего три дня. Раньше Жгут был стрелцом, но потом повздорил с княжьим поручиком, и его вышвырнули из дружины.

Смелый человек был Жгут, ничего не скажешь. Но уж больно угрюмый да самобытный. Никогда не знаешь, что у такого молчуна на уме.

Прошагав пару верст, Васька Ольха остановился, чтобы передохнуть, и достал флягу и

водой. «Жаль, что бурая пыль Жгута пропала, – подумал он, глотая прохладную воду. – Но уж лучше зернышко в руке, чем пятерня в жерновах. Хватит и одного мешочка».

Убрав флягу в котомку, Васька достал драгоценный мешочек и взвесил его на руке. Взять, что ли, щепоть? Васька решительно тряхнул головой – нет, нельзя. Вот попадет он в княжий град, там и расслабится. Но не бурой пылью, а брагой и хмельным сбитнем.

Васька спрятал мешочек обратно за пазуху. Неподалеку завыл волколак. По спине Васьки пробежала дрожь. Он одернул полукафтан и быстро зашагал к Черному бору, за которым стояла каменная межа. Перейдет межу – и не достать его волколакам.

Шагая к меже, Васька представлял себе свое будущее богатство. На лице у него, несмотря на страх, повисла самодовольная улыбка. Хорошо быть добытчиком бурой пыли. За пару дней столько огребешь, сколько в поле самым тяжким трудом за год не заработаешь.

Под ногой у Васьки пыхнуло, вверх взвилось черное облачко. Сонный гриб! Васька заткнул нос пальцами, чтобы не нюхать грибную пыльцу, и побежал вперед, да было уже поздно. Голова у него закружилась, перед глазами поплыло. Пробежав еще несколько шагов, Васька споткнулся и повалился в траву.

Когда он снова открыл глаза, солнце на небе заметно переместилось. Верхний его краешек был затянут рваными мороками. Васька поднялся на ноги и помотал головой, прогоняя остатки сонной одури.

За спиной у Васьки хрустнуло. Он быстро обернулся. В паре шагов от него стоял Надей Жгут. Лицо добытчика было вымазано кровью.

– Жгут! – выдохнул Васька.

– Ты пошто меня бросил? – спросил Надей. Голос его прозвучал глухо и гулко, будто из глубокого колодца.

– Жгут, я...

И тут лицо Надея задергалось, отпорщилось, будто костям стало тесно под кожей. Глаза подернулись красной пеленой, верхняя губа слегка оттопырилась, и изо рта выползли два желтых клыка.

– Пошто бросил? – проговорил Жгут, пришепetyвая губами. – Пошто?

Он вдруг вскинул руки с крючковатыми когтями и быстро пошел на Ваську. Тут бы и пришел Ваське Ольхе конец, кабы порыв ветра не сдвинул с неба тучу.

Желтый луч солнца упал Надейю на лицо. И в тот же миг костлявую харю Жгута прорезал багровый рубец, и от рубца поднялся едкий, сизый дымок.

Жгут заревел и закрутился на месте, стараясь спрятать от солнца обожженную рожу. Васька в первый раз видел перед собой настоящего упыря...

Дрожа от ужаса, почти не соображая, что делает, Васька Ольга выхватил из ножен меч, шагнул к Жгуту и рубанул его мечом по шее.

Голова слетела с сутулых плеч Надея и шлепнулась на землю. Красные глаза смерили Ваську ненавистным взглядом.

– Сдохнешь здесь! – пролаял кривой обескровленный рот. – Сдохнешь!

Лицо упыря дернулось и оцепенело. Васька сделал охранный знак, отгоняя злых духов, пробормотал, как его учили добытчики:

– От погибели одичан, он напасти двойчан! Жижей болотной заклинаю – защити, дух лесной!

Что-то ухнуло в лесу. Васька нагнулся, вынул из-за пазухи Жгута мешочек с бурой пылью, сунул его за ворот рубахи, повернулся и быстро зашагал прочь.

Книга первая Падшие боги

Глава первая

В широком стакане мерно покачивались, постукивая о толстые стеклянные стенки, кусочки льда.

Прибой мерными пенистыми накатами напел на береговую полосу. Солнце светило ослепительно, море искрилось так, как может оно искриться только во сне, теплый песок ласкал босые подошвы. Сногсшибательная блондинка в бикини остановилась перед шезлонгом, в котором сидел Глеб Орлов, улыбнулась, приоткрыв чувственные губы, и вдруг рывкнула:

– Орлов! Орлов!

Глеб дернулся от неожиданности и открыл глаза. Стул под ним накренился, Глеб попытался схватиться рукой за край стола, но пальцы соскользнули с полированной столешницы, и Глеб рухнул вместе со стулом на пол.

Редакторский кабинет наполнился смехом.

– Орлов, какого черта ты делаешь? – сердито спросил главный редактор Турук.

Глеб поднялся с пола.

– Я?.. – Он рассеянно огляделся. – По-моему, я упал.

Коллеги снова засмеялись, но Турук сверкнул на них свирепым взглядом, и все замолчали. У главного редактора Ивана Кузьмича Турука был тяжелый нрав, и журналисты его побаивались. Все, кроме Глеба.

– Орлов, ты опять уснул на редакционном совете, – багровея, проговорил Турук.

Глеб потер кулаками воспаленные глаза и ответил:

– Иван Кузьмич, я не уснул. Я просто задумался.

– Правда? И о чем, позволь узнать?

– Ну... – Глеб «завис», силясь придумать подходящий ответ.

– Освежаем третью полосу, – шепнула ему на ухо редактор отдела культуры Катя Королькова.

Глеб улыбнулся и изрек, беззастенчиво глядя Туруку в глаза:

– О том, как нам освежить третью полосу!

Турук побагровел еще больше.

– Для начала тебе не мешало бы освежить мозги, Глеб, – сказал он.

Коллеги снова засмеялись: одни простодушно, другие, желая подлизаться к Туруку, – издевательски. Однако Глеба этим было не пронять, он лишь пожал плечами и, прикрыв рот ладонью, сдержанно зевнул.

– Пора тебе завязывать с активной ночной жизнью, если не хочешь, чтобы дневная превратилась в дерьмо, – изрек Турук.

Глеб сделал возмущенное лицо:

– Иван Кузьмич, вы же меня сами послали в этот клуб.

– Точно, посылал. Но лишь затем, чтобы ты принес мне репортаж. Где репортаж? Он готов?

– Э-э... Да.

– И где он?

Глеб ткнул себя пальцем в лоб, улыбнулся и добродушно проговорил:

– Пока только здесь. Но через двадцать минут...

– Ох, Орлов, Орлов, – вздохнул Турук. – Ты меня в гроб загонишь. Здоровый парень, а все как мальчишка. Ты помнишь, что обещал взять у Алины Полях интервью? Хоть это-то ты сделал?

– Э-э... – «Сделал или нет?» – пронеслось в голове у Глеба. Точно ответить на этот вопрос он не мог, но, однако же, кивнул головой и уверенно заявил: – Конечно!

Тут Глеб тихонько потряхнул головой, словно это могло помочь и собрать разбегающиеся мысли воедино, но в голове вместо этого заухал колокол.

– Что ты головой трясешь? – проскрежетал Турук. – Иди умойся и отдай текст

интервью верстальщику. С тебя пять тысяч знаков – не больше и не меньше.

– Яволь, майн фюрер, – тихо проговорил Глеб.

– Что?

– Хорошо, Иван Кузьмич. Сейчас же этим займусь.

В кабинете Глеб первым делом сделал себе крепкий кофе, затем развалился в крутящемся кресле, достал из сумки диктофон и нажал на кнопку «воспроизведение».

– Алина, – услышал он свой хмельной голос, – между прочим, я ваш поклонник. Нет – правда! Я восхищаюсь вашим талантом!

– Ах, мужчины, все вы так говорите, – проворковала в ответ поп-звезда.

– Вы такая чувственная, такая...

– Какая?

Послышались невнятные шорохи, и вслед за тем голос Алины прозвучал с напускным возмущением:

– Что вы делаете, Глеб?

– Вы такая...

– Глеб, я позову на помощь!.. Зачем вы положили туда руку?.. Глеб, вы... Я... Вы... О-о-о!.. Да!.. Да!..

– Классное интервью! – раздался за спиной у Глеба насмешливый голос Кати Корольковой.

Глеб поспешно выключил диктофон и нахмурился:

– Кать, я...

– Ладно, Орлуша, не оправдывайся.

Катя, девушка среднего роста, с волосами скорее каштановыми, чем русыми, с правильными, но не слишком выразительными чертами лица, уселась на краешек стола и тонко усмехнулась:

– Эта Полях не пропускает ни одного мужика. Почему ты должен был стать исключением? У тебя сигареты есть? Мои кончились.

– Да, конечно.

Глеб сунул руку в карман и с удивлением вынул из кармана странный красный лоскуток непонятного происхождения.

– Что это? – ошарашенно спросил он сам себя.

– Трусики, – спокойно ответила Катя.

Глеб поморщился и швырнул трусики в корзину для бумаг. Катя усмехнулась:

– Видимо, ты ей очень понравился, раз она подарила тебе свои стринги. Так ты дашь мне сигарету или нет?

Глеб достал из кармана пачку «Кэмэла» и протянул Кате. Затем потер ладонями виски и жалобно вздохнул:

– Ни фиги не помню.

– Это твое нормальное состояние, – заметила Катя.

Глеб скривился и проговорил:

– Ха-ха.

Королькова щелкнула зажигалкой и закурила. Затем взглянула на Глеба сквозь облако дыма. Рубашка его была помята, галстук съехал в сторону, но Орлова это, похоже, несколько не тревожило.

Лицо Глеба, всегда напоминающее Кате лицо странствующего рыцаря, было надменно приподнято, а взгляд глубоко посаженных карих глаз выражал угрюмую растерянность.

Катя хмыкнула.

– Орлуша, попытайся хоть что-нибудь вспомнить. Даже в такой дырявой голове, как твоя, что-то должно остаться.

– За «дырявую голову» ответишь, – проворчал Глеб. Он снова потер виски и попытался сосредоточиться.

С полминуты они молчали. Глеб курил, при каждой затяжке слегка откидывая назад темноволосую голову. Желтый свет настольной лампы, которую никто не позаботился отключить со вчерашнего вечера, падал на его худую щеку и нос – тонкий, с небольшой горбинкой, придававший Глебу сходство с хищной птицей.

– Помню, как пили коктейль... – стал он рассуждать вслух. – Алина сама смешивала. Потом затыкнул полоску кокса...

– Кокса? – вскинула брови Катя.

Глеб смущенно пояснил:

– Алина предложила. Потом снова что-то пил, а дальше... – Глеб покосился на диктофон. – А дальше все как отрезало.

Катя помахала перед лицом рукой, отгоняя дым, и тоже посмотрела на диктофон.

– Судя по записи, ваша беседа дошла до логического завершения, – констатировала она. – Кстати, Турук ждет интервью. Что будешь делать?

Глеб вздохнул и пожал плечами:

– Понятия не имею. – Он сделал брови «домиком» и жалобно посмотрел на Катю. – Слушай, Кэт, а давай что-нибудь сами накропаем? В Сети куча ее интервьюшек. Там кусок, тут кусок – с миру по нитке, голому рубашка. И потом, все равно ведь текст нужно посылать на одобрение ее пресс-менеджеру.

Катя приподняла брови и осведомилась:

– Ты хочешь, чтобы я этим занялась?

– Кать, у меня башка просто раскалывается.

Королькова вздохнула и покачала головой:

– Ох, Орлов, и наглая же ты морда. Ладно, сделаю. Но говорить с пресс-менеджером будешь ты.

– Само собой.

Глеб, морщась, поднялся с кресла и попытался обнять Катю:

– Ты моя спасительница!

Катя отстранилась:

– Убери грабли. И, кстати, почисти зубы. От тебя несет дешевым пивбаром.

Когда дверь за Корольковой закрылась, Глеб откинулся на спинку вертящегося кресла и усмехнулся. Как все-таки здорово, что под рукой всегда есть Катька.

Он устало прикрыл глаза и подумал о том, как хорошо было бы сейчас выпить бутылочку холодного пива. От приятных мыслей его отвлекла скрипнувшая дверь. Глеб открыл глаза и увидел перед собой длинного чернявого типа с тощей кадыкастой шеей. Тип был угрюм и мрачен. Это был светский хроникер Яша Фендель.

– Здорово, Фендель! – поприветствовал его Глеб.

– Привет, Орлуша.

Яков взял со стола чашку Глеба и, запрокинув голову, сделал несколько больших глотков. Кадык на его жилистой шее ритмично дернулся.

– Ты откуда? – спросил Глеб.

Яша Фендель поставил чашку на стол и взглянул на коллегу хмурым, замученным взглядом.

– С вечерины, посвященной учреждению премии имени Козьмы Пруtkова, – ответил он с ироничной усмешкой. – Вручается за вклад в искусство.

– Хорошая была вечеринка?

– Угу. Черная икра, французское шампанское. И все сидят и жрут. Как свиньи у корыта. А рядом я – с диктофоном.

Орлов тихо засмеялся, но смех больно бултыхнул в затылке и висках, как вода в чугунном сосуде, и смех угас сам собой.

– И что с премией? – спросил Глеб, поморщившись. – Уже определился лидер?

– Угу.

– И кто он?

– Один психолог, написавший глубокое исследование, посвященное транснациональным корпорациям. И охота кому-то писать об этом дерьме.

– Говорят, что за транснациональными корпорациями будущее, – заметил Глеб.

– Точно, – кивнул Яша. – Я всегда утверждал, что будущее – за концлагерями, в которых люди сведены до уровня функций, ими выполняемых. Кстати, встретил там Вадика Комарова. Он теперь горбатится в журнале «Эго-номист». Если не врет, у них гонорар раза в два больше нашего.

– Вау! – утрированно отозвался Глеб. – А, собственно, чего ты хочешь? Они позиционируют себя как журнал для истеблишмента общества. Для самых продвинутых его слоев.

Яша Фендель угрюмо поморщился:

– Ой, вот только не надо. Меня сейчас стошнит. Какой, на фиг, «истеблишмент»? Очертили аудиторию, обозвали ее «истеблишментом» и показали рекламодателю, чтобы он знал, за что платит деньги.

Глеб тихо засмеялся.

– Ну, тебя и проняло, Яков Михалыч. А я думал, ты придешь возвышенным и просветленным. Все-таки пообщался с художниками.

– Художники! – брезгливо оттопырил губу Фендель. – Художник – это человек, который при слове «масло» вспоминает о холсте, а не о бутерброде. Вот брошу все и уйду в пиар, – мрачно пообещал Яша. – Там люди хоть деньги зарабатывают. Ладно, пойду.

– Ты куда сейчас?

– На презентацию новой коллекции Биккембергса. Опять придется жрать эту чертову икру и запивать шампанью.

– Мне бы твои проблемы.

– А мне бы твои. – Фендель прищурился. – Говорят, минувшей ночью ты оприходовал Алину Полях?

– Это еще вопрос, кто кого «оприходовал».

– И как там она?

Глеб нахмурился и вздохнул:

– Не помню.

Яша Фендель усмехнулся кривоватой усмешечкой бывшего «ходака».

– Жаль. Я бы не забыл. Ну, все, я ушел.

И он, ссутулившись, побрел к двери.

Едва за Фенделем закрылась дверь, как зазвонил телефон. Глеб нехотя снял трубку:

– Алле.

– Орлов, зайди ко мне! – прорычал из трубки вечно недовольный голос редактора Турука.

– А что случилось? – невозмутимо осведомился Глеб.

– Случилось то, что тебя вызывает к себе начальник. Я думаю, это достаточно веская причина, чтобы оторвать зад от кресла?

– Иван Кузьмич, ну какой же вы начальник?

– Что-о?

– Вы не начальник, вы – отец родной.

– Был бы я твоим отцом, Орлов, я бы снял ремень...

– Не стоит, Иван Кузьмич. У вас беременная секретарша. Если она увидит вас без штанов, она родит прямо в приемной. Конечно, у этого события может быть и положительная сторона. Например, мальчика могут назвать вашим именем. Хотя я не уверен, что «Иван Кузьмич» – подходящее имя для младенца.

– Все сказал?

– Да.

– Быстро ко мне!

– Яволь, майн фюрер!

Глеб грохнул трубку на рычаг и утомленно откинулся на спинку кресла.

В кабинете главного редактора он появился только через пять минут. Турук сверкнул на него гневным взглядом:

– Почему так долго?

Глеб потупил взгляд и смиренно пролопотал:

– Иван Кузьмич, вы так грозно со мной разговаривали, что я, извините, захотел в туалет. А там – очередь из беременных секретарш.

– Все остришь? Когда-нибудь переостришь сам себя.

Глеб добродушно улыбнулся:

– Звучит как угроза. А вы сами нас учили, что настоящий журналист не должен бояться угроз.

Турук повернулся к седовласому человеку, сидевшему в красном кожаном кресле, предназначенном для важных гостей, и сказал:

– Вот, Костя: сам видишь, с кем приходится работать.

Седовласый мужчина сдержанно и вежливо улыбнулся.

– Глеб, познакомься – это Константин Евгеньевич Земцов, – представил гостя Турук. – Он профессор-археолог. Когда-то мы с ним сидели за одной партой и мечтали, что когда-нибудь потрясем мир!

– Лично меня вы потрясаете каждый день, – заметил Глеб.

Пожав седовласому мужчине руку, Глеб рухнул в кресло и закинул ногу на ногу. Профессор Земцов был невысок, полноват, седовлас и опрятен. Одет он был в темно-серый костюм и белую шелковую рубашку с расстегнутой верхней пуговкой. Верхнюю губу и узкий подбородок профессора украшали темные усики и черная бородка клинышком.

– Итак? – развязно поинтересовался Глеб. – О чем будем беседовать?

Турук побагровел и сжал кулаки, но сказать ничего не успел, поскольку «друг детства» опередил его.

– Глеб, – вежливо обратился он к Орлову, – вы что-нибудь слышали про аномальную зону под названием Лес мертвецов?

Глеб тряхнул головой:

– Нет. А такая есть?

– Есть. Недалеко от Вятки. В этом месте законы природы дают сбой. Несколько раз в Лесу мертвецов пропадали туристы. В Долине смерти, неподалеку от озера, – целое кладбище скелетов животных. Счетчик Гейгера щебечет, как соловей. Кроме того, часы начинают вести себя странно – то у всех отстают на пятнадцать минут, то, наоборот, убегают вперед. Но и это еще не все. Местные жители утверждают, что через каждые полвека здесь происходят непонятные явления. Говорят, в частности, что вблизи Пепельного озера появляются волки с женскими головами. Там же, на берегу, живут якобы страшные колдуньи, которые заманивают запоздалых путников в зазеркальный мир.

– Повезло вятичам, – сказал Глеб и достал из кармана сигареты.

– Орлов! – предостерегающе окликнул Турук.

– Простите. – Глеб вздохнул и снова убрал сигареты в карман. – И что дальше?

– Две недели назад, – продолжил профессор Земцов, – мои студенты ездили в окрестности Леса мертвецов.

– Не самое лучшее место для пикника, – заметил Глеб.

– Мы занимались раскопками, – пояснил Константин Евгеньевич. – И в органогенном культурном слое обнаружили нечто удивительное. Сейчас я вам покажу.

Профессор Земцов наклонился к портфелю, стоявшему у стола, расстегнул его, вынул какой-то сверток и положил его на стол.

– Вот, – сказал он, слегка побагровев от усилий и волнения. – Сейчас вы увидите!

Он бережно, словно обращался со спеленутым ребенком, развернул тряпицу и пододвинул предмет к Глебу. Глеб протянул руку, чтобы взять, но Земцов предостерегающе поднял ладони и торопливо проговорил:

– Нет-нет, не стоит трогать руками! Вещь очень хрупкая.

Глеб пожал плечами и убрал руку. На столе перед ним лежала разрисованная глиняная дощечка. Взглянув внимательнее, он увидел, что это портрет девушки – симпатичной юной блондинки с тонкими чертами лица и огромными ярко-синими глазищами. Карие глаза Глеба мягко замерцали, словно у голодного кота, который увидел кусок мяса.

– Это что, картина? – поинтересовался он.

Профессор кивнул:

– Да.

– Симпатичная девушка. А что в ней необычного?

Профессор и Турук переглянулись, как два преподавателя, вынужденных принимать экзамен у студента-двоечника.

– Это старинная парсуна, написанная на терракотовой черепице, – объяснил профессор Земцов с такой гордостью, словно сам ее и написал. Затем добавил с придыханием: – Она пролежала в земле много столетий! Возможно, ей больше тысячи лет!

Глеб покосился на портрет девушки и изрек:

– Для старушки выглядит неплохо.

– Да, она замечательно сохранилась, – улыбнулся Константин Евгеньевич. – Глеб, вы не замечаете в парсуне ничего странного?

Глеб снова посмотрел на глиняную дощечку и пожал плечами.

– Да нет, – сказал он. – А что я должен заметить?

– Обратите внимание на брошь, приколотую к платью девушки.

Глеб обратился. Брови его стремительно взлетели вверх. Он поднял взгляд на профессора и недоверчиво спросил:

– Это то, о чем я подумал?

– Именно, – кивнул Земцов. – Брошь сильно напоминает циферблат часов, не правда ли?

Глеб тряхнул головой, словно прогонял наваждение, и поморщился от гулкой похмельной волны, ударившейся в затылок.

– Ну, это чепуха, – сказал он. – Просто немного похоже.

Профессор Земцов просиял.

– Это еще не все! Она так хорошо сохранилась, поскольку была завернута в полиэтиленовый пакет!

– Ах, вот оно что! – Глеб облегченно улыбнулся. – Профессор, вы меня, конечно, извините, но думаю, кто-то из ваших студентов решил вас разыграть.

– Орлов! – сурово осадил его Турук.

Глеб посмотрел на редактора невинным взглядом.

– Иван Кузьмич, я просто называю вещи своими именами. Не будете же вы утверждать, что тысячу лет назад люди носили на руке «Ролекс», а в магазин ходили с полиэтиленовыми пакетами?

– В мире есть множество подобных случаев, – взволнованно затараторил седовласый профессор. – В польском местечке Грабове во время добычи известняка рабочие обнаружили прекрасно сохранившийся железный меч, изготовленный примерно в четырехсотом году до нашей эры. Спектрографический анализ металлической инкрустации дал совершенно необычные показатели – она на восемьдесят процентов состояла из алюминия! А ведь принято считать, что алюминий впервые был изготовлен человечеством лишь в начале девятнадцатого века!

Глебу было глубоко плевать на алюминий, поэтому он не выразил бурного восхищения или удивления, а просто пожал плечами. Профессора это, похоже, расстроило.

– Вижу, вы не удивлены, – констатировал он, немного сникнув. – Хорошо. А как вам такой пример: на острове Пасхи, в одном из торфяных болот, был найден средневековый рыцарь в полной амуниции и на коне!

– И что?

– А то, что монеты, найденные у него в кошельке, были отпечатаны за несколько веков до даты открытия острова! Что скажете?

– Чудеса в решете, – ответил Глеб.

– Вы не верите в чудеса? Но время от времени они происходят!

– Только не со мной, – возразил Глеб. – Правда, один раз я видел чудо. Это когда ваш бывший однокашник Иван Кузьмич Турук выписал мне премию.

– Это было не чудо, – возразил Турук. – Это была бухгалтерская ошибка. Тебе начислили деньги вместо Димы Рогова.

Глеб вздохнул:

– В том-то и дело. Выходит, чудес совсем не бывает. И все эти аномальные зоны – такая же выдумка, как летающие драконы, волки-оборотни и шестикрылые серафимы.

Турук хмыкнул, повернулся к приятелю и сказал:

– Вот видишь, Костя, именно об этом я тебе и говорил.

– Да, – кивнул тот. – По-моему, он подходит идеально.

– Не знаю. На мой взгляд, он слишком легкомыслен.

– Есть немного, – снова согласился профессор. – Но во всем виновата молодость.

Глеб, который во время этого маленького диалога переводил взгляд с одного старика на другого, обиженно нахмурился:

– Господа, я все еще здесь!

Турук взглянул на Глеба так, словно увидел его впервые.

– А я думал, ты опять убежал в туалет, – неуклюже сострил он. – Ладно, Орлов, давай к делу. Я хочу, чтобы ты отправился в Лес мертвецов. Пообщаешься с местным населением, осмотришься на месте... Ну, и сделаешь мне хороший репортаж.

Глеб смотрел на редактора удивленно и недоверчиво.

– Зачем это вам? – поинтересовался он.

– Затем, что я его попросил, – снова заговорил профессор Земцов. – Возможно, эта статья поможет обратить внимание на проблему аномальных зон.

Глеб взглянул на редактора с насмешливым упреком.

– Иван Кузьмич, у нас, журналистов, это называется «джинса».

Турук качнул лысоватой головой:

– Нет, Глеб, это называется «помощь старому другу». Я заплачу тебе за статью по двойному тарифу. Плюс роскошные суточные.

– Сколько? – деловито осведомился Глеб.

– Сто долларов в сутки.

Глеб снисходительно усмехнулся:

– Всего лишь? Иван Кузьмич, между прочим, я буду рисковать жизнью. А она у меня одна.

– Именно поэтому я стану платить тебе по сто баксов в день. Большого твоя никчемная жизнь, увы, не стоит. Ну, так как? Ты согласен?

Глеб несколько секунд размышлял, затем нахмурился и проворчал:

– Иван Кузьмич, вы из меня веревки вьете. Ладно, помогу вашему другу.

– Отлично!

– Но у меня есть еще одно условие, – важно добавил Глеб.

– Какое? – насторожился редактор.

– Премия Димки Рогова останется у меня.

Турук пошевелил бровями, поиграл желваками, покусал губы, потом махнул рукой и со вздохом проговорил:

– Ладно, черт с тобой. Уточнишь детали с Константином Евгеньевичем, а потом отправляйся домой и собирай походный рюкзак. И чтобы никакого коньяка, понял? Не на шашлыки едешь!

Проводника звали Бахтияр. Это был пожилой кряжистый манси с обветренным морщинистым лицом, в ватной куртке и шерстяной шапочке, плотно натянутой на лысую, шершавую, будто картофелина, голову. На плече у него болталось что-то вроде самодельной кожаной кобуры, из которой торчал потертый приклад ружья.

До леса они добрались на лодке по реке Лызьве. Первое, что поразило Глеба, когда он выбрался из лодки на берег, это необыкновенная тишина леса. Сам лес был темный и влажный. Дубы, березы, редкие сосны. Внизу – подлесок из густых зарослей бузины.

– Мои предки здесь тысячу лет живут, – рассказывал, бесшумно ступая по валежнику, старый охотник Бахтияр. – Раньше их вогулами называли. А место здесь нехорошее. Плохое место.

Глеб ничего не ответил. Он продолжал любоваться природой. Лес действовал умиротворяюще. Комаров в эту пору не было – гуляй себе да дыши свежим воздухом. Красота!

– ХолатСяхыл – нехорошо, – снова забубнил проводник, и на этот раз голос его прозвучал недовольно. – Ты туда идешь – духи злиться будут. Когда духи злятся, много плохого делают.

Глеб прищурил карие глаза:

– Ничего. Если разгневаются, я им отстегну двадцать процентов от своего гонорара.

– Кто такой Гонорар?

– Мой большой друг. Жаль только, что видимся мы с ним редко.

– Да, жаль, – отозвался Бахтияр. – Друг не видеть – совсем плохо. Один человек – совсем плохо. И ХолатСяхыл – тоже плохо.

– Ты повторяешься, Бахтияр.

В сумбуре, творившемся в голове Глеба, всполохами зажигались разные мысли.

«Таньке Вершининой так и не позвонил. А ведь ждет, наверное. Вот дуреха-то... Какого черта я ее вообще в койку потащил? Ведь не нравилась даже...»

Старик шагал так бодро и споро, что Глебу пришлось поднажать, чтобы от него не отстать.

«Диск с новым „Шреком“ в прокат не вернул, – с досадой подумал он. – Штраф теперь платить придется...»

В шевелюре сосны защебетала какая-то птица. Глеб прислушался к ее чириканию и вздохнул.

«И тренировку придется пропустить... Ромка Темченко в хорошей форме. И удар с правой у него нокаутирующий. А я курю. И пью больше, чем нужно. Если выиграю на областных, брошу курить и побреюсь наголо! Клянусь!»

Внезапно лес расступился, и Глеб увидел перед собой две мощные каменные арки.

– Это что? – спросил он, едва не охнув от удивления.

– Межа, – ответил Бахтияр и остановился так резко, что Глеб едва на него не налетел. – Ворота в Гиблое место, – пояснил старик манси. – Здесь отдыхать будем. Бросай рюкзак!

Орлов с наслаждением стянул с плеча тяжеленный рюкзак и опустил его на траву.

– Уф-ф... – выдохнул он.

Бахтияр улыбнулся.

– Устал?

– Есть немного.

– Отдыхай. А я пойду в лес.

– Зачем?

– Скоро приду, – проронил вместо ответа старый охотник и, сойдя с полянки, шагнул в лесную чащобу.

Немного переведя дух, Глеб подумал, что ему тоже нужно что-то сделать для общего дела. Например, нарубить дров. Предвкушая удивление Бахтияра, Орлов отстегнул от

рюкзак топор и двинулся к группе молоденьких, но почему-то уже засохших березок, видневшихся неподалеку.

Выбрав в качестве первой жертвы крайнюю, самую чахлую и беззащитную, журналист размахнулся топором и рубанул по стволу. Раздался треск ломаемой ветки. И тут же на запястье у Глеба что-то громко щелкнуло. Орлов опустил топор и глянул на руку. В его новеньких часах отвалились стрелки.

– А чтоб тебя! – яростно выругался Глеб. – А еще швейцарские! Лучше бы «командирские» купил. Те хоть не жалко.

Из леса выскочил старик Бахтияр. Метнулся к Глебу и, наморщив сухое лицо, крикнул:

– Ты что делал?

– Да вот, дров хотел нарубить, – объяснил Глеб, слегка опешив от такого напора.

Глаза старика сверкнули. Он вырвал топор из пальцев Глеба и отшвырнул его в сторону.

– Нельзя! – яростно проговорил Бахтияр. – Нельзя рубить!

– Почему? – удивился Глеб. – Они же сухие.

– Большой грех! Сорни-Най мстить будет!

– Кто такой Сорни-Най?

– Богиня! Всех, кто лес не уважает, Сорни-Най будет убивать!

– Сорни-Най, Сорни-Най, – обиженно проворчал Глеб. – Подумаешь, пара сухих веток.

Взгляд старика смягчился.

– Садись на траву, – сказал он. – Костер зажигать будем. Еду готовить.

Только сейчас Глеб заметил у Бахтияра в руке холщовую сумку. Старик перевернул ее и высыпал на траву грудку грибов.

– Что это? – спросил Глеб.

– Грибы, – ответил Бахтияр.

Глеб посмотрел на коричневые, покрытые лесным мусором шляпки и, нахмурившись, уточнил:

– Поганки?

– Зачем поганки? Опята! Сейчас жарить будем. Отдыхай пока.

Глеб пожал плечами и уселся на траву, а старик занялся разжиганием костра. Не прошло и десяти минут, как на полянке запылал, уютно потрескивая сухим валежником, рыжий костерок.

* * *

Бахтияр настругал палочек, нанизал на них грибы и воткнул палочки в землю рядом с костром. Вскоре грибы сморщились и потемнели.

– Готово! – сказал старый охотник. Он взял одну палочку и протянул ее Глебу:

– Ешь. Вкусно.

Глеб взял палочку, куснул зубами жареный гриб, пожевал и едва сдержался, чтобы не выплюнуть. «Дрянь какая», – подумал он.

– Хороший еда? – поинтересовался охотник-манси.

– Хороший, – ответил Глеб, не желая обижать старого охотника. – Ресторан «Максим» отдыхает. Но я больше люблю консервы. Не возражаешь, если открою баночку печеночного паштета?

Бахтияр не возражал.

Вместе с банкой паштета Глеб достал из рюкзака бутылку коньяка «Кутузов», подаренную ему одним бизнесменом, фирму которого Глеб ненавязчиво упомянул в своей статье.

Подлое, конечно, дело, но сейчас, уплетая бутерброд с паштетом и глотая двадцатипятилетний коньяк прямо из горлышка, Глеб нисколько не жалел о своем поступке. Уж больно хорош был этот «Кутузов».

Бахтияр от коньяка отказался, заявив, что Сорни-Най не любит пьяных. Глеб высказал старику все, что думает про вредную Сорни-Най, и в одиночку выхлебал полбутылки коньяка. На природе сам бог велел!

Пока Глеб заканчивал ужин, Бахтияр разбил у межи палатку. Глядя, как он возится с колышками, Глеб вдумчиво проповедовал:

– Ты, Бахтияр, слишком суеверен. Я понимаю, твои предки верили во всю эту галиматью с Сорни-Най, но ты-то – человек двадцать первого века. Даже в ваш дремучий поселок давно пришла цивилизация. Вот скажи мне, Бахтияр, ты смотришь телевизор?

– Нет, – ответил старик, вбивая колышек.

Глеб отхлебнул коньяка и вытер рукавом рот.

– Ну а электричеством пользуешься?

– Нет, – снова ответил старик.

Глеб удрученно покачал головой:

– Плохо дело. Вот и выходит, Бахтияр, что не хочешь ты шагать в ногу с веком.

– У века свой нога, у Бахтияра – свой, – незлобливо отозвался старик.

Глеб вздохнул.

– Хороший ты человек, Бахтияр, только темный... Ладно, что с тебя возьмешь. Как там палатка, готова?

Старик выпрямился и отряхнул руки.

– Готова.

– Пойду отдохну. Ноги гудят, будто я на пик Коммунизма взобрался – пешком и без тапочек. – Глеб поднялся и, покачиваясь, побрел к палатке. Перед тем как войти, остановился и сказал: – Если усну, до утра уже не буди.

– Спи-спи, – улыбнулся старик. – Будить буду рано.

– В этом я не сомневаюсь.

Глеб вздохнул и ввалился в палатку.

Однако поспать до утра не удалось. Ночью разыгралась гроза. Глеб проснулся от раскатов грома, поднял голову и позвал в темноте:

– Бахтияр!

Старик не отозвался.

– Эй, Бахтияр, ты здесь?

Ответа не было. Видимо, старик вышел отлить. Нашел время. Глеб снова опустил голову и зевнул. По крыше палатки застучал ливень.

Дробный перестук подействовал на Глеба усыпляюще. Вскоре он снова задремал. Но длилось это недолго. Что-то хлопнуло наверху, и на лицо Глеба потекла ледяная вода.

– Черт! – крикнул он, заворочался в спальном мешке и отполз в сторону. – Бахтияр, палатка протекает!

Ответа не последовало. Глеб пошарил вокруг себя руками, надеясь наткнуться на спящего Бахтияра, но нашарил лишь пустой спальный мешок. И тут на палатку что-то упало, раздался треск разрываемой ткани, и на голову Глебу хлынул поток.

Чертыхаясь, он выбрался из спального мешка, подхватил теплую куртку и выскочил из дырявой палатки.

На порванном брезенте висела огромная сучковатая ветка.

Глеб потянулся, чтобы убрать ее, но тут дождь захлестал с новой силой. Глеб спешно свернул спасательные работы и, держа над головой распростертую куртку, побежал к ближайшему дереву.

Вокруг творился какой-то ад. Дул ураганный ветер, стонали деревья, небо озаряли вспышки молний, от оглушительных раскатов грома вздрагивала земля.

Глеб накинул на голову куртку, прижал к груди рюкзак и, трясаясь от страха и бормоча под нос что-то вроде молитвы, сжался в комок под высоким дубом.

Когда в дуб ударила молния, Глеб успел увидеть яркую вспышку и почувствовать мгновенный запах озона. А потом вселенная погрузилась во мрак, и его стало стремительно

затягивать в какую-то черную воронку, озаренную всполохами молний.

3

В шевелюре темного дуба защебетала птичка. Глеб открыл глаза, но тут же снова зажмурил их от яркого солнечного света. Выждал несколько секунд и повторил попытку, но на этот раз действовал осторожнее. Приоткрыл один глаз, затем второй, потом повертел головой и обнаружил, что лежит на траве под раскидистым дубом.

Вдруг что-то нависло над ним, заслонив полнеба.

– Воскрес? – спросил сипловатый голос. Конопатая физиономия ухмыльнулась, обнажив крупные щербатые зубы. – А я уж думал, ты того... копыта откинул!

Орлов приподнялся и, постанывая, уселся на траве. В глазах у него зареяло.

– Черт... Это ж надо так треснуться башкой, – пробормотал Глеб, все еще не в силах прийти в себя после пережитого потрясения.

Он с усилием потер пальцами виски и страдальчески посмотрел на незнакомца. Это был совсем еще молодой парень, коренастый, широкоплечий, широколицый, толстогубый, с копной рыжевато-русых волос на голове. Одет юный верзила был в длинную светлую толстовку и какую-то странную курточку-безрукавку из траченного молью меха. На ногах у парня были какие-то странные кроссовки.

– Эй, странник, – снова окликнул его парень любопытным голосом. – А ты чего тут делаешь?

– Я? – Глеб нашел в себе силы усмехнуться. – Я здесь сижу. А ты?

– А я мимо проходил, вижу – лежишь. Думал, мертвяк. Хотел карманы обшарить, а тут ты очнулся.

Все это было произнесено с такой обезоруживающей простотой, что Глеб улыбнулся.

– Значит, ты мародер, – констатировал он. – А как тебя зовут, мародер?

– Я Васька, – ответил парень. – Васька Ольга.

– Васька Ольга. Надо запомнить.

Пытаясь сообразить, где он и что, собственно, происходит, Орлов достал из кармана пачку «Кэмэла» и зажигалку. Васька Ольга уставился на эти предметы с нескрываемым любопытством.

– Это у тебя чего? – спросил он.

– «Кэмэл». Будешь?

Вихрастый покачал головой:

– Не.

Глеб поднес зажигалку к сигарете и крутанул колесико.

– А-а! – заорал Васька и бухнулся пластом на землю.

Глеб удивленно на него посмотрел:

– Ты чего, парень?

– Не жги меня, колдун! – жалобно пролепетал Васька с земли. – Я тебе еще пригожусь!

Глеб улыбнулся, закурил и убрал зажигалку в карман.

– Чудак, – с усмешкой сказал он, – ты что, никогда зажигалку не видел?

Парень приподнял голову и испуганно посмотрел на Глеба.

– Ты меня не убьешь? – спросил он.

– Нет, – ответил Глеб.

Парень немного успокоился, но тревога у него из глаз не исчезла.

– Чужеземец, ты ведь колдун?

Глеб несколько секунд смотрел на парня, затем отвернулся и пробубнил с досадой:

– Везет мне на сумасшедших. Да, я колдун. Маг с Востока. Устраивает?

Васька еще немного полежал на земле, затем, видя, что колдун, по всей вероятности, не желает ему вреда, поднялся и снова уселся рядом. Теперь он смотрел на Глеба со страхом и

уважением.

– Дымит, – сказал он, скосив глаза на сигарету. – На жертвенный костер не похоже.

– А это и есть жертвенный костер, – кивнул Глеб. – Я приношу в жертву великому богу Никотину собственные легкие.

– Да примет бог Никотин твой жертвенный дар! – искренне пожелал парень.

Глеб усмехнулся:

– Ну, спасибо.

– Как тебя звать-величать, восточный маг? – поинтересовался Васька голосом мягким и вкрадчивым.

– Зови меня... – Глеб на секунду задумался, посмотрел на сигарету, усмехнулся и выдал: – Галеб Табак ибн Алкоголь.

Васька наморщил лоб.

– Мудреное имя, – сказал он. – А покорооче можно?

– Можно. Просто Глеб.

Орлов посмотрел на круглую конопатую физиономию парня и подумал с тоской: «Во прет-то! Что за грибы мне впарил старик? Таких крутых „глюков“ у меня сроду не бывало. И, главное, все так реально!»

Поразмыслив, Глеб пришел к выводу, что этот Васька – что-то вроде местного деревенского дурачка. А что касается странных грибов, то не мешало бы привезти пару шляпок в Москву.

В голове у Орлова вновь заухал колокол. Он скривился и вспомнил, что перед сном глотнул коньяку. Странно. Выпил вроде немного, а похмелье – как после хорошей ночной пьянки.

И вдруг его пробрал озноб, а по спине протекла струйка горячего пота. Глеб понял, что в памяти у него образовался огромный провал. Он, например, совершенно не знал, зачем сюда пришел. Он помнил морщинистую физиономию проводника... Как же его звали?... Какой-то охотник... Помнил, что они высадились из лодки, а потом пошли... Вокруг были деревья... Вот эти самые деревья, которые и сейчас здесь. Были каменные столбы... «Межа» – кажется, так они называются. А вот бурелома по обе стороны от столба не было. Точно не было. Неужели за ночь столько навалило?

Глеб нахмурился и взглянул на наваленные ветки. Они выглядели так, словно были навалены сюда специально. И еще – бурелом расходился от каменной межи в обе стороны, будто ограждение.

Да и вся местность выглядела как-то иначе. А это что там темнеет в траве? Глеб протянул руку и поднял с земли длинный темный тяжелый предмет. Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что это ружье в потертom, очень жестком кожаном футляре. К футляру был пришит кожаный карман на трех пуговицах-кнопках. Глеб отщелкнул их и заглянул внутрь. В кармашке было два патрона.

«ХолатСяхыл – нехорошо... – прозвучал в голове у Глеба хрипловатый голос старика. – Сорни-Най мстить будет...»

– Это чего? – с любопытством глядя на ружье, осведомился Васька. – Твой посох?

– Да, – рассеянно ответил Глеб. – Называется «ружье».

В душе у Орлова засадила тупая игла. Что же он тут делает? И кто он? Глеб положил ружье на траву, зажмурился и изо всех сил напряг память. В голове замелькали какие-то смутные образы – обложки журналов, бокалы с коктейлями, чья-то голая женская грудь... Но кроме того, что его зовут Глеб, Орлов так ничего и не смог вспомнить.

Тогда он попытался вспомнить хотя бы дату. Какое сегодня число? Какой месяц?

Глеб напрягся и... вновь провал. Сердце забилося учащенно. Теперь у него вспотели ладони, а желудок свело от внезапного приступа страха.

«Главное не паниковать, – сказал он себе. – Вспомни тех парней в больнице!»

Полгода назад он делал репортаж о психиатрической клинике и видел там парней с частичной амнезией. Целые куски прошлого исчезли из их памяти. Впечатление они

производили жалкое, но врач утверждал, что со временем память может восстановиться.

Главное – не паниковать! По крайней мере, теперь было понятно, что он – журналист. Правда, что это такое – «журналист», Глеб не смог сформулировать для себя достаточно четко.

– Колдун, а Колдун? – снова заговорил парень.

Глеб вздрогнул и открыл глаза:

– Чего тебе?

– А ты зачем здесь – у Гиблого места?

– Отдыхаю, – мрачно ответил Глеб. – Приехал на пикник, но отстал от группы. Слушай... как тебя... Васька... ты здесь случайно не видел старика в ватнике?

– Э-э... Нет, не видал. В Гиблое место мало кто ходит. – Васька вздохнул и огляделся. – Много народу тут померло. Кто оборотню в зубы попал, а кого блудни слопали.

– Блудни?

Васька кивнул:

– Угу.

– Проститутки, что ли?

– Блудни-то? – Васька опасливо покосился на каменную межу, вокруг которой был навален бурелом, образывавший невысокую стену, потом перевел взгляд на клонящееся к закату солнце. – Их чаще упырями называют. Упырю, кроме крови, ничего не надо. Не будет кровь живую пить – заживо сгниет.

Глеб усмехнулся. Веселый парень этот Васька Ольха. И байки хорошо травит.

– А откуда они взялись, эти упыри? – поинтересовался шутки ради Глеб.

– Известно откуда. Помрешь за межой – в упыря превратишься. И кровушку людскую будешь пить.

В висках у Орлова снова заломило. Он поморщился и машинально достал из маленького кармашка рюкзака жевательную резинку. Хотел сунуть в рот, но вспомнил о правилах приличия и протянул одну подушечку Ваське:

– Будешь?

– Чего это?

– «Орбит». Со вкусом арбуза.

Орлов положил на мозолистую ладонь парня белую подушечку. Васька внимательно подушечку осмотрел, понюхал, потрогал пальцем и только после этого сунул в рот. Конопатое лицо парня осветилось, словно внутри его черепа кто-то включил лампочку.

– О-о-х... – восторженно выдохнул Васька. – Вкуснотища-то какая! – Кадык парня дернулся, и он вновь взглянул на Глеба: – Есть еще?

– Ты что, проглотил?

– Ну.

Глеб удивленно хмыкнул.

– Ну, держи. Только это последняя.

Васька отправил в рот еще одну подушечку «Орбита» и блаженно прикрыл глаза.

Внезапно в похмельную голову Глебу пришла неприятная мысль.

– Слушай-ка, Васька... Ты сказал, что это гиблое место.

– Ну да. Про то все ведают!

– А если оно гиблое, то какого черта мы здесь сидим? Здесь ведь опасно?

Васька ощерил зубы и помотал вихрастой башкой:

– Опасно, да не очень. Волколаки и ночью-то редко за межу выходят. А днем и подавно нос не высунут.

– Волколаки? – Орлов кисло улыбнулся. – Веселый ты парень, Васька Ольха. Кстати, а ты сам-то чего сюда приперся?

– В Гиблое место? – Глаза парня забежали. – Да заблудился я, – нехотя проговорил он. – По грибы пошел да и заблудился.

– А грибы твои где?

– Грибы-то? А потерял.

Васька явно врал. Но допытываться до правды Глеб не собирался. Если парень врет, значит, у него есть на то своя причина.

– А ты что про меня подумал? – спросил вдруг Васька, опасливо вглядываясь в лицо Глеба. – Что я добытчик? – Он нервно хихикнул. – Ты не думай. Я бурую пыль всего два раза-то и видел. И только в блажном доме.

Глеб ничего не понял в этой абракадабре, а потому пропустил ее мимо ушей.

Тем временем Васька Ольха извлек откуда-то из-под зада котомку и стал в ней рыться.

– Разделишь со мною трапезу, колдун? – поинтересовался он, вытаскивая из котомки что-то, завернутое в просаленную тряпицу.

При упоминании о еде в желудке у Орлова заурчало.

– Да... – ответил Глеб неуверенно. – Наверное.

Васька разложил тряпицу, и Глеб увидел небольшой кусочек сала, вываленный в соли.

– Сало?

Васька кивнул:

– Ну! Тетка Яронега солила! А к нему у меня хлебушек есть. Да и луковицей дух запечный не обнес.

У Глеба вдруг свело желудок от голода. Он увидел рядом с куском сала берестяной туюсочек и спросил:

– А там у тебя что?

Васька открыл туюсок и вытряхнул на тряпицу несколько жареных тушек со скрюченными лапками. Орлов наморщил лоб и брезгливо оттопырил губу.

Васька придвинул к Глебу одну тушку и улыбнулся:

– Угощайся, колдун, не побрезгуй.

– Это крысы?

– Что ты! Я не домовой, чтобы крыс жрать. Это земляные жабы. Я их сам в выгребной яме наловил.

Он сунул обжаренное тельце жабы в рот и с хрустом откусил ей голову.

– Мы их специально в яме разводим, – объяснил Васька Ольха с набитым ртом. – Тетка Яронега их летом в золе коптит да на солнце сушит, а зимой односельчанам продает. По денежке за штуку. Ты ешь-ешь, не смущайся! У меня еще много!

Глеб поморщился. В лицо ему вдруг пахнуло холодным ветром, и по траве пробежал шелест, похожий на шепот.

Глеб заметил, что Васька напрягся.

– Знаешь, чужеземец... – тихо проговорил он. – Пора нам отсюда убираться.

– А что слу...

– Тихо! – хрипло выдохнул парень и напряженно на что-то уставился.

От этого его взгляда Глебу сделалось не по себе. Лицо Васьки застыло, пальцы сжали котомку так сильно, что у него побелели костяшки пальцев.

– Духи лесные, защитите от напасти, – взволнованно прошептал парень, глядя куда-то за межу. – Не дайте сгинуть во цвете лет...

Глеб проследил за его взглядом. В высокой траве кто-то был. Глебу даже показалось, что он слышит тихое рычание. Может быть, это бродячие собаки? Бабка Глеба жила в селе, и осенью по лесам бегало много бродячих собак, которые остались после закрытия лагерей и пансионатов. Видимо, здесь то же самое.

При мысли об одичавших собаках под ложечкой у Орлова засосало. Бродячих собак он не любил и побаивался.

– Что ты там увидел? – спросил Глеб, невольно перейдя на шепот.

– Кажись, оборотни... – прошептал в ответ Васька, и от его замогильного шепота по спине Глеба пробежали мурашки.

Глеб отчетливо увидел, как две темные морды поднялись из травы. Глеб не смог их хорошенько разглядеть – мешала трава. Да и высунулись они лишь на пару секунд.

– Сторона наветренная, – тихо проговорил Васька Ольха. – Они нас пока не чуют. Но если ветер переменится – нам конец.

– А они нас не видят?

– Видят, но плохо. Их дневной свет слепит. Заметили! – воскликнул вдруг Васька и дернул рукой.

Глеб с изумлением увидел в его правой руке короткий меч.

Твари, скользя в высокой траве, медленно приближались. Васька заклацал зубами. Его бил нервный озноб.

Страх парня невольно передался и Глебу. Он протянул руку и поднял с земли кожаный чехол с ружьем. Глеб не помнил, откуда взялось это ружье, но в данных обстоятельствах это не имело значения. Главное, чтобы оно было исправным. Глеб достал из кармашка патроны, перегнул ствол и вставил патрон в патронник.

Звери подобрались настолько близко, что Глеб слышал их рычание вполне отчетливо. Вдруг трава качнулась, и он увидел, как что-то темное бросилось к ним из травы.

Глеб вскинул ружье и нажал на спуск. Громыхнул выстрел. Сердце Глеба судорожно и быстро забилося, а к горлу подкатил тошнотворный комок.

Держа ружье в дрожащих руках, Глеб глянул на Ваську. Тот, с ужасом глядя на ружье, попятился. Затем быстро обмахнул себя рукой, будто перекрестился, и пробормотал:

– От погибели одичан, он напасти двойчан! Жижей болотной заклинаю – защити, дух лесной!

Глеб хотел усмехнуться, но у него не хватило на усмешку ни сил, ни храбрости.

– Кончай причитать, – сказал он. – Какой, к черту, дух? Лучше пойдем посмотрим – кажется, одного пса я завалил.

Васька Ольха дернул головой в сторону межи и прищурил бледно-зеленые глаза.

– Да, – пробормотал он. – Кажись, завалил. А другой, кажись, убег.

Глеб вынул из кармашка кобуры патрон и перезарядил ружье.

– А ну отойди, – сказал он, оттолкнул парня в сторону, вскочил на ноги и зашагал к меже.

То, что Глеб увидел в траве, заставило его содрогнуться от ужаса и отвращения. Бродячий пес, огромный, пегий, с клочковатой шерстью, смрадно пахнущий, был убит наповал.

Подошел и Васька. Встал рядом, глянул на пса и присвистнул:

– Вот это да! Твой посох всю морду волколачихе разворотил. Не понять, красивая была али нет.

Васька пнул пса по морде. Глеб побледнел. Внезапно ему стало трудно дышать, а по спине его стекла струйка холодного пота. Лапоть Васьки развернул зверю морду, и Глеб вместо собачьего глаза увидел темную негритянскую щеку и остекленевший человеческий глаз.

«Этого не может быть, – сказал себе Глеб. – Это... Это просто игра света».

– Это игра света, – пробормотал он вслух.

Васька покосился на Глеба и вдруг спросил, понизив голос до опасливого шепота:

– Ты это... ел когда-нибудь мясо волколачье?

– Нет, – хрипло ответил Глеб.

– И я нет. – Васька перевел взгляд на мертвую волчицу и произнес дрогнувшим голосом, словно сам боялся того, что говорит: – Съедем по кусочку? Бают, от их вымени в мужике силы для баловства прибавляются.

Глеб снова посмотрел на развороченную морду зверя, сглотнул слюну и отвернулся. Видимо, это был не просто пес, а мутант. Говорят, в Чернобыле после катастрофы тоже расплодились мутанты. Может, и здесь что-то такое было. Или есть. Какой-нибудь химический завод. Авария. Утечка. Да все, что угодно! Вон Димка Рогов прошлым летом поймал в Дельте леща с тремя глазами! Тоже мутация. Стоит ли удивляться?

– Так ты будешь? – снова спросил Васька.

– Нет, – пробормотал Глеб.

Васька с вожделием посмотрел на розовое вымя волчицы и вздохнул:

– Ну, тогда и я не буду. Вещун наш сельский дознается – башку оторвет.

– Как дознается?

– Как-нибудь да дознается, – сказал Ольха. Он отвел взгляд от трупа и огляделся. – Пора нам отсюда уходить, колдун. До града княжьего далеко, а через пару часов темнеть начнет. – Васька перевел взгляд на Глеба: – Колдун, а ты на чем сюда добрался?

Глеб нахмурился и угрюмо ответил:

– На метле.

– А где ж она теперь?

– Потерял.

Васька вздохнул:

– Жалко. У меня тут недалеко лодка. Хочешь со мной?

– Было бы неплохо.

– По Лызьве не получится, течение вспятое, но я широкий ручей знаю. Чуть мене реки, зато волна несется – быстрее птицы. Идем?

Глеб кивнул:

– Идем.

Но вдруг остановился.

– Ты чего?

– Я все вспомнил!

– Что вспомнил?

– Это аномальная зона! Я пришел сюда с проводником Бахтияром! А направил меня сюда редактор Турук! Понимаешь?

Васька нахмурился и качнул головой:

– Нет. Не понимаю.

Глеб прижал ладонь к холодному лбу.

– Черт... Если я здесь, в аномальной зоне, то... Где тогда Бахтияр и его палатка?

Васька облизнул толстые губы и растерянно проговорил:

– Прости, чужеземец, я не понимаю твоих слов.

– Ночью была гроза, – объяснил Глеб. – Молния ударила в дерево. Понимаешь?

– Да, – отозвался парень, – гроза была.

– Вот видишь! – обрадовался Глеб. – Но почему Бахтияр бросил меня? И почему меня никто не ищет?

Васька обдумал его слова, рассеянно пожал плечами, глянул на небо и сказал:

– Солнце клонится к западу. Нам надо спешить. Хотя... если хочешь – оставайся.

– Здесь? – Глеб испуганно огляделся и передернул плечами. – Да ни в жизнь!

– Тогда пошли. Время не ждет.

4

Лодка оказалась жутко узкой и неудобной. Глеба, однако, это не слишком-то беспокоило. Беспокоило и пугало его другое. А именно – странность происходящего.

Теперь у него было время все тщательно обдумать.

Парень в лаптях, мертвый мутант, оборотни, о которых упоминал Васька... Ужас, который испытывал Васька перед ружьем... Было совершенно очевидно, что в реальности это все происходить не может.

«Что творится?» – в который уже раз спрашивал себя Глеб. На этот вопрос было всего два варианта ответа. Первый – Глеб Орлов, модный журналист, дебошир и бабник, сошел с ума. Значит, все, что он видел и видит, – это никакая не реальность, а всего лишь его галлюцинации.

Второй вариант – все это *действительно происходит*. И тогда слова профессора

Земцова о странных смещениях пространства и времени в аномальной зоне обретают смысл. То есть... он попал в прошлое.

Но насколько далекое это прошлое?

– Слышь, друг... А какой сейчас год?

– Двадцать пятый, ежели считать от Большого пожара в Белом Яру.

– А если считать от Рождества Христова?

– Как это?

– Не понимаешь? Ты не знаешь, кто такой Иисус Христос?

– А, ты про Иисуса, – понял Васька. – Это бог, в которого верят греки да болгары, и он все время плачет.

– А ты в него веришь?

Васька пожал плечами:

– Да на что он мне? Тетка Яронегга сказывала, что Исус чужой бог. А у нас и своих богов полно.

Глеб нахмурился. Плохо дело. Самые мрачные его догадки подтверждались. Поверить в то, что он реально попал в далекое прошлое, было сложно. Но еще сложнее было поверить в собственное сумасшествие. Галлюцинации не бывают такими яркими и убедительными. Деревья, трава, вода... Все это *настоящее*. И тварь, которую он убил у межи, тоже настоящая. К тому же он неплохо себя чувствует. Разве больной человек может себя хорошо чувствовать?

– Слышь, Васька? – снова окликнул он парня.

– Чегось? – отозвался тот.

– Я похож на безумца?

– Ты? – Парень взгляделся в лицо Глеба и покачал головой: – Не. Я видал безумцев, они не такие. Был у нас в деревне один безумец, Пузейка Рыжий, так он даже в лютый мороз голым бегал. И тараканов в рот запихивал. Ты не такой.

– Это верно, – согласился Глеб и вздохнул. – До тараканов пока дело не дошло. Послушай-ка, Василий... а в какой стране ты живешь?

– Ась?

– Живешь, говорю, где?

Васька улыбнулся:

– Где и все, в Хлын-граде.

– Хлын? – Глеб наморщил лоб, пытаясь припомнить, где он встречал это название. Что-то такое мелькало в подкорке, но толком вспомнить не удалось. Тогда Глеб продолжил допрос: – Васька, а этот твой Хлын – он большой город?

– Немалый. Тут сам князь живет, посему и княжество наше Хлынским именуется.

– Хлынское княжество, – задумчиво проговорил Глеб. – Что-то я такого не... А какие княжества его окружают?

– Известно какие. Есть Кривичское, есть Радимичское, есть Голядь, а есть махонькое Пригорное... Разные. Иные и на княжества-то не похожи. Так, одно название. А ты почему спрашиваешь?

Глеб снова задумался. Наряду с известными названиями княжеств в Васькином перечне были и совершенно незнакомые. Может быть, он попал в эпоху, когда формирование княжеств только началось?

Орлов вздохнул: черт его знает. Но, как бы то ни было, если он действительно каким-то невероятным образом попал в прошлое, то нужно расценивать это не как беду, а как невероятный шанс, который послала ему судьба.

Ну а если это сумасшествие... что ж, когда-нибудь галлюцинации пройдут, и он увидит перед собой белые халаты врачей. А куда этого не случилось, нужно верить собственным глазам.

«Пусть будет, что будет», – подумал Глеб. А потом повторил это вслух:

– Пусть будет, что будет.

Эта простая фраза помогла ему успокоиться, но жутковатый осадок в душе остался. Во всем происходящем – будь то психическое расстройство или перемещение во времени, о котором говорил профессор Земцов, – было что-то патологическое, неправильное. И ощущение этой неправильности действовало на Глеба угнетающе.

– Васька! – снова окликнул он.

– Чего?

– Твое имя – оно ведь не славянское?

– Не славянское, – подтвердил парень. – У нас таких много. То еще при дедах наших случилось. Пришли к нам знающие грамоте люди из Македонской Булгарии. Подружились они с нашими властителями, буквам глаголицы их обучили. В их честь наши властители детишек своих нарекли. А там и прочие подхватили. И пошло-поехало. Дурное дело нехитрое, – заключил Васька.

– погоди... – Глеб напряг память. – Скажи-ка, эти гости были христиане?

– Ну.

– Если не ошибаюсь, в Болгарии христианство приняли в девятом веке. А на Руси – в десятом. Значит, мы сейчас... где-то посередине? Уф-ф... – Глеб пропотел. – Бред какой-то. Этого не может быть.

– Чего не может-то? – не понял Васька.

– Пару дней назад я пил виски и болтал по телефону с Катькой Корольковой. А сегодня сижу в допотопной лодке с парнем, обутом в лапти.

Васька обиженно просопел:

– Теперь тебе и лапти мои не угодили. Вот погоди, разбогатею – куплю себе десять пар яловых сапог! Вот тогда и посмотришь, каким гоголем Васька Ольха ходить может!

Васька насупленно отвернулся и более на Глеба не смотрел.

5

До Хлынь-града добрались уже в плотных сумерках.

Широченные дубовые створки огромных городские ворот были распахнуты. У ворот стояли ратники, числом не менее пятнадцати, и о чем-то негромко переговаривались. На Ваську Ольху и Глеба они не обратили внимания, как на всякую входящую в город либо покидающую его шушеру.

Васька и Глеб миновали ряды низких, ветхих, похожих на собачьи будки избушек, в которых ютилась беднота. Потом прошли через площадь, мимо тесно громоздящихся дощатых лавок, балаганов, рогожных палаток. Торговцы уже убирали с шестов товары, навешивали на двери тяжелые замки. В калашном ряду, несмотря на сумерки, дымили печки, от них доносился запах пирогов.

На земле, у одной из лавок, сидел нищий. Завидев Глеба и Ваську Ольху, он протянул тошную грязную руку и тихонько и тоненько заблеял:

– Пода-а-айте убогому сиротке... с го-о-олоду помираю.

– Боги подадут, – небрежно сказал ему Васька Ольха.

Глеб чувствовал себя так, словно попал в чей-то сон. Все вокруг было нереально, сумеречно, как бы не по-настоящему. На душе у Глеба было так тоскливо, что он едва сдерживался от слез.

Васька Ольха что-то рассказывал, но Глеб слушал его вполуха. У рогожной палатки стояли, тихо переговариваясь, два бородатых мужика в летних кафтанах. В сумерках их тихие голоса были слышны отчетливо и ясно.

– Плохо стало жить, – с какой-то неизбывной печалью говорил один другому. – Скучнее, тревожнее. То одна беда, то другая. За охрану от оборотней – своя мзда, от волколаков – своя. Последнюю рубаху сыми, а отдай. А кому пожалуешься, кто защитит?

– Верно говоришь, – кивнул второй. – Совсем худо стало. Повез давеча в Яров-град на

ярмарку шелку-сырца и зелья огневого. И опасничать не стал – дорогой обходной поехал, а все одно проклятые достали. Две лошади упыри разорвали. Товар пропал. Как сам ушел – ума не приложу.

– Да, дела... – горестно и тихо проговорил другой. – А рыбаки из-за Лютой рыбы, я слышал, совсем обнищали. В реку уже не ходят, а разбрелись врозь и нищенствуют... Скоро сами разбойниками станут. Темные времена настанут, Главан.

– Темные, Маламир. Ой, темные.

Заметив, что Глеб на них смотрит, мужики замолчали и уставились на него в ответ суровыми, неприязненными взглядами. Глеб поспешно отвел глаза.

– Гляди-ка! – сказал вдруг Васька и показал пальцем на большой дом со множеством окон и с большим красным коньком на крыше.

Над дверьми дома был прибит коровий череп. У невысокого крылечка, в грязи, с разбитыми в кровь физиономиями валялись пьяницы. Некоторые из них были в одних портках.

– Это что? – спросил Глеб.

– Кружало, – объяснил Васька Оляха. – Изба питейная.

– Кабак, что ли?

Васька кивнул:

– Угу.

Глебу вдруг до смерти захотелось выпить. Он понял, что, если не пропустит сейчас стаканчик-другой, просто сойдет с ума.

– Зайдем? – предложил он Ваське.

– Можно, – ответил тот. – А у тебя деньги-то есть?

Глеб качнул головой:

– Нет.

– А серебро?

– Откуда?

Васька улыбнулся:

– А на пальце что!

Глеб рассеянно посмотрел на свою левую руку и ответил:

– Кольцо серебряное.

– Ну, так сымай!

– А разве этого хватит?

– А то! На кувшин бражки да на ведро каши!

Васька довольно засмеялся.

Распахнув тяжелую, обитую рогожей дверь, они шагнули внутрь кабака. В паре саженой от порога, за высокой деревянной стойкой, стоял толстый широкоплечий мужик.

– Кто это? – с опаской спросил Глеб.

– Озар. Кабацкий целовальник. Он здесь заглавный. С ним не шути, сурьезный мужчина.

Всю большую комнату занимали деревянные столы и такие же лавки. Глебу обстановка кабака, стилизованная под русскую старину, напомнила любимый спортбар «Пивная пена». Не хватало только больших телеэкранов на стенах и смазливых официанток. Да и вони такой, как здесь, там не было.

Васька забрал у Глеба кольцо и положил его на деревянную стойку.

– Дядька Озар, дай нам бражки и закуски, – сказал он.

Целовальник взял кольцо толстыми, покрытыми черными волосками пальцами, осмотрел его, ковырнул лиловым ногтем. Затем повернулся к деревянным полкам, уставленным кувшинами, сгреб с полки огромный кувшин и две оловянные кружки и брякнул все это на стойку.

– Закуску принесу опосля, – пробасил он.

– Хорошо, дядька Озар. – Васька взял кувшин и пошел к дубовому столу. – Чего

стоишь? – бросил он через плечо. – Кружки бери!

Глеб взял со стойки кружки и последовал за ним. Усевшись за стол, Васька разлил брагу по кружкам, поднял свою и сказал:

– Здраве будем! – И шумно отхлебнул браги.

Глеб тоже отпил глоток. Почмокал губами.

– Как? – спросил Васька.

– Потянет, – без особого энтузиазма отозвался Глеб.

Он запрокинул голову и – глоток за глотком – опустошил кружку.

Подошел целовальник, с грохотом поставил на стол деревянные чаши с закусками. Здесь были капуста с брусникой, вяленая рыба, студень, жареный хлеб и каша. Васька глянул на закуски, и глазки его замаслились от предвкушения пиршества.

– Лепота, – с наслаждением проговорил он.

Васька взял кувшин и снова наполнил кружки.

После второй кружки в голове у Глеба зашумело. Воняла брага жутко, а на вкус была и того хуже. Глеб отодвинул кружку и, поморщившись, спросил:

– У вас что, самогонку не умеют гнать?

Васька вскинул брови:

– Чегось?

Глеб когда-то писал статью об алкогольных напитках. Он помнил, что простым сбраживанием невозможно получить напиток крепче двадцати четырех градусов – продукты брожения останавливают процесс. В большинстве же бродящих напитков содержание алкоголя не превышает пяти процентов.

Если это далекое прошлое, то ничего покрепче у них, скорее всего, еще нет. Смирившись, Глеб выпил еще одну кружку. Голова Орлова отяжелела, но на душе у него стало чуть легче.

– Васька! – окликнул Глеб.

– Ась? – вскинул кудлатую голову Ольга.

– Твоя брага – дерьмо. Перебродившая моча. На свете есть множество отличных крепких напитков. Водка, виски, джин, текила... Скажи-ка, ты когда-нибудь пробовал текилу?

– Чегось?

Глеб вздохнул:

– Эх, темный ты человек, Васька Ольга. Налей-ка еще браги.

За соседним столом беседовали купцы. Глеб прислушался к их разговору.

– Поляне нынче – лучшие друзья хазар, – говорил один купец, приземистый, рыжий, краснолицый. – Когда хазарскому кагану самому за дело братья лень, он полянских князей науськивает.

– А тем только того и надо, – отозвался чернявый купец. – Уж который год на земли древлян и дреговичей походами ходят и дани берут. Не ровен час и до нас доберутся.

– Полянам самим несладко, – возразил третий купец, белесый, с козлиной бородкой. – Их окромя хазар еще и печенеги клюют.

– Клюют, – согласился рыжий. – Вот они на нас и отыгрываются. Сами-то хазары давно на нас не хаживали. Все больше грозятся.

– А чего на нас ходить, – пожал плечами чернявый купец. – Мы дань исправно платим. По серебряному щелягу с сохи – как и положено. А когда и поболее. У меня о прошлую осень хазары две подводы с вяленой рыбой, беличьими шкурками и рыбьим клеем забрали.

– Постыдно это, – сказал козлинобородый купец.

– Постыдно, – согласился чернявый. – И так дотоле будет, пока с соседями не сдружимся и вместе по кагану хазарскому не вдарим.

– Сдружишься ты с ними, как же, – усмехнулся рыжий. – Попадешься какому древлянину, так он с тебя шкуру живьем снимет. И не посмотрит, что брат-славянин.

Купцы повздыхали.

– Я слышал, Киев-то хазарский богатеет, – снова заговорил чернявый. – В первые города по торговле выбивается.

– Это тот Киев, что на хазарской Израй-реке? – уточнил козлинобородый.

Чернявый кивнул:

– Угу. Только поляне ее Днепром кличут. Править Киевом хазары варягов посадили. Хаскульда и Тюра. А те с собой всю свою родню варяжскую перетащили.

– И кто ж теперь в Киеве хозяйничает – поляне, хазары аль варяги? – осведомился рыжий купец.

Чернявый дернул толстой щекой.

– Их там теперь сам леший не разберет. Не ровен час, хазарский властитель в Киев-град свою столицу перенесет. Поляне сего боятся, думают, что хазары их всех в иереев переделают.

– Как это? – не понял козлинобородый.

– А просто. Возьмет пархатый хазар свой ножик и устроит всем славянским мужикам обрезание.

Купцы переглянулись и захихикали. Отсмеявшись, рыжий купец отер мокрые глаза и сказал:

– Слыхал я давеча, что князь Орлик из Голяди на нас походом идти хотел.

– Чего ж не пошел? – спросил козлинобородый.

– Булгарцев волжских поджидал. Те обещались ему на помощь прийти, да не дошли. Сперва их лесная мордва под Муромом потрепала, а потом и хазары набежали, стрелами всех перекололи, саблями порубили.

– Туда им и дорога, – мрачно изрек чернявый купец.

А козлинобородый тяжело и горестно вздохнул:

– Эх... Живут же ильменцы. Я чай, от нас мало чем отличаются. Даже на языке похожем говорим. А у них там всем вече народное верховодит, и даже сам князь под вечем ходит.

– Потому как – славяне, – объяснил чернявый. – А наш-то князь Аскольд из-под варягов. До его двоюродного деда у нас всем тоже вече народное заправляло. А теперь, вишь, по каждому поводу князю в ноги бухайся. Все плохое из-за бугра к нам прет, – заключил чернявый купец со вздохом.

– Точно, – подтвердил рыжий. – Жили бы сами по себе, даже у самого паршивого вятичского или радимичского бродяги мамон бы до земли отвисал.

Купцы поухмылялись, повздыхали.

– Эх, нам бы Перуна в главные боги, – мечтательно произнес козлинобородый. – Этот спуску никому не даст – ни хазарам, ни гофам, ни нечисти печенежской. Да и меж нашими князьями мир учинит.

– Это как же, интересно? – поинтересовался чернявый.

– Да просто. Замахнется молнией да и скажет: «Эй, князья славянские, коли будете промеж собою драться – каждому по молнии на макушку кину!»

Чернявый хмыкнул:

– Гляди, как бы тебе Велес за такие рассказы товар не сгноил.

Козлинобородый усмехнулся:

– Ничего. Я с Велесом на короткой ноге. Десятую часть прибыли на жертвенные костры трачу. Не жмусь.

Глеб отхлебнул браги и повернул голову в противоположную сторону. За другим столом толстый длинноволосый бородач, переубеждая в чем-то собутыльников, повысил голос:

– Что есть жена? Светла лицом и высокими очами мигающа, и огонь лютый в членах возжигающа! Что есть жена? Покоище змеиное, болезнь, бесовская сковорода, увет дьявола!

Глеб покосился на толстяка и шепотом спросил у Васьки:

– Кто это?

– Не знаю, – ответил Васька, отламывая кусок от вяленой рыбы. – Похож на лекаря христианского. Я видал одного лекаря. У него изо рта дух шел зело целебный. У нас Щепетуа понести не могла, так этот лекарь юбку ей задрал и во чрево дунул.

– И чего?

– Да ничего. Понесла Щепетуа. А через девять месяцев мальчика родила с двумя головами и четырьмя ногами. Назвали Гудимкой.

– А, это. – Глеб кивнул. – Это я знаю. Называется сиаемские близнецы. На самом деле их двое, а не один. Просто они... в общем, они срослись.

Васька посмотрел на Глеба насмешливым взглядом.

– Смешные вещи говоришь, колдун. Как же двое, когда туловище едино и руки две?

Глеб хотел объяснить, но лишь рукой махнул – все равно не поймет.

– Двое! – продолжал потешаться Васька. – У вятичского орла тоже две головы, так что с того? Птица-то едина!

– Двухголовых орлов не бывает, – заявил Глеб.

– У вас не бывает, а у нас бывает, – возразил Васька. – Колдун, а простых вещей не знаешь.

– Можно подумать, ты много знаешь, – обиделся Глеб.

Васька усмехнулся:

– Да уж поболее твоего!

– Да ну? Может быть, ты знаешь, что такое ядерный ускоритель?

– А ты знаешь, сколько рыжих перьев в хвосте у сирини?

– А ты знаешь, сколько пар хромосом в ДНК человека?

– А ты знаешь, сколько зубов у незрима? А куда зимой улетаёт гамаюн?

Глеб вдруг вспомнил, что находится в прошлом, и в сердце у него снова засадила тоска. Ему вдруг стало так страшно, что к горлу подкатила тошнота. Он замолчал и насупился. Васька расценил это как признание поражения.

– То-то ж, – сказал он, победно глядя на Глеба. – А ещё спорит.

Глеб вдруг разозлился.

– Ты, Васька, дурак, – сказал он. – Дурак и варвар.

– Ты сам дурак, – возразил Васька. – Тебе тоже во чрево надо дунуть, чтобы разума прибавилось.

– В задницу себе дунь!

– Чегось?

– Тогось!

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза хмельными, угрюмыми взглядами. Потом Васька, будучи по натуре миролюбивым парнем, отвел взгляд. А Глеб вздохнул и проговорил:

– Ну и вонь тут у вас.

Васька понюхал носом воздух.

– Какая вонь?

– Такая. Вонючая. Выйду на улицу, глотну свежего воздуха.

– Я с тобой.

Глеб выбрался из-за стола. Васька последовал его примеру. Проходя мимо стойки, Васька сказал целовальнику:

– Мы скоро вернемся, дядька Озар.

Мужик кивнул.

На улице было по-ночному темно, но участок дороги перед кружалом был освещен светом, падавшим из окон, и берестяными факелами, призывно горящими по обе стороны от входа в питейное заведение.

Глеб вдохнул полной грудью прохладный ночной воздух. На душе у него было паршиво.

– Посторонись! – рявкнул вдруг кто-то у Глеба над самым ухом.

Громыхнули колеса, и Глеб отскочил в сторону, уступая дорогу тройке белоснежных лошадей, запряженных в расписную деревянную телегу – что-то вроде громоздкой кареты без верха. От прыжка хмельная голова Глеба закружилась, его резко повело в сторону, он споткнулся о камень и грохнулся оземь.

Карета остановилась. Открылась дощатая дверка, и Глеб увидел хорошенькую блондинку.

– Ты цел? – громко спросила она.

– Цел, цел, – проворчал Глеб, вставая и отряхивая куртку. – Эй, водила! – крикнул он. – У тебя что, глаза на жо...

Глеб вдруг вспомнил, где находится, и замолчал. Он глянул на девушку угрюмым взглядом и нахмурился. Она была настоящая красавица. И, как ни странно, лицо девушки показалось Глебу странно знакомым.

– Мы можем ехать дальше? – окликнул с телеги глуховатый мужской голос.

– Подожди, Егра, – ответила своему спутнику девушка. – Я хочу убедиться, что мы не поранили парня.

Красавица сошла по деревянным ступенькам кареты и хотела идти дальше, но вдруг остановилась и в растерянности воззрилась на большую лужу, обойти которую не было никакой возможности.

Глеб, от браги и отчаяния почти не соображая, что делает, стянул с плеч куртку и швырнул ее блондинке под ноги. Затем протянул ей руку. Девушка взглянула на него с удивлением и любопытством.

– Твой кафтан промок, – сказала она.

– Угу, – кивнул Глеб. – Лучше вам поторопиться.

Блондинка поколебалась еще несколько секунд, затем робко взялась за руку Глеба и пробежала по куртке через лужу. Перебежав, она попала к Глебу в объятия. Щеки девушки порозовели, и она смущенно отстранилась.

– Кто ты? – спросила красавица дрогнувшим от смущения голосом.

– Я? – Глеб горько усмехнулся. – Восточный маг. По-вашему – колдун.

– Колдун? – Девушка покосилась на куртку, накрывшую лужу. – И тебе не жаль своего кафтана, колдун?

– Ради такой красавицы я готов отдать не только кафтан, но и последние штаны.

Теперь девушка смотрела на Глеба с нескрываемым любопытством.

– Как тебя зовут, колдун? – спросила она.

– Галёб Табак ибн Алкоголь. Для друзей просто Глеб. А тебя?

– Наталья.

Глеб улыбнулся.

– Наташа, значит. Ты очень красивая девушка, Наташа. Жаль будет, если ты мне просто снишься.

Из расписной телеги выбрался грузный, полный мужчина. Он был лыс, как колено, безбород и безус. Темные глаза смотрели из-под сдвинутых бровей тяжело и неприязненно.

Лысый взял девушку под локоток и сухо проговорил:

– Неприлично тебе стоять у питейного дома. Поехали!

– Отстань, Егра! – Наталья высвободила руку из его толстых пальцев.

Глеб достал из кармана сигареты и сказал:

– Послушайте, по-моему, девушка сама может решить, идти ей с вами или нет.

Лысый толстяк посмотрел на Глеба удивленным взглядом. Его черные ломкие брови сошлись на переносице.

– Как смеешь ты...

– Все в порядке, Егра, – перебила лысого Наталья и положила ему на грудь узкую

ладонь. – Я уже возвращаюсь. – Она глянула на Глеба быстрым, внимательным взглядом, точно хотела получше его запомнить, и проговорила: – Прощай, незнакомец!

На этот раз девушке не пришлось наступать на куртку. Возница, мигом соскочив с козел, забежал в лужу, присел и подставил под ее башмачок свои ладони. Девушка положила кучеру руку на плечо и прошла по его ладоням, как по ступенькам. Секунда – и она скрылась в карете.

Егра направился было за ней, но остановился и взглянул на Глеба.

– Кто ты? – спросил он голосом негромким и холодным.

Глеб усмехнулся:

– Колдун с Востока.

Егра одарил Глеба тяжелым, полным ненависти взглядом, повернулся и, не говоря больше ни слова, полез в расписную телегу.

Возница стеганул коней, и карета загромыкала колесами по дороге. Глеб посмотрел ей вслед и сунул в рот сигарету. Васька Оляха подошел сзади и тронул его за плечо.

– Эй, колдун.

– Чего? – не оборачиваясь, откликнулся Глеб.

– Ох и страшного ты врага себе нажил.

– Ты про этого лысого?

– Егра – главный советник князя Аскольда. Люди сказывают, что лучше поссориться с князем, чем с Егрой. Егра никогда не прощает обид.

– Да ладно, не нагнетай. Лучше скажи, что это с ним за девчонка?

– Та, которой ты помог перебраться через лужовину?

– Да.

– Княжна Наталья, дочь князя Аскольда!

Глеб присвистнул.

– Значит, княжна. Круто! По-моему, я ей понравился. Слушай, а этот Егра – он что, имеет на нее виды?

Васька приосанился и ответил со значением:

– Егра – ее будущий муж.

– А разве княжна может выйти замуж за простолюдина?

– Что ты! Егра не простолюдин. Он – сын варяжского вельможи и угличской княжны.

– Крупная птица. А в советники к князю для чего подвизался? От безденежья?

– Его отца убили бунтовщики. А мать тронулась умом и утопилась. Князь Аскольд ему двоюродный дядька. Он принял Егру, как названного сына. Сначала тот писал для князя указы да речи, а потом сделался главным советником.

– Ясно, – кивнул Глеб, дымя сигаретой. – От пиарщика до замдиректора. Хорошая карьера.

Васька огляделся и зябко повел плечами.

– Эй, колдун! – окликнул он Глеба.

– Чего тебе?

– Давай скорее вернемся в кружало. Мне что-то не по себе. Говорят, у Егры в услужении есть наемные убийцы.

– Правда? – Глеб затаился в последний раз и швырнул сигарету в лужу. – Что ж, с такого мордоворота станется. Пойдем. Я хочу напиться.

Чем больше Глеб пил, тем легче ему было верить в то, что он попал в прошлое. Сама мысль об этом уже не казалась ему такой уж дикой.

За соседним столом компания окающих купцов шумно обсуждала дела. Все были упитанны, бородаты, громогласны. И только один из них – невысокий, тощий, с бледным лицом и забинтованной рукой – был тих и грустен. Время от времени он поглядывал на перевязанную тряпкой костлявую кисть и вздыхал.

Когда кто-то из купцов отпускал шутку и другие громогласно хохотали, тощий тоже улыбался, но как-то растерянно и словно бы невпопад.

Глеб кивнул на него подбородком и сказал Ваське:

– Гляди, какой бледный! Видать, брага совсем не впрок пошла.

Васька проследил за его взглядом и ответил:

– Это княжий мытарь Давило Гусь. У него жисть тяжелая. Люди его не любят, а он их за это презирает. Будешь тут бледным.

Васька взялся за кувшин и разлил брагу по кружкам.

И тут кто-то отчаянно завопил.

Загрохали сдвигаемые стулья и лавки, мужики повскакивали с мест. Глеб опустил кружку и устался на соседний стол. Там происходило что-то странное. Купцы, прежде сидевшие за столом, теперь отскочили от него на два-три шага и с ужасом смотрели на единственного человека, оставшегося на лавке. Это был тот самый мытарь, который, по утверждению Васьки Ольхи, побледнел от тяжелой жизни.

Выглядел мужичок ужасно: лицо его осунулось, глаза запали, губы стали бледно-синими. И вдруг лицо его стало меняться – рот и нос вытянулись вперед, переносица разъехалась в стороны и покрылась бурой шерстью. Из рта мытаря плеснула кровь, а вслед за ней на стол посыпались окровавленные зубы.

Глеб тряхнул головой и провел пальцами по глазам, словно пытался прогнать наваждение. Но наваждение не исчезло. Верхняя губа мытаря приподнялась, и Глеб с изумлением увидел, что на месте выпавших зубов растут острые желтоватые клыки.

– Оборотень! – заорал кто-то.

– Белого железа! Есть у кого белое железо?

Мытарь медленно поднялся и, зарывав, стал затравленно озираться по сторонам. Глеб увидел, что тряпочка на его руке размоталась и из разверстой раны торчали, словно колосья, жесткие черные волосы.

И вдруг кто-то громко и властно проговорил:

– А ну – разойдись!

Народ заоглядывался.

Из темной ниши вышел поджарый человек в замшевой куртке и высоких сапогах-ичигах. Волосы у него были длинные, темно-русые, а борода – с легкой проседью. В руке у мужчины поблескивал кинжал с лезвием из белого металла.

– Разойдись! – повторил он.

Народ расступился в стороны, давая ему дорогу. Мужчина смело шагнул к мытарю. Завидев врага, тот набычился и зарычал. Что-то заскребло по дубовой столешнице. Глеб опустил взгляд и увидел, что на пальцах мытаря отросли мощные, будто у рысы, когти.

И вдруг мытарь рыкнул и взвился в воздух. Выбросив вперед когти, он стегнул ими, целя в лицо длинноволосого. Однако тот увернулся, быстро присел и, резко крутанувшись, ударил мытаря каблуком по ноге. Мытарь рухнул на пол. В то же мгновение длинноволосый прыгнул мытарю на грудь и с размаху вогнал ему кинжал в волосатое горло.

Мытарь захрипел и попытался цапнуть длинноволосого когтями, но тот отшатнулся, а затем быстро вскочил на ноги и отбежал на пару шагов.

Мытарь, которого из-за ужасного вида и мытарем-то уже назвать было трудно, еще пару раз дернулся и замер.

Купцы повернулись к длинноволосому и приветливо загудели:

– Да воздастся тебе богами, Громол!

– Благодарствуем!

– Не за что, – ответил длинноволосый и отер ладонью вспотевший лоб. – Впредь будьте осторожней и смотрите, кого пускаете за свой стол.

Дверь за стойкой целовальника открылась, и в кружало вошли два рослых парня в рубахах. Ни на кого не глядя, они направились к мертвому мытарю. Подошли, подхватили его за руки и поволокли к выходу.

– Погодите! – окликнул их Громол.

Верзилы остановились. Он быстро приблизился к мытарю, нагнулся, вынул у того из

горла свой кинжал, отер лезвие об одежду мертвеца и вложил кинжал в ножны.

Кабацкие охоронцы подождали, пока он закончит, а потом потащили свою ужасную ношу к двери. Громол же вернулся за свой стол.

Глеб смотрел на все это, раскрыв от изумления рот. Рядом вздохнул Васька Оляха:

– Не повезло мытарю. Ой, не повезло.

Глеб сглотнул слюну и спросил севшим от пережитого ужаса голосом:

– Что с ним случилось?

– Оборотень, видать, цапнул. Ты молодец, сразу заметил, что с ним чего-то не так. А эти олухи брагу с ним пили.

Глеб недоверчиво покосился на Ваську.

– Ты хочешь сказать, что мытаря укусил оборотень и что он сам теперь превратился в оборотня?

– Да ты ведь сам видел. Хорошо, что в кружале был Громол. Не случись его – этот гад многих бы подрал.

Глеб попытался переварить все услышанное. Затем глянул на сидящего в нише мужчину. Громол ел блины и запивал их брагой, и делал это с таким видом, будто ничего особенного не случилось.

Выглядел он как повидавший виды рыцарь из средневековой легенды. Лицо спокойное и мужественное. Серые глаза смотрят открыто и бесстрашно. Борода короткая, пронизанная серебристыми паутинками седины. Длинные темно-русые волосы откинута со лба и свободно лежат на плечах. Посадка головы гордая, словно у обедневшего аристократа.

Одежда странная, совсем не купеческая: грубая замшевая куртка, сапоги с высокими голенищами. На столе – кожаная шапка, похожая на ратный шлем.

– Кто этот человек? – тихо спросил Глеб, кивнул подбородком на Громола.

– Охотник-промысловик, – ответил Васька Оляха. – Живет в лесу один, с людьми не знается. Приезжает в город, чтобы сбыть купцам пушнину и битую дичь. После заходит в кружало, выпивает кувшин браги и уходит обратно в лес. В народе кажут, мать его от лешего прижила.

Васька взялся за кувшин.

В последующие полчаса Глеб ничего не говорил, а только пил. Когда его уже основательно развезло, Васька вдруг наклонился к его уху и громко шепнул:

– Княжевы охоронцы!

В кружало, переступив через широкий дубовый порог, шагнули четверо рослых мужчин. Бородатые, чистые, в мягких сапожках и в темных стеганых подкладах, поверх которых поблескивала кольчуга и сияли медные нагрудники. На поясе у каждого – по мечу. В руках – двуострые бердыши. А вид до того грозный и внушительный, что даже буйные пьяницы притихли и вжались в лавки, стараясь стать мельче и незаметнее.

Охоронцы остановились перед столом, за которым сидели Глеб и Васька Оляха. Один из четверки выдвинулся вперед, грозно взглянул на Орлова из-под мохнатых бровей и рыкнул:

– Это ты – чужеземец?

– Допустим, – ответил Глеб дрогнувшим голосом. – А вы кто?

– Я Путята, княжий поручик! Пошто без мзды в княжество въехал? И где твой конь?

– Я пешком пришел, – сказал Глеб. – А про мзду не знал.

– По князьему указу, чужеземец, не уплативший мзду, должен пойти в полон! – басовито прорычал Путята. – До полного выяснения. Вставай, чужеземец! И руки в гору подыми!

Два охоронца шагнули к Глебу, схватили за плечи и мигом выдернули из-за стола.

– Пустите! – закричал Глеб, пытаясь вырваться. – Вы не имеете права!

Охоронец-поручик, которому надоела блажь Глеба, хлестко и привычно стукнул его кулаком по зубам.

– Ну! – сказал он угрюмо. – Теперь поблажи!

Удар по зубам отрезвил Глеба, и охота кричать и сопротивляться мгновенно пропала.

Глеба выволокли на темную, пропахшую дымом улицу, и тяжелая, обитая рогожей дверь захлопнулась за ним.

– Тебе в подземелье понравится, – насмешливо пророкотал один из охоронцев. – У нас дыба новая. На тебе и опробуем.

Глеб застонал. В ушах у него зазвучал голос профессора Земцова:

– В этом аномальном месте законы природы дают сбой. Несколько раз в Лесу мертвецов пропадали туристы. В Долине смерти под горой – целое кладбище скелетов животных. Счетчик Гейгера щебечет, как соловей. Кроме того, часы начинают вести себя странно – то у всех отстают на пятнадцать минут, то, наоборот, убегают вперед...

На глаза Глебу навернулись слезы.

– «И пошлю вам на погибель мстителя!» – донесся из-за двери басовитый голос толстого христианского лекаря. – Сие разуместь так: не богом отнимается жизнь, но по его воле рукою человека!

Самообладание окончательно покинуло Глеба. Он опустил голову и, полностью отдавшись на волю княжских охоронцев, закрыл глаза.

Глава вторая

1

Низкие своды. Кирпичные столбы. Под спиной – жесткая лавка. Вокруг – полумрак, сырость и холод. Тихий голос рядом кому-то рассказывает:

– ...И ступила княжна на землю. А знаешь, как была она одета? Китайского шелка летник с просторными, до земли, рукавами, чудно вышитый травами и зверями. А на шее – алмазное ожерелье. Поверх летника – широкий опашень с финифтяными пуговицами. А на ножках – сапожки с каблучками. И пахнет от нее цветами луговыми! О как!

Голос был знакомый. Глеб напряг память и вспомнил – Васька Оляха! Он приподнялся на локте и тихо позвал:

– Васька!

– О, а вот и он сам!

– Тот, который с княжной говорил? – спросил кто-то.

– Ну!

Васька Оляха сидел в соседней клетке. В полумраке подземелья, подсвеченном тусклым огнем дальних факелов, лицо его виделось смутно.

– Ты как здесь оказался? – спросил Глеб.

Васька вздохнул:

– По глупости. После того как тебя забрали, расстроился я совсем. Пошел в блажную избу. А бурую пыль скинуть забыл. Там и погорел.

– В блажную избу?

– Ну.

– А что это?

– Не знаешь? Может, ты и про бурую пыль не слышал?

Глеб мотнул головой:

– Нет. А что это?

– Бурая пыль – есть чудо превеликое. Добывают ее в Гиблом месте. Добытки промывают песок, собирают бурую пыль, просушивают и обжаривают. Потом ее можно ноздрями вдыхать или в воду бросать и пить.

– Зачем?

Васька хмыкнул.

– Ясно зачем. Дабы впасть в сон долгий и блаженный.

– Так это наркотик! – сообразил Глеб. – Вот уж никогда бы не подумал, что вы тут ширяетесь.

– Князь ее чужеземным купцам возами продает, – чуть ли не с гордостью сообщил Васька. – Тем казна и полнится. Никому, окромя княжьих добытчиков, эту пыль добывать нельзя. А ежели найдется смельчак, ратники споймают, отрубят руку и высекут, чтоб неповадно было.

Глеб обдумал слова Васьки и спросил:

– Есть только один прииск?

– Большой – да.

– А малые?

– Малых много. Но надолго их не хватает. Наберешь раз – и нет прииска.

Глеб потер окровавленные запястья и поморщился.

– И много у тебя было бурой пыли, когда тебя взяли охоронцы? – поинтересовался он.

Васька вздохнул.

– Какая теперь разница, – горестно сказал он. – Слаб человек... Кабы не слаб, беды бы не знал.

– Эй, хватит вам вякать! – рявкнул из своего угла охоронец по кличке Крысун. – Будете языками трепать – ката позову, он вам живо языки подкоротит!

– Смотри, как бы тебе не подкоротили, – угрюмо проговорил Глеб.

– Точно! – взвился вдруг Васька Ольха. – Ты нам не указывай, Крысун! Гляди – освободят меня, я тебя на воле подкараулю и рожу начищу!

Крысун поднялся со своей лавки и неторопливо подошел к клетке, в которой сидел Васька. Охоронец был высок, худ и жилист, а в роже его и впрямь было что-то крысиное. Он прищурился на Ваську и медленно проговорил:

– Ну-ка – дай сюда свой горшок.

– Зачем?

– Дай, говорю.

Васька ухмыльнулся, поднял с пола горшок и протиснул его сквозь прутья Крысуну.

– Ну, держи.

Охоронец схватил Ваську за руку, притянул к себе сквозь прутья и принялся выкручивать.

– Ай! – заорал Васька. – Ты чего руки крутишь, гад!

– Ну, как? – поинтересовался Крысун, сладострастно выкручивая парню руку. – Начистишь мне рожу, щенок?

Васька задергался, из глаз его брызнули слезы.

– Пусти, гад!.. Пусти!

Крысун сипло засмеялся и выпустил руку Васьки из своих длинных, цепких пальцев. Васька крикнул и шмякнулся на задницу.

– Горшок куда поволок? – со слезами на глазах проговорил он. – Куда я мочиться буду?

– В карман себе помочись, тля мерзотная.

– Гад! – в сердцах крикнул Васька.

Охоронец остановился и повернулся к Ваське:

– Мало получил? Довеску просишь?

– Эй, Крысун! – окликнул охоронца Глеб. – Оставь парня в покое.

Охоронец повернулся к Глебу и ощерил мелкие зубы.

– А ты куда лезешь, чужеземец? Тоже хочешь получить?

– Подойди и попробуй, – мрачно предложил Глеб. – У меня первый разряд по боксу. Я тебе живо зубы пересчитаю.

Крысун презрительно оттопырил губу и прогнусавил:

– Все вы смелые, пока до пыток не дойдет. А как дойдет, так мамку зовете.

Он отвернулся и пошел к своей лавке. Глеб закрыл глаза и попытался уснуть. Но едва он задремал, как дверь темницы с лязгом открылась, и в подземелье вошел огромный,

лысый, широкоплечий кат с дырявой ноздрей. А за ним – два охоронца с грозными лицами.

При их появлении Крысун приободрился и, ухмыльнувшись во весь рот, нажаловался:

– Слышь, Дранный, полонцы-то у нас больно живые! Этот вот... – он кивнул на Глеба, – ...зубы мне давеча пересчитать грозился.

– Живые, говоришь?

Кат прищурился на Глеба. Затем слегка повернул голову и приказал охоронцам:

– Этого вяжите и тащите в пыточную.

Затем повернулся и вышел из подземелья. Охоронцы, вынув из ножен кинжалы, молча зашагали к клетке Орлова.

Сопротивляться двум рослым дядькам с кинжалами в руках было глупо и бесперспективно. Глеб вздохнул, смиренно опустил голову и послушно дал себя связать.

Пыточная оказалась просторной комнатой, освещаемой двумя берестяными факелами. Глеба охоронцы усадили на одну лавку, а на другую, ту, что напротив, уселся лысый кат с рваной ноздрей.

Велев охоронцам выйти, он повернулся к Глебу и стал внимательно разглядывать его лицо. Глеб встретил его взгляд спокойно и глаз не отвел.

Вдоволь насмотревшись, кат ухмыльнулся и спросил:

– Откуда ты прибыл, колдун?

– От верблюда, – серьезно ответил Глеб.

– Это где?

– В Караганде.

Кат обдумал его слова, покачал головой и проговорил:

– Шутишь? Ладно, шутник, давай пошутим вместе. Зачем в наш град пожаловал?

– За острыми впечатлениями.

– Как это?

– Да как у всех. Секс, драг энд рок-н-ролл. Драг и рок-н-ролл уже был. Теперь жду секса.

Кат помолчал немного, хмуря широкий лоб. Потом спросил:

– Тебя видели в кружале вместе с Васькой Ольхой. Говори честно: ходил с ним в Гиблое место на добычу?

Глеб покачал головой:

– Нет.

– А что в лесу делал?

– Искал приключений на свою задницу.

– Нашел?

– Угу. Если хочешь – могу поделиться.

Кат усмехнулся и, ни слова не говоря, ударил Глеба кулаком по лицу. Голова Глеба мотнулась. Он сплюнул на пол кровь и посмотрел кату в глаза.

– Хочешь на свободу? – спросил вдруг кат.

Глеб усмехнулся:

– Зачем? Мне у вас нравится. Приятное общество, халявная еда. И персонал вежливый. Нет, я отсюда никуда.

Толстые губы ката растянулись в усмешку.

– Потешный ты. Ладно. Предлагаю сделку. Ты оговоришь одного человечка, скажешь, что видал его в Гиблом месте, на мелководном приiske, а князь взамен тебя отпустит. Да еще и одарит золотой монетой. Сделаешь?

Глеб обдумал предложение и ответил:

– У меня есть несколько условий. Во-первых, хочу, чтобы меня сделали столбовым боярином и дали мне соболью шапку. Это возможно?

Кат ухмыльнулся.

– Шапку хочешь? Будет тебе шапка.

– Это еще не все, – сказал Глеб. – Еще хочу свечной заводик.
– Будет тебе и заводик, – пообещал кат. – Теперь все?
Глеб мотнул головой:
– Нет. Хочу, чтобы ты кое-что сделал.
– Что?
– Просунь голову между ляжек и дунь себе в задницу. Сделаешь?
Кат нешироко размахнулся и хлестко ударил Глеба кулаком по губам.
– Вот тебе соболья шапка! – сказал он.
Потом вновь отвел руку и ударил еще раз.
– А вот тебе заводик!
Голова Глеба безвольно свесилась на грудь. Кат поднялся с лавки, сплюнул на пол и вышел из клетки.

2

– Орлов!
Глеб открыл глаза и с удивлением уставился на толстую, суровую физиономию главного редактора.
– Сколько можно спать на редакционных летучках? – рявкнул тот.
Сердце Глеба учащенно забилося.
– Так я спал? – с растерянной улыбкой переспросил он.
Коллеги засмеялись.
– Иван Кузьмич, можно я выйду и глотну свежего воздуха? Мне что-то нездоровится.
– Это мне от тебя нездоровится, – мрачно проговорил Турук. – Иди, но после летучки зайдешь ко мне для персонального разговора.
Пять минут спустя Глеб в курилке глубокими затяжками смолил сигарету. В голове у него все еще стоял туман. А сердце всякий раз начинало биться сильнее, как только наваливалось очередное душное воспоминание. Рваная ноздря ката, обрастающий шерстью мытарь, огромный бродячий пес с женским лицом...
При воспоминании о волколаке Глеба передернуло.
В курилку заглянула Катя Королькова:
– Орлуша, ты здесь?
– Угу.
Катя вошла в курилку и плотно притворила за собой дверь.
– Как это Турук тебя отпустил? – поинтересовался, пуская дым, Глеб.
– Я сказала, что нужно срочно исправить ошибку в статье, пока ее не вбили в окончательную верстку.
Катя достала сигарету – тонкую, с белым фильтром. Вставила в губы и щелкнула маленькой позолоченной «зиппой».
Глеб вздохнул.
– Ох, Катюха, если бы ты знала, какой мне дикий сон приснился. Вспоминаю – мороз по коже!
Катя помахала перед лицом рукой, отгоняя дым, и улыбнулась.
– Дай угадаю. Тебе снилось, что ты загораешь на пляже в Сан-Тропе. Рядом с тобой лежит стройная мулатка с большой грудью. Ты снимаешь с нее бюстгальтер и видишь две трансформаторные будки, и на каждой табличка – «Не влезай! Опасно для жизни!». Угадала?
Глеб посмотрел на Катю с удивлением.
– Королькова, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя больная фантазия?
– Кроме тебя, никто, – отрезала Катя. – Кстати, твоя поп-дива прислала тебе букет цветов. – Она выпустила уголок рта бледно-голубую струйку воздуха и усмехнулась: – Слушай, Орлов, что такого нужно сделать женщине, чтобы она прислала тебе корзину цветов?

– Если хочешь узнать, приходи сегодня вечером ко мне на сеновал, – с улыбкой ответил Глеб. – Только позвони заранее, чтобы я сгонял за шампусиком.

– Размечтался.

– Ну, тогда терзайся в догадках.

Глеб швырнул окурочек в железную урну и потянулся за новой сигаретой.

– Так что там тебе приснилось? – спросила Катя, с тревогой поглядывая на бледное лицо Глеба.

Он дернул щекой.

– Да бред какой-то. Мне приснилось, будто я попал в прошлое. Но там совсем не так, как говорится в учебниках. Они там добывают бурую пыль. Что-то вроде нашего кокса или герыча. И продают ее за кордон. Еще у них по лесам бродят оборотни и упыри. Прикинь!

Катя нахмурилась:

– Орлов, ты сколько вынюхал?

– Нисколько.

– Значит, опять вчера перебрал коньяка?

– Возможно. – Глеб вздохнул. – Честно говоря, я не помню.

Катя стряхнула с сигаретки пепел, посмотрела на Глеба и, как-то странно улыбнувшись, проговорила чужим, очень нежным голосом:

– Забавный ты, чужеземец. Забавный и вельми смелый. Не каждый сможет такое Егре в лицо сказать.

– Что?

Реальность дрогнула у Глеба перед глазами и пошла рябью. А Катино лицо вдруг превратилось в другое, с высокими скулами, бледно-матовой кожей, огромными голубыми глазами и симпатичным, чуть вздернутым носиком.

– Да что же это... – испуганно проговорил Глеб, закрыл глаза и снова их открыл.

Княжна Наталья смотрела на него огромными голубыми глазами и улыбалась, робко и неуверенно.

– Княжна! – воскликнул Глеб и приподнял голову с лавки. – Это сон? Ты мне снишься, правда?

– Если тебе хочется так думать – думай, – сказала Наталья.

Глеб потер пальцами воспаленные веки, взглянул на железные прутья решетки и хрипло вздохнул. Темница была другая, не та, в которой он сидел прежде. Должно быть, что-то вроде карцера или одиночной камеры.

– Это не сон, – горестно проговорил Глеб. – Я в прошлом. Господи, что же это такое происходит?

Княжна Наталья неуверенно повела плечами. И вновь лицо княжны показалось Глебу знакомым. Он точно где-то видел его раньше. Но где?

– Охоронцы говорили, что ты во сне разговариваешь, – тихо сказала она. – И много удивительного рассказываешь. Я хочу послушать.

Глеб сел на лавке и опустил ноги на плотно утоптанной земляной пол.

– Даже не знаю, с чего начать, – сказал он и облизнул пересохшие губы.

Княжна улыбнулась:

– А я тебе помогу. Откуда ты прибыл, чужеземец?

Глеб вздохнул и ответил:

– Из далекой страны.

– И как называется твоя страна?

– Россия.

Княжна Наталья чуть склонила голову набок.

– Хороша ли там жизнь али дурна?

– Смотря с чем сравнивать. – Глеб невесело усмехнулся. – Если с вашим княжеством, то она хороша.

– Чем же она так хороша? – прищурила любопытные глаза Наталья.

– Чем? Пожалуй, что чудесами.

Любопытство в глазах княжны разгорелось еще сильнее.

– Расскажи мне про свою страну, – попросила она.

Глеб откинул с холодного лба темную челку.

– Что ж, попробую. В нашей стране люди живут в теремах, и в каждом тереме свой родник с чистой водой. Хочешь – будет холодная, а хочешь – горячая. А зимой в наших теремах так тепло, что и печка не нужна. Еще мы любим путешествовать. Но путешествуем не на простых конях, а на железных.

– Как это? – удивилась княжна.

– Да вот так. Садимся на железных коней, и те нас за тридевять земель в одночасье доставляют. А еще мы умеем летать.

– Летать?

– Угу. На железных птицах. Выше облаков!

Княжна с сомнением прищурила голубые глаза.

– Еще скажи, что звезды с неба срываете, – недоверчиво проговорила она.

Глеб усмехнулся разбитыми губами и покачал головой:

– Нет. Но на Луне были. И вокруг звезд на железных птицах летали. И на дно морское опускались. И с чудищами морскими воевали.

Наталья засмеялась.

– Смешной ты, колдун!

– Глеб. Зови меня Глеб.

– Ладно. Глеб. Нешто ты думаешь, что я тебе поверю?

– Конечно, согласишься. Скучно тебе, Наталья, в княжских палатах-то жить.

Улыбка покинула губы княжны.

– О чем ты, чужеземец? – севшим от волнения голосом пробормотала она.

– Отец, Егра, все эти кушанья, приемы иноземных гостей... Все это тебе давно опостылело. Будь твоя воля, оседлала бы ты коня и поехала бы куда глаза глядят.

Брови Натальи дрогнули.

– Откуда знаешь?

– Я же колдун, я все про всех знаю.

Наталья смотрела на Глеба, затаив дыхание. Справившись с волнением, она разомкнула губы и произнесла:

– А далеко ли страна твоя, Глеб-чужеземец?

– Далеко. Дальше, чем ты можешь себе представить. Слушай, Наташ, у тебя за спиной бочка с водой. Может, дашь мне попить?

– Конечно!

Княжна обернулась, взяла маленький медный ковшик, зачерпнула из бочки воду и протянула ковшик Глебу. Глеб потянулся за ковшиком, но вместо этого взял княжну за руку и нежно погладил ее пальцы.

Наталья слегка побледнела.

– Пусти, – тихо попросила она.

Глеб взял ковшик с водой и отпустил ее руку. Княжна с облегчением вздохнула.

– Если все так хорошо, как ты говоришь, чего ж ты к нам пришел? Чего тебе дома не сиделось?

Напившись воды, Глеб вытер рот рукавом куртки и ответил:

– Это слишком долгая история.

– Если еще раз приду – расскажешь?

– Может быть.

Княжна поднялась с лавки.

– Уже уходишь? – с тоской спросил Глеб.

– Да. Мне пора. – Наталья взглянула на осунувшееся лицо Глеба, и брови ее дрогнули. – Подари мне что-нибудь, чужеземец, – попросила она вдруг. – Буду смотреть на подарок и тебя вспоминать. И я тебе тоже что-нибудь подарю, когда в другой раз приду. У нас так принято – если люди хотят... хотят дружить, они обмениваются подарками.

Глеб поразмыслил, затем снял с запястья часы и просунул их сквозь решетку. Наталья взяла часы тонкими пальцами и поднесла их к лицу.

– Мужчины твоего племени носят браслеты? – с удивленной улыбкой спросила она.

– Носят, – кивнул Глеб. – Ты придешь завтра?

– Приду.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Наталья первой отвела взгляд. Щеки ее зарделись. Она повернулась и заспешила к двери, но вдруг остановилась и снова посмотрела на Глеба.

– Не тужи, чужеземец! Все образуется!

Потом одарила Глеба ободряющей улыбкой, повернулась и выскользнула из темницы.

* * *

В этот день Глеба били еще два раза, и оба раза – Дранный кат. Бил не сильно и просто так, не задавая вопросов, не объясняя причину и ничего не выведывая. Видимо, это было чем-то вроде разминки перед грядущей страшной пыткой, психологической обработкой и обещанием нечеловеческих мук.

Ночью Глеб спал плохо, то и дело просыпался с криком, садился на лавке и лупал глазами в темноту, пока не приходил в себя. Потом снова ложился и снова забывался коротким, тревожным сном.

А утром, когда Глеб сидел с кружкой в руке и пил ржавую воду, к нему пришла Наталья. И Глеб снова рассказывал ей про чудесные вещи. Про океанские лайнеры, скоростные поезда, мобильные телефоны и шикарные автомобили... Наталья слушала все и дивилась.

Просидела она перед клеткой часа полтора, и на исходе этого времени Глеб, неожиданно для себя самого, признался:

– Ты классная девчонка, Наташа. Знаешь... мне кажется, что я в тебя влюбился.

Княжна покраснела, но сделала вид, что ничуть не удивлена подобным заявлением, и лишь весело уточнила:

– Кажется?

– Да, кажется, – кивнул Глеб. – Понимаешь... Я до сих пор ни в кого по-настоящему не влюблялся, поэтому мне трудно понять, настоящая ли это любовь. Но когда я закрываю глаза, я вижу твое лицо. Мне кажется, что это любовь.

Щеки Натальи еще больше зарделись. Она вдруг подалась вперед и взволнованно проговорила:

– Ты тоже мне люб! Люб так сильно, что я хотела бы, чтобы меня заковали вместе с тобой!

Глеб слегка растерялся от такого напора. Потом улыбнулся и невесело проговорил:

– Я бы никогда тебе этого не позволил. Вот если ты попросишь отца отпустить меня...

Он замолчал, внимательно наблюдая за лицом княжны. Меж гибких бровей Натальи пролегла едва заметная поперечная морщинка.

– Это будет трудно, – тихо сказала она. – Советник Егра невзлюбил тебя, а батюшка не слушается никого, кроме Егры. Советник не выпустит тебя из темницы живым.

В горле у Глеба пересохло.

– Что же со мной сделают? – сипло спросил он.

– Егра хочет, чтобы тебя четвертовали, – ответила Наталья так, будто речь шла о совершенно обычных и даже естественных вещах.

Глеб сглотнул слюну:

– Как?

– Сначала тебе отрежут ноги, потом руки, а потом...

– Хватит. – Голос Глеба дрогнул. – Я понял.

Несколько секунд они молчали. Вдруг глаза Натальи вспыхнули, и она возбужденно проговорила:

– Я отравлю Егру!

– Что?

– Отравлю! – с ненавистью повторила Наталья и сжала кулаки. – Я знаю, где достать зелье. Подсыплю зелье ему в кубок с вином! А ежели не выпьет, ударю его в грудь кинжалом! Я сильная, я справлюсь!

Глеб покачал головой:

– Нет, Наташ, ты не должна это делать.

– Почему?

– Если Егра выживет, у тебя будут большие неприятности. К тому же у такого мерзавца, как он, наверняка есть тайные осведомители. Что бы ты ни задумала, он будет знать об этом заранее и найдет способ избежать смерти.

Брови княжны дрогнули.

– Что же нам делать? – растерянно спросила она.

Глеб вздохнул и ответил:

– Не знаю.

Они снова замолчали. Наталья долго размышляла, затем твердо проговорила:

– Я пойду к гадалке.

Глеб пропустил ее реплику мимо ушей. Что сумеет сделать гадалка? Да ничего. Против советника Егры нужна тяжелая артиллерия, и гадалка тут точно не поможет. Однако Глеба тронула готовность Натальи к решительным действиям. Он с нежностью посмотрел на нее и проговорил мягким, благодарным голосом:

– Я не знаю, как я попал в это темное царство, но для меня ты – единственный лучик света. Если б не было тебя, я бы сошел с ума.

Наталья покраснела.

– Наклонись к решетке, – попросила она.

Глеб наклонился. Наталья быстро приблизила свое лицо к железным прутьям решетки и поцеловала его в губы.

– Ты мне люб! – громко прошептала она. – Помни об этом!

Затем вскочила с табурета и быстро порхнула к двери.

* * *

Через два часа княжна вернулась. Глаза ее возбужденно блестели, на щеках полыхал румянец. Наталья присела на краешек табурета, облизнула губы кончиком языка и выпалила:

– Я была у гадалки, и она сказала мне, что делать!

Она выпростала из-под платка руку и показала Глебу маленький глиняный кувшинчик.

– Что это? – без особого интереса спросил Глеб.

Наталья покосилась на дверь, чуть придвинулась к решетке и прошептала:

– Ядовитое зелье, которое она мне дала.

Глеб нахмурился.

– Ты все-таки хочешь отравить Егру? – спросил он.

Наталья качнула головой:

– Нет. Это для меня.

На лице Глеба отобразилось недоумение.

– Как для тебя? – растерянно спросил он. – Что-то я не понимаю.

Глаза Натальи странно блеснули. Она решительно и быстро проговорила:

– Я выпью этот яд. Гадалка сказала, что это единственный способ выручить тебя из

темницы.

Несколько мгновений Глеб удивленно смотрел на девушку, пытаясь осмыслить ее слова, потом нахмурился и твердо сказал:

– Даже не думай. Твоя гадалка – дура. Если ты выпьешь яд...

– Не бойся! – перебила его Наталья и улыбнулась. – Все будет хорошо!

Она вынула притертую пробочку и быстро поднесла бутылку к губам.

– Нет! – крикнул Глеб и вскочил с лавки. – Не вздумай!

Он попытался просунуть руку между прутьями решетки и вырвать смертоносную бутылочку из пальцев княжны, но Наталья отпрянула и быстро запрокинула голову.

– Ну вот, – с улыбкой сказала она через секунду. – Я выпила зелье. Видишь – это совсем не страшно.

Внезапно княжна побледнела и покачнулась на табурете.

– Что с тобой? – испуганно спросил Глеб. – Тебе плохо?

– Голова кружится, – слабым голосом ответила Наталья. – Я...

Она снова покачнулась.

– Охрана! – закричал Глеб. – Конвой!

Наталья протянула к нему руку. Пальцы их коснулись и переплелись. Она пристально посмотрела Глебу в глаза и тихо проговорила:

– Ты мне люб. Я сделала это ради тебя. Помни об этом.

Глаза Натальи закрылись, и она стала заваливаться на бок. Глеб крепче сжал ее пальцы и закричал что есть мочи:

– Охрана! Кто-нибудь! Княжна умирает!

Дверь распахнулась, и в темницу вошел охоронец Крысун. Увидев, что Глеб сжимает руку Натальи, он выхватил хлыст и, не говоря ни слова, хлестнул им Глеба по лицу. Глеб разжал пальцы и отпрянул, но тут же снова подался вперед и крикнул прямо охоронцу в лицо:

– Вызови лекаря, болван! Быстрее! Княжна выпила какую-то гадость! Бутылочка еще у нее в руках – пусть ее отправят в лабораторию!

Охоронец положил Наталье руку на плечо и заглянул ей в лицо.

– Княжна? – вопросительно окликнул он.

Наталья открыла глаза.

– Я... – Голос Натальи звучал слабо. – Я хочу прилечь, – пролепетала она. – Проводи меня в покои, охоронец.

Крысун помог княжне подняться. Пока она шла к двери, охоронец поддерживал ее под локоть. У двери она на секунду остановилась, повернулась к Глебу и тихо проговорила:

– Помни – ради тебя.

Затем отвернулась и, пошатываясь, вышла из темницы.

Глеб рухнул на покрытый гнилой соломой пол, закрыл лицо ладонями и облегченно вздохнул. Слава богу, все обошлось. Видимо, аптекарша, которая всучила Наталье бутылек с зельем, оказалась обыкновенной шарлатанкой. Господи, как хорошо, что на свете есть шарлатаны!

3

Два дня после этого Орлова не трогали. Он просто валялся на своей лавке, ел баланду, которую приносил Крысун, изредка вставал, чтобы пройтись. Потом снова ложился на лавку и спал, а если не спал, то лежал с закрытыми глазами и вздыхал.

Время от времени он пытался разузнать у охоронцев о судьбе Натальи, но те угрюмо отмалчивались.

После долгих размышлений Глеб решил, что с Натальей все в порядке и что отец просто-напросто запретил ей встречаться с узником. Ведь если бы она заболела, Глебу бы уже отрубили голову. Поскольку он до сих пор жив, значит, жива и княжна.

Вступать в разговоры с узниками, заточенными в других клетках, Глеб отказывался. Какой смысл разговаривать с призраками?

В голове у Глеба царила жутковатая пустота. Он был не в состоянии осознать все, что с ним происходит. Там, за стенами темницы, продолжается жизнь. Но что это за жизнь? Какое там время? Что за люди ходят по улицам города?

В конце концов Глеб уставал от этих вопросов, и тогда он представлял себе лицо Натальи – нежное, удивленное, милое. Это лицо было единственной реальностью, в которую он готов был поверить.

Какая же она славная, эта княжна. Жаль только, что княжна. Выдадут ее замуж за лысого идиота Егру, нарожает она ему таких же маленьких лысых идиотов, и если умом не тронется, то превратится в заурядную, толстую и вздорную тетку, обозленную на весь мир.

Размышляя об этом в очередной раз, Глеб вздохнул и хотел встать с лавки, чтобы чуток размять ноги, но в этот миг дверь снова отворилась, и в темницу вошел кат с драной ноздрей.

– Отдохнул? – насмешливо осведомился он.

Глеб почти обрадовался его появлению.

– Наконец-то, – усмехнулся он побелевшими губами. – А я уж думал, что ты про меня забыл.

– Ну, пошли снова в пыточную. Я там для тебя новую дыбку приготовил. На ней вмиг правду защебечешь.

– Сперва скажи мне, что с княжной? – потребовал Глеб. – Она жива?

– Конечно. – Кат прищурился. – А почему ты спрашиваешь?

– Так. Ни почему.

И Глеб облегченно вздохнул.

Растянутое тело было напряжено до предела. Руки и ноги болели от впившихся в кожу веревок. Глеб изо всех сил сцепил зубы, чтобы не застонать.

Кат посмотрел на Глеба и насмешливо сказал:

– Ну?

– Что ну? – угрюмо отозвался Глеб.

– Так чей же ты будешь?

– Что значит «чей»?

– Из какого роду-племени?

– Я русский. А живу в Москве.

Лысый кат усмехнулся, обнажив длинные и желтые, будто у пса, зубы.

– Что рус, сам вижу, – сказал он. – Из какого княжества к нам прибыл?

– Из далекого.

– Как же ты умудрился пешком до нас добраться? Или врал, что лошади нет?

– Не врал. А добрался на поезде.

– Поездил? – Лысый кат прищурил недобрые глаза. – Ехал-таки?

Глеб досадливо дернул щекой.

– Ну да. – Глеб неуклюже дернулся на дыбке и поморщился от боли в руках и ногах. – Послушай... как тебя там... Дранный кат... Давай договоримся. У меня в лесу золото зарыто. Ты меня отпустишь, а я тебе золото привезу. Идет?

Кат прищурил левый глаз, усмехнулся:

– Врешь про золото-то?

Глеб отрицательно мотнул головой:

– Не вру. Даже перекреститься готов, если руки развяжешь. Хотя... вы ведь, кажется, не христиане. – Глеб сглотнул слюну. – Ну, так как? – спросил он, с надеждой глядя на ката. – Договоримся?

Кат криво усмехнулся.

– С дыбой договоришься. Она сговорчивее.

Он протянул руку к железной лебедке.

– Стой! – крикнул Глеб, мигом пропотев от ужаса. – Не делай этого! Я... Я колдун! Если ты меня не отпустишь, я найду на тебя порчу!

Кат пожал плечами:

– Я с детства порченный. Чего мне бояться? А вот тебя дыба попортит. Так попортит, что мать родная не узнает.

Дранный кат взялся за железную ручку лебедки и, с любопытством вглядываясь в искаженное ужасом лицо Глеба, медленно провернул ее вокруг оси.

4

Князь Аскольд стоял у кровати дочери и, запустив руку в бороду, хмуро глядел на старика-лекаря. Тот осмотрел лежащую на кровати Наталью, поочередно приподнял ей веки, разомкнул ложечкой рот и взглянул на десны, потом вздохнул и опустил ложечку в бессильном жесте.

Князь Аскольд прищурил морщинистые глаза и глухо спросил:

– Что скажешь, лекарь?

Лекарь повернул к князю сухое смуглое лицо, украшенное жидкой восточной бородкой, и, подслеповато прищурившись, ответил:

– Плохо, княже. Твоя дочь немощна и предсмертна.

Князь Аскольд сжал пальцами бороду.

– Вылечишь?

Лекарь нахмурился и покачал головой:

– Нет.

Князь стиснул зубы так крепко, что они скрипнули.

– Значит, никак? – тихо спросил он.

Лекарь в ответ лишь вздохнул.

– Сколько она еще проживет? – угрюмо спросил князь Аскольд.

– Неделю. Может, чуть больше. – На узком смуглом лбу лекаря прорезались морщины. Он глянул на князя странным взглядом и тихо сказал: – Есть один способ, но понравится ли он тебе?

Князь Аскольд разжал бороду. В глазах его затеплилась надежда.

– Говори, не томи! – потребовал он.

– Позапрошлой зимой в Тумнове захворала дочь купца Жадана. Сильно хворала, душа меж уст в небо истекала и сердце почти не билось. Но пришел с улицы оборванец, вогул-вещун, и принес траву.

– Какой вогул? – нетерпеливо спросил князь Аскольд. – Какую траву?

– Имени у вещуна не было, – ответил лекарь. – А трава эта была принесена из Гиблого места.

Из-за спины князя выступил советник Егра.

– Кто принес? – холодно осведомился он.

Лекарь перевел взгляд на советника и ответил:

– Того не ведаю. Но имя той траве пробуди-траву. Ее сразу можно распознать по яркому лиловому цвету. В Гиблом месте, за брошенным градом Кишенем, есть Пепельное озеро. В нем – остров. А на острове том стоит Погребальный шатер павшего бога, выстроенный из ногтей мертвяков. Пробуди-траву растет рядом с шатром. А охраняет тот шатер страшное чудовище, которое пьет воду из родника бессмертия и не может ни сгинуть, ни помереть.

Лекарь замолчал. Князь растерянно посмотрел на Егру.

– Как же нам эту траву раздобыть? Послать в Гиблое место охоронцев?

Егра задумчиво покачал головой:

– Не поедут.

– Заставлю!

Егра переступил с ноги на ногу и поморщился от боли в артритном колене.

– Помнишь, княже, как три года назад дружинники набольшего Жука взбунтовались и подняли на копья воеводу и двух твоих поручиков? Ты тогда сам указ издал, чтобы дружинников и охоронцев в Гиблое место не посылать. С тех пор разъезды катаются повдоль границы, а дальше – ни-ни.

Губы князя Аскольда затряслись. Отчаяние сделало его упрямым и неразумным.

– Я здесь князь, надо будет – другой указ напишу! – жестко сказал он.

– Напишешь, – согласился Егра. – Только для ратников твоих Гиблое место страшнее плахи. Плаха что – взмахнул кат топором, и ты в Райских Куцах. А в Гиблом месте не токмо тело, саму душу потеряешь. Кому охота упырем по лесу бродить или оборотнем по кустам прыгать? – Егра покачал головой. – Нет, княже, тут ни охоронцы, ни ратники не помогут. Тут доброходцы нужны.

Князь Аскольд растерянно взглянул на своего старшего советника.

– Где же мне взять доброходцев этих?

Егра прищурил недобрые глаза и ответил:

– Я знаю где. В подземелье.

– Где?

Глаза Егры сузились, уголки губ дрогнули.

– Снаряди из узников отряд и отправь его в Гиблое место, – посоветовал он.

– Так ведь ты сам давеча сказал, что заботятся они. Душу потерять заботятся.

– А ты набери отряд из иноземцев и странных людей. У них в сердцах веры нет, а значит, и страха поменьше.

– Гм... – Князь пригладил ладонью бороду и задумчиво наморщил лоб. – Думаешь, пойдут?

Егра едва заметно усмехнулся.

– А им либо Гиблое место, либо дыба, – ответил он. – Выбор-то невелик.

– Верно, – кивнул князь. – Так и сделаем. Наберем полонцев и отправим их в Гиблое место. А чтоб не утекли, пошлем с ними ратников. Пусть доведут полонцев до Гиблой чащи и проследят, чтобы те назад не рванули. Верно, Егра?

– Верно, пресветлый княже, – кивнул советник. – Дозволь мне самому отрядик снарядить.

– Чего ж, снаряди, – согласился князь Аскольд. – Только не рассусоливай.

– Сейчас же и займусь. – Егра поклонился и направился к двери.

Князь Аскольд вздохнул и взглянул на дочь.

– Доченька моя, – тихо и горько пробормотал он, – голубушка моя... Все, что хочешь... только живи...

5

Дранный кат, с любопытством вглядываясь в бледное, покрытое бисеринками пота лицо Глеба Орлова, повернул ручку лебедки. Глеб тихо застонал.

– Это только начало, – сообщил кат. – Дальше будет больше.

И он снова нажал на лебедку. Однако сделать полный оборот ручка не успела.

– Дранный, хватит! – послышался резкий окрик.

Кат остановился и повернул лысую голову на звук.

– Егра? – удивленно проговорил он.

Советник, тяжело опираясь на золоченую палку, подошел к дыбе. Глянул на Глеба острым, неприязненным взглядом.

– Оставь нас, – приказал он Драному кату.

Повторять дважды не понадобилось. Как только кат вышел из пыточной, Егра снова уставился на Глеба – глазами немигающими и гладкими, будто у змеи.

– Что, чужеземец, невесело тебе здесь? – проговорил он насмешливо. – В другой раз не

полезешь на рожон? Хотя... будет ли он, следующий-то раз?

Глеб молчал, угрюмо глядя на Егру.

– Ладно, не бойся. – Советник провел ладонью по гладкой, как бильярдный шар, голове. – Придумал я для тебя одну забаву.

Советник тяжело опустился на дубовый табурет и положил бледные руки на набалдашник золоченого посоха. На отечных пальцах Егры поблескивали дорогие восточные перстни.

– Как, говоришь, твое имя? – мягко осведомился он. – Глеб?

Орлов продолжал молчать, глядя на советника угрюмым, ненавидящим взглядом.

– Глеб, – повторил Егра, как бы для того, чтобы лучше запомнить. – Скажи-ка мне, Глеб, ты хочешь жить?

Глеб облизнул распухшие губы сухим языком.

– Допустим... – хрипло проронил он. – А что?

– А то, что я решил дать тебе выбор. Но сначала я кое-что тебе расскажу. Много лет назад с неба упала звезда... Некоторые, впрочем, говорят, что это был бог. Но я не особо в это верю. Я живу на свете много лет и, скажу тебе честно, не видел ни одного бога.

Егра ненадолго задумался, после чего тряхнул головой и снова уставился на Глеба.

– На чем я остановился?... Ах да. Много лет тому назад хвостатая звезда упала на Кишень-град. От падения звезды сотряслись горы и занялись пожаром леса. Потом пожары угасли, но Кишень полностью вымер, а места вокруг него стали гиблыми. Теперь и город, и лес вокруг Кишень-града называют Гиблым местом. В чащобах Гиблого места водятся темные твари... оборотни, волколаки, упыри... Добытки бурой пыли сказывали, что неподалеку от Кишени есть Пепельное озеро, наполненное слезами скорби. В центре озера стоит остров. А на том острове – Погребальный шатер павшего бога, построенный из ногтей мертвяков.

Глеб, не в силах больше терпеть адскую боль, дернулся на дыбе и хрипло выпалил:

– Развяжи меня...

Егра рассеянно посмотрел на дыбу, потом протянул руку к лебедке и, крутанув ручку, ослабил натяжение. Тело Глеба обвисло на веревках.

Егра взял ковш, зачерпнул из бочки воду и поднес ковш к губам Глеба.

– Испей.

Глеб сделал несколько жадных глотков и закашлялся. Егра убрал ковш.

– Так легче? – осведомился он. – Теперь скажи, понял ли ты то, что я говорил?

Глеб хрипло вздохнул и ответил:

– Много лет назад в Кишени произошла какая-то катастрофа... Что-то упало с неба... Гиблое место – место падения... В результате катастрофы произошел мощный выброс радиации... Погибло много людей и зверей... А те, что не погибли, мутировали.

Глеб замолчал. Советник Егра внимательно его выслушал, вздохнул и задумчиво проговорил:

– Странны слова твои, чужеземец. Странны и непонятны. Но я пришел сюда не слушать, а говорить. Время от времени, особенно в голодную пору, темные твари выходят из Гиблого места и приходят в города и деревни. Они жрут скот, охотятся на людей. Но, слава Белобогу, случается это редко. Темные твари не выносят солнца. Солнечный свет их калечит и губит.

Глеб сплюнул на пол и спросил:

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Видишь ли, колдун... – Егра рассеянно потеребил губу. – Дочь князя Аскольда, княжна Наталья, заболела.

Веки Глеба дрогнули.

– Княжна болеет?

Советник кивнул:

– Да. Лекарь сказал, что княжна умрет. Но есть одно средство, которое может ей помочь.

– Какое?

– Я рассказывал тебе о Погребальном шатре павшего бога. Рядом с шатром растет целебная пробуди-трава. А охраняет тот шатер чудище, которое пьет воду из родника бессмертия и не может ни сгнуться, ни помереть. Ты пойдешь в Гиблое место и принесешь мне эту траву.

Несколько секунд Глеб потратил на то, чтобы переварить слова Егры. Так вот что имела в виду Наталья, когда говорила про «единственный способ». Выходит, гадалка не обманула ее.

«Ты мне люб, – прозвучал в ушах у Глеба нежный голос княжны. – Я сделала это ради тебя. Помни об этом».

Глеб облизнул губы, угрюмо посмотрел на советника и спросил:

– Почему ты решил, что я на это гожусь?

– Мне сказали, что ты колдун. Что ты высекаешь пламя из пальцев и что твой посох плюется огнем. Так ли это?

– Так.

– Я не верю, что ты колдун. По мне, так ты обычный самозванец и вертляй. Но я знаю, что княжна тебе по нраву. Да и нет у тебя другого выхода. Либо Гиблая чашоба, либо топор Драного ката.

– Послушайте... – Глеб нечаянно дернул руками и поморщился от боли. – Вы похожи на здравомыслящего человека. Неужели вы верите во всю эту чушь с «пробуди-травой»?

– Ты пойдешь не один, – сказал Егра. – С тобой пойдут еще четверо. А до сердца Гиблого места вас доведет отряд княжьих ратников-охоронцев.

– А дальше? – спросил Глеб. – Ратники не пойдут дальше?

Егра покачал лысой головой:

– Нет.

– Почему?

– Потому что никакая сила не заставит их туда пойти. Они слишком сильно дорожат своими ничтожными душами.

Глеб мрачно усмехнулся.

– А я, по-твоему, не дорожу?

Егра устало прищурился.

– Тебе я даю выбор, чужеземец. Либо ты спасешь княжну, либо сгинешь в подземелье.

Глеб посмотрел на Егру долгим тяжелым взглядом. Потом разомкнул разбитые катом губы и проговорил:

– Ты сказал, что со мной пойдут еще четверо. Кто они – эти четверо?

– Первый – охотник Громол. Полонен за то, что устроил в кружале побоище и убил княжьего мытаря.

– Громол убил не мытаря, а оборотня, – угрюмо возразил Глеб. – Мытарь обратился! Я сам это видел.

– Это не имеет значения, – отрезал Егра. – Убитый Давило Гусь был княжий мытарь. А за убийство княжьего мытаря наказание одно – смерть.

Глеб усмехнулся.

– Хорошенькие у вас тут законы. А еще трое?

– Их мне еще предстоит выбрать, – глухо ответил Егра. Он оперся на позолоченный посох и медленно поднялся с табурета. – Когда наступит время, за тобой придут. А до тех пор тебя никто больше не тронет. Я прикажу, чтобы тебе принесли соломенный тюфяк и вареного мяса. Отдыхай.

Егра повернулся и, тяжело опираясь на посох, захромал к двери.

Вдоль клеток он прохаживался медленно и важно. Возле одной остановился, глянул на огромного косоглазого татарина в ватном халате и спросил у Драного ката:

– А это что за чудище?

– Печенежский богатырь Алатык, – ухмыляясь, объяснил кат. – Поляне взяли его во время битвы у Пучай-реки. Он сбежал и как раз попался в руки нашим. Севка Рвач хотел ему резать язык и рвать ноздри, да я не дал.

– Почему?

Дранный кат прищурил на татарина жестокие глаза:

– Чтобы от боли и пустоты бескровной не сдох. Мне на нем еще гофские пыточные машины надо опробовать. Добрый кусок мяса, жалко, коли задарма пропадет.

Некоторое время советник разглядывал Алатыка, затем отвел взгляд и двинулся дальше. Мимо клеток с полуживыми, окровавленными и обессиленными от пыток крестьянами он прошел, не останавливаясь. Остановился у клетки, в которой сидел высокий седовласый и седобородый старик.

– Кто таков? – спросил Егра.

– Осьмий, – объяснил кат. – Бродячий мудрец. Бывал в землях греческих и латинских.

– За что полонили?

– За проповеди. Говорил, что наши боги – не настоящие. А настоящий – один токмо Иисус.

Советник взглянул на старика с интересом.

– Ты правда так думаешь? – спросил он.

Старик гордо поднял голову и торжественно проговорил:

– Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem!¹

Егра нахмурился.

– Ты только лаять умеешь или по-человечьи тоже говоришь? – презрительно осведомился он.

– Лаять? – Старик усмехнулся. – Это латынь, невежда.

Егра слегка покраснел и отвернулся от клетки.

– Есть еще кто-нибудь? – спросил он у Драного ката.

– Подходящего матерьяла мало. Есть, правда, еще один добытчик, Васька Оляха. Но уж больно зелен да глуп.

– Добытчик? – Егра прищурился. – Нашли при нем бурую пыль?

Кат кивнул:

– Угу.

– И много нашли?

– С кулак.

– Веди!

Кат двинулся вперед, Егра за ним. Остановившись у самой дальней клетки, Дранный кат показал пальцем на скорчившегося на лавке парня и сказал:

– Вот этот.

Егра остановился и с любопытством взглянул на добытчика.

– На вид крепкий.

– Крепкий, – согласился кат. – Да на голову слабоват.

– Нам его голова без надобности, – возразил Егра. – Раз добытчик, значит, бывал в Гиблом месте и знает чащобу. Приготовь мне его вместе с Громолом, татаринцом и стариком.

– Старика тоже? – не поверил ушам кат.

Егра усмехнулся.

– Старый лев гривой сед, да мудростью крепок. Дай им всем теплые тюфяки. И мяса дай. И еще яблок с луком, чтоб не оцинговели. Ежели кто из них к послезавтрему занеможет – я тебя самого в Гиблую чащобу отправлю. Все понял?

– Все.

¹ Верую в Бога единого, Отца всемогущего! (лат.)

– Исполни́й.

Егра повернулся и, тяжело опираясь на золоченый посох, захромал к выходу.

6

Следующий день прошел в приготовлениях. Глебу вернули ружье и патроны. Охотнику Грому также всучили все его вооружение, включая кинжал из белого металла, меч-скрамасакс, колчан с пучком стрел и небольшой лук.

Алатыку княжий поручик Путята самолично повесил на пояс кривую саблю. Не остался без оружия и Васька Оляха. А вот мудрец Осьмий от мечей да кинжалов отказался. Когда поручик Артамон пытался всучить ему хоть боевой топорик, Осьмий поморщился и изрек:

– Не тот силен, кто рукой тяжел, а тот, кто разумом разумеет и душой объемлет.

На том и закончили спор.

На охотника Грому Глеб поглядывал с нескрываемым уважением. Слишком жива была в его памяти картина расправы над оборотнем.

Грому был неразговорчив и держался немного особняком от прочих. Одежда на нем была та же, что и в кружале. Грубая замшевая куртка, кожаные штаны, сапоги-ичиги с высокими голенищами. Бороду он аккуратно подрезал острым кинжалом, а длинные темно-русые волосы помыл в копане с дождевой водой, а потом зачесал назад, отчего стал выглядеть чистым и опрятным.

Общее впечатление опрятной аристократичной мужественности портила дурацкая кожаная шапка, которую охотник нахлобучил себе на голову. Она была похожа на остроконечный шлем со свисающими на щеки длинными «ушами». Судя по всему, шапка эта была чрезвычайно удобна и практична, раз такой человек, как Грому, носил ее.

Пораздумав, Глеб захотел себе такую же.

Ночь полонцы переночевали в избе поручика Путяты под недремлющим оком конвоя. А утром сели на коней и выехали в дорогу. Глебу, по его просьбе, дали самую смирную кобылку. Однако и на нее Глеб первые несколько минут поглядывал с опаской.

Слава богу, ездить верхом ему приходилось и раньше. Правда, было это давно, лет этак десять назад. Тогда их всем классом вывозили «на свеклу» – помогать колхозникам убирать урожай. Днем школьники горбатились в поле, а по темноте ходили с местными пацанами в ночное, катались на лошадях и пили с ними у костра ворованную самогонку. Веселое было лето, лихое. Эх...

С полонцами и Путятой поехали пятеро отборных ратников. Все молчаливые, суровые, крепкие и при полном вооружении. Глеб с ходу окрестил их «заградотрядом». Думал, придется разьяснять, но Грому и Васька Оляха поняли без всяких разьяснений, а печенегу Алатыку и мудрецу Осьмию до слов Глеба не было никакого дела.

Проезжая по Хлынь-граду, Глеб обратил внимание на толпу, собравшуюся на площади, и вопли глашатаго, который сидел на огромном коне и читал по берестяной грамоте княжий указ.

– ...Подминают наше княжество со всех сторон вороги! Хазары войной грозят, хоть исправно их казну щелягами осыпает! С запада гофские и франские вельможи вознамерились наши земли к рукам прибрать! На юге – одичалые печенеги, кои родства своего с нами не признают, чрез головы полян до нас добираются! Голядский князь – и тот на наши поля да леса зарится. Посему повелеваю: выискивать среди городского и сельского люда тех, которые слушают, чтобы ворогам затем наушничать, тайны наши пересказывать! Находить и охоронцам княжьим об них докладывать!

Глашатай перевел дух и продолжил:

– А еще повелеваю: с нынешнего дня кто бурую пыль самочинно добывать станет – того обречь гибели лютой, и прах его по ветру рассеян будет!

– Немного теперь охотников на бурую пыль найдется, – сказал Глеб. – Может, вообще самочинно добывать перестанут.

– Не перестанут, – возразил Васька Ольха. – Добудешь бурой пыли с ведерко, считай – богач. Ради этого и башку на плаху положить не жаль.

Вскоре выехали из города и поехали по широкому большаку. Вокруг качали кронами деревья, шелестели на ветру высокие травы. Громол ехал молча. Глеб время от времени поглядывал на охотника, стараясь обнаружить на его лице следы обиды – ведь арестовали Громола незаслуженно. Но лицо охотника было по-рыцарски спокойным и отрешенным.

Еще невозмутимей выглядел печенежский богатырь Алатык. Лошадь ему подыскали рослую, толстоногую, под стать самому Алатыку. Печенег ехал, глядя прямо перед собой и не вступая ни с кем в беседу. Со стороны могло показаться, что он дремлет в седле.

А вот Васька Ольха болтал почти без умолку. Видно было, что у парня беспокойно на душе и он старается отвлечься от своей тоски праздной болтовней.

Глебу тоже было тяжело и мутрно. Он никак не мог определиться с тем, как ему следует относиться ко всему, что происходит вокруг? Как к бреду? Как к кошмарному сну? Но свежи еще были ссадины и синяки на его лице и крепки были воспоминания о дыбе. Слишком крепки, чтобы считать их всего лишь сном.

Однако поверить в то, что все это – и ратники, и мечи, и кони – реально... Нет, поверить в это было почти невозможно. И тогда Глеб решил вообще об этом не думать. Чему быть – того не миновать. Если он сошел с ума, то рассуждениями ситуацию уже не исправишь. А если спит... что ж, тогда он когда-нибудь да проснется. Ну а раз дела обстоят подобным образом, то и париться особо не стоит.

Глеб вздохнул и вспомнил княжну Наталью. Ее было искренне жаль. Всего-то два раза встретились, а успела Наталья глубоко запасть Глебу в сердце. Хорошая девчонка. Красивая, смелая, неглупая. Такую бы подружку – и по бабам таскаться не надо.

Сон это или кошмар, но он добудет для нее траву. Как там она называется? «Пробуди-трава»? Лажа, конечно. Хотя – кто знает. В конце концов, если попал в сказку, то нужно жить по ее законам.

Да будет так.

Через пару часов, когда Глеб уже основательно набил о жесткое седло задницу, отряд съехал с большака на проселочную дорогу.

– Куда мы? – спросил Глеб поручика Путятю.

– Это ты у дружка своего спроси. У того, который княжым мытарям глотки режет, – ответил Путята.

Глеб повернулся к охотнику Громолу:

– Громол, куда едем-то?

Глеб думал, что охотник проигнорирует его, слишком уж независимым и гордым было у того лицо, но Громол ответил – просто и спокойно:

– Здесь живет кузнец-вещун Вакар. Он выковывает заговоренные мечи на погибель недругам.

– Заговоренные? – вскинул брови Глеб.

Охотник кивнул:

– Да. От иноземного врага, от лихих людей, от лесной нечисти. Без его мечей нам в Гиблом месте не выжить.

Глеб обдумал слова Громола и спросил:

– А твой кинжал – его тоже выковал Вакар?

Охотник усмехнулся:

– Да.

– Тогда нам действительно не помешают его мечи.

– Дорого, поди, возьмет-то? – вмешался в разговор Васька Ольха.

Громол глянул на него насмешливым взглядом и ответил:

– Дорого. Но тебе какая забота? Княжий поручик Путята – наш казначей, он и заплатит.

Путята проворчал в бороду что-то невразумительное.

Впереди, по обочине дороги, брел вихрастый мальчуган, одетый в здоровенный рваный

полукафтан и штопаные-перештопаные штаны.

– Эй, человек! – окликнул его поручик Путята. – Где тут кузнец Вакар проживает? Мальчишка остановился и с любопытством посмотрел на незнакомцев.

– Это вы про нашего валаха?

– Точно, – кивнул Громол.

– Вон ту избу с коньком видишь? – кивнул мальчишка в сторону большой темной избы с деревянным коньком на крыше.

Путята глянул на избу и кивнул:

– Ну.

– Сразу за ней кузница. Только Вакар-вещун с вами говорить не будет.

– Почему? – удивился Васька.

– Потому что пьян мертвецки. Он после полудня всегда пьян.

Глеб усмехнулся и тихо заметил:

– Наш человек.

Еще не доехав до кузницы, они услышали громкий храп. А свернув за угол, увидели и самого Вакара. Кузнец-вещун спал на крытой соломой бесколесной телеге. Русые волосы его растрепались, в кудрявой бороде застряли щепки и травинки.

Ратники и полонцы остановили коней.

– Что будем делать? – спросил у поручика Васька Ольга.

– Окатим его водой, – предложил поручик Путята.

– Что ты! – запротестовал Васька. – Нельзя! Кузнец-вещун с духами говорит. Обидится и духа защитного от тебя отворотит. Что тогда будешь делать?

Тут Вакар зашевелился и приоткрыл один глаз. Некоторое время он глядел на непрошенных гостей, как на пустое место, без всякого интереса, потом раскрыл рот и грубо спросил:

– Кто такие?

Путята и Васька Ольга переглянулись.

– Говори ты, – велел Путята.

Васька выехал вперед, приосанился и гордо проговорил:

– Приветствуем тебя, кузнец-вещун Вакар! Слух о твоём умении разнесся по всему княжеству! Дошел он и до нас! И посему приехали мы к тебе, чтобы...

– Хорош галдеть! – Кузнец болезненно поморщился. – Башка от твоей трескотни кругом идет. Куда едете-то?

Васька оглянулся на товарищей, как бы ища подмоги, но лица их были непроницаемы.

– Э-э... Так это... – Васька облизнул губы. – В Гиблое место идем, дяденька.

Кузнец приподнялся на локте, оглядел отряд хмельным взглядом и хмыкнул в бороду.

– В Гиблое место, значит. И зачем это?

Васька покосился на поручика Путяту. Тот усмехнулся, но ничего не сказал. И Васька опять вынужден был отвечать за всех:

– Княжье поручение у нас, дядя Вакар.

– Поручение? – Кузнец поскреб в затылке. – Хм... Что ж... Коли княжье, так оно, конечно, надо... А не боитесь Гиблого-то? Оборотни лютуют. Да и упырь нынче беспокойный пошел, по могилам не отлеживается, все к людям норовит прорваться.

– Боимся, – честно признался Васька Ольга.

– И все равно идете?

Васька вздохнул:

– Идем.

Кузнец обдумал его слова и кивнул:

– Ясно. Ну а ко мне зачем пожаловали?

Васька хотел ответить, но на этот раз слово взял поручик Путята.

– Хотим, чтоб ты выковал нам мечи-всерубы, – громко и веско сказал он. – Говорят, ты

их на победу заговариваешь.

Вакар прищурил маленькие лукавые глазки.

– Могу и на победу. А что я с этого буду иметь?

Путята достал из котомки кошель и швырнул его кузнецу. Вакар ловко поймал кошель, ослабил стяжку и глянул внутрь. Затем затянул стяжку, сунул кошель в карман кожаного фартука и сказал:

– Что ж... сладим, коли так. – Он повернулся к кузнице и гаркнул: – Ольстра!

– Чего? – отозвался девичий голос.

– Кукушу покличь! Пускай мехи покачает!

7

Полчаса спустя все было готово дляковки. Торжественное слово перед кузнецом взялся держать охотник Громол. Оспаривать это право у него никто не стал.

Громол и Вакар встали друг против друга на пригорке. Охотник гордо выпрямил голову, взглянул на Вакара и громко сказал:

– Создатель всепобедного оружия, славный кузнец-вещун Вакар! Прошу тебя отковать меч-всеруб моему товарищу Глебу Табаку из рода Алкоголя! Откуй мечи-острожалы мне, Громоу-охотнику, Ваське Ольхе, печенежскому воину Алатыку и мудрецу Осьмию! Пусть кованные тобой мечи станут символом честной победы, а не холодным железом! Откуй мечи!

– Откуй мечи! – восторженно проговорил Алатык и от переизбытка чувств стукнул себя огромным кулаком в широкую и крепкую, как дубовый ствол, грудь.

– Откуй мечи! – смущенно проронил Васька Ольха.

– Откуй! – кивнул Осьмий.

Мужчины покосились на Глеба. Тот пожал плечами и сказал:

– Ну, откуй.

Охотник Громол снял с головы кожаную шапку. Остальные последовали его примеру.

Кузнец-вещун пошатнулся, но устоял на ногах и обвел их лица спокойным серьезным взглядом, потом отступил от них на шаг и поклонился в сторону восхода солнца.

– Руки мои да не разучатся плавить железо из болотной руды! – пробасил он пьяным, но твердым голосом. – Руки мои да не устанут ковать из криц нержавеющей всепобедное оружие! Я откую мечи с острыми жалами на погибель злыдням!

– Слава Вакару! – провозгласил Громол.

– Слава! – хором поддержали Алатык, Васька Ольха и Осьмий.

– Слава, – буркнул Глеб, чувствуя себя полным идиотом.

Вакар повернулся и зашагал в кузницу.

Молодой молотобоец качал не спеша кожаные мехи, держа в руке рычаг из березовой жердинки. Кузнец Вакар взял намоленные угли, лежащие в берестяном кузовке, и насыпал их в горн.

Глеб с интересом наблюдал за ковкой мечей. Ему и раньше приходилось видеть что-то подобное. Когда он был на фестивале кузнечных мастеров в Витебске.

Он удивился, когда понял, что методика кузнецов из его времени почти полностью соответствовала этой.

Но было и отличие. Кузнецы на фестивале просто ковали железо. А Вакар – священнодействовал. Во время всей работы он беспрерывно бормотал заговоры. За боем молотов и шипением железа Глебу лишь изредка удавалось что-то расслышать.

– ...заговариваю тебя, меч победный, на доброе дело... против гада морского и земного... против силы злой иноземной...

Вскоре два раскаленных меча в закалочных ножнах-оправах с ядовитым шипением опустились в корытце с жидкостью.

Потом последовал новый закал – во втором корытце, затем – в третьем. За закалкой последовал отжиг и отпуск – Глеб помнил, что это делается для снятия излишней ломкости меча. Наконец мечи были готовы. Рукоятки Вакар навинтил сам. Затем кузнец принялся за следующие мечи.

Еще до заката солнца Вакар вручил готовые мечи Громоу, Глебу, Алатыку, Ваське Ольхе и Осьмию.

Ночевать остались у кузнеца в избе. Не соваться же в Гиблое место на ночь глядя. Глебу выделили отдельную комнату – крошечную, но отдельную.

Вакар раздул трут. Потянуло гарью.

– Располагайся, – сказал кузнец и вышел из комнаты.

– Ольстра, – послышался из горницы его негромкий оклик, – принеси Глебу тюфяк!

– Да, батюшка.

Ольстра вскоре пришла с какой-то бесформенной темной грудой в руках. Бросив ее на лавку, она повернулась к Глебу и сказала:

– Можешь лежать.

Глеб взглянул на тюфяк и с любопытством поинтересовался:

– А чем он набит?

– Свежим мхом, – ответила Ольстра.

– Мхо-ом? – удивленно протянул Глеб. – На мхе мне спать еще не доводилось. Что ж, проведу ночь, как настоящий бойскаут.

– Чегось?

– Ничего. Не обращай внимания.

Ольстра, русоволосая скуластая дородная девка, улыбнулась:

– Ложись спать, чужеземец, набирайся сил. Утро вечера мудреней.

– Прямо как в сказках, – улыбнулся Глеб. – А ты – Василиса Премудрая.

Девка отрицательно качнула головой:

– Не. Я Ольстра. Батюшка меня так в честь гофской чурочки обозвал. Сказывал, когда я народилась, сама на чурочку похожа была. Ну, покойной ночи!

Девка повернулась и вышла из комнаты. В горнице слышались негромкие голоса спутников Глеба. Он попробовал прислушаться, но, кроме обрывков фраз, ничего не расслышал.

Некоторое время Глеб с сомнением разглядывал и щупал тюфяк. Потом улегся на него и укрылся одеялом. Ничего, мягко. Даже уютно.

Вскоре бубнеж товарищей за стеной утих, и дом погрузился в тишину и мрак.

В каморке Глеба было жарко. Где-то скреблась мышь. На сердце у Глеба было тяжело, его томила бессонница. Откуда-то издали до него донеслось тихое пение Ольстры.

День за днем, будто дождь, дождит...

Год за годом, как река, бежит...

Чего это она распелась ночью? – подумал Глеб. Гостей, что ли, баюкает? Что ж, наверное, у них так принято.

Слушая пение Ольстры и храп товарищей, Глеб думал:

«Это, конечно, полный абсурд. Видимо, я все-таки болен и лежу сейчас в какой-нибудь психиатрической клинике. Например, в Канатчиковой даче. А рядом, на кроватях, спят другие пациенты. Мое больное воображение превратило их в древних воинов. Такое бывает. Я просто брежу. Сейчас нужно уснуть. Утром я проснусь, и все будет как прежде. Господи, сделай так, чтобы этот сон миновал! Клянусь, я буду вести жизнь праведника! Попрошу прощения у Таньки Вершининой. Не буду за глаза называть Яшку Фенделя жидом. Буду вовремя возвращать диски в прокат. И больше никаких пьянок и наркотиков – клянусь! Пожалуйста, Господи, смилуйся надо мной. Если это урок, то я его усвоил».

Глеб подумал, что сейчас самое время произнести какую-нибудь молитву. Настоящую,

из Библии. Он напряг память и беззвучно прошептал:

– Отче наш, иже еси на небеси... Хлеб наш насущный дай нам днесь... Избавь нас от лукавого... Прости нам наши долги, как мы их всем прощаем... Да будет царствие твое на земле и на небе. Аминь!

Как ни странно – полегчало. Глеб еще минут десять ворочался, тихо вздыхая, а потом провалился в тяжелый, тягучий сон.

Среди ночи его кто-то тихонько, но настойчиво растолкал. Глеб открыл глаза и тревожно вскинул голову:

– А?

Возле его лавки стояла Ольстра. Увидев, что Глеб проснулся, она прижала палец к губам:

– Тс-с... – Потом улыбнулась и поманила его пальцем: – Идем. Только тихо.

Глеб поднялся на лавке и только сейчас увидел, что Ольстра одета в одну лишь тонкую белую рубаху, под которой легко угадывались округлости ее груди. На ногах у девки были маленькие сапоги.

Она снова поманила Глеба пальцем и тихонько пошла прочь. Глеб поспешно обулся и двинулся за ней, стараясь шагать бесшумно.

Так они прошли через горницу, потом куда-то свернули, прошли по еще одной темной комнате и снова свернули.

Ольстра остановилась. Полная луна за окном светила ярко, ее света хватало, чтобы разглядеть кровать, сундук и табурет. Ольстра притворила дверь, положила Глебу ладони на плечи, привстала на цыпочки и поцеловала его в губы.

– Ты чего? – удивился Глеб.

– Ничего. – Она улыбнулась. – Нравишься ты мне. До рассвета далече. Будем любиться?

– Чего?

Ольстра откинула с лица прядь русых волос и тихо засмеялась.

– Ты что, как неродной? Али с девкой никогда не шалил?

– Я?

– Ну, не я же. Девка с девкой шалить не может.

Глеб усмехнулся:

– Ты бы удивилась, если бы я тебе рассказал...

Ольстра положила ему пальчик на губы:

– Тихо. Не хочу, чтобы батюшка нас услышал.

Девка прижалась к Глебу теплым подрагивающим телом, и он тут же почувствовал возбуждение.

– Я на Ивана Купалу сразу трем парням отдавалась... – хрипло зашептала она. – Тело истомой текло... И сейчас течет...

От слов Ольстры кровь быстрее побежала по жилам Глеба. Близость ее полуголого тела возбуждала. Не видя смысла в том, чтобы противиться желанию, Глеб обнял девушку рукою за талию и поцеловал ее в губы. Ольстра жарко и порывисто ответила на поцелуй. Потом вдруг слегка отпрянула и, схватив Глеба за руку, повлекла его к кровати.

«Горячая штучка! – с легким удивлением подумал Глеб. – А с виду была такая скромница. Правду говорят, что в тихом омуте черти водятся».

Вдруг Ольстра отпрянула и больно толкнула Глеба руками в грудь.

– Ты чего? – резко спросила она.

– А? – не понял Глеб.

– Ты чего тут стоишь? А ну – пошел прочь!

– Ты же сама меня сюда затащила! – изумленно проговорил Глеб.

Лицо Ольстры дрогнуло от негодования. Прикрыв руками грудь, она гневно проговорила:

– Прочь, сказала! Или хочешь, чтоб я батюшку разбудила?

– Да ведь ты сама... Погоди, – догадался вдруг Глеб. – Ты что, лунатик?

Ольстра, поняв, что слова на Глеба не действуют, схватила с постели подушку и грозно на него замахнулась:

– Вон пошел!

Глеб, видя в глазах девки искреннее возмущение и решив не испытывать судьбу, повернулся и быстро вышел из комнаты.

Возвращаться в каморку не хотелось. Бесшумно пробираясь через горницу, Глеб сунул руку в карман рубашки и наткнулся на початую пачку сигарет. Что ж, покурить сейчас самое время.

Он сменил направление и, стараясь не наступить на кого-нибудь из храпящих во сне товарищей, направился к двери. Он ожидал, что кто-нибудь из ратников заградотряда окликнет его, но те, по всей вероятности, спали без задних ног.

В сенях Глеб столкнулся с кузнецом и чуть не выронил от неожиданности сигареты.

– Вакар?

Кузнец встал у Глеба на пути, взгляделся в его лицо и тихо сказал:

– Ты, Глеб, на дочку мою не серчай. Она по ночам сама себя не создает. Особенно в полнолуние.

– Я это заметил, – проворчал Глеб.

– Значит, не серчаешь?

– Нет.

– Вот и хорошо, – кивнул Вакар. – А во двор-то чего? По нужде, что ли?

– Да нет. Курить охота.

Кузнец на мгновение задумался, после чего почтительно переспросил:

– Камлать, что ли, будешь? Ночью?

– Просто подымлю, – сказал Глеб.

Не желая вдаваться в объяснения, он сунул в рот сигарету и, обойдя кузнеца, вышел из дома.

В пачке оставалось четыре сигареты. Не густо.

Во дворе Глеб, чиркнув зажигалкой, закурил и, прислонившись плечом к бревенчатой стене дома, стал пускать колечки дыма. Небо было усыпано звездами. Пахло деревьями, травой и навозом. «Прямо будто у бабушки в деревне», – подумал Глеб и грустно улыбнулся. Хорошо, что хоть что-то в мире остается неизменным.

И все же что-то здесь было не так. Чего-то не хватало. Чего-то такого, без чего деревня – не деревня.

Глеб задумался. И вдруг его осенило – собаки! Они молчали! Во всем селе ни одного собачьего тьяканья. И петухи не кричат. Полная тишина. В книжках такую обычно называют зловещей...

Глеб глубоко затянулся сигаретой, бросил взгляд на калитку и вдруг вздрогнул. У калитки стоял человек. Глеб оглянулся на дом, прикидывая расстояние до двери, затем снова перевел взгляд на незнакомца, на секунду задумался и решил заговорить первым.

– Вечер добрый! – сказал незнакомцу Глеб. – Вы тоже здесь остановились?

Человек молча стоял у забора. Его бледное лицо выделялось на фоне ночной синевы белым пятном, и на пятне этом чернели две черные дыры – глаза.

Глеб затянулся сигаретой и выпустил изо рта несколько колечек белого дыма, ожидая, что ночной гость повалится на колени при виде пускающего дым колдуна. Но на молчаливого незнакомца этот трюк не произвел никакого впечатления. Он продолжал стоять и разглядывать Глеба.

Глеб нахмурился.

– Слушайте, уважаемый, вас не учили, что таращиться на незнакомых людей неприлично? – поинтересовался он.

Видимо, слова Глеба усовестили незнакомца. Он тронулся с места и стал медленно приближаться к Глебу. Ратник, понял Глеб. Латы, широкий пояс с ножнами, высокие сапоги.

Точно, ратник. Только странно, что без шелома. И меча нет... Да и походка странная... Пьяный, что ли?

Глеб взглянул на него внимательней и ужаснулся. Зубы мужчины, длинные, острые, отбивали дробь, и голова его слегка подергивалась в такт этой жутковатой дробе. И еще глаза – они были темны и пусты, как стволы ружей.

– Вам нужен Вакар? – спросил Глеб дрогнувшим голосом. – Хотите, я его позову?

Незнакомец разомкнул губы, и из горла его вырвалось тихое сипловатое мурлыканье. Глеба обдало запахом гнили.

Правая рука ратника метнулась к Глебу. Холодные и твердые, как железные болты, пальцы сдавили Глебу горло. Из рта ратника вырывался тошнотворный смрад, а с оскаленных зубов капала клейкая слюна.

Глеб собрал все силы и заорал что было мочи:

– На помощь! Помогите! Зомби!

Затем вскинул руку и воткнул в глаз упырю окурок сигареты. Упырь взвизгнул и на мгновение ослабил хватку, но тут же сжал снова.

За спиной у Глеба хлопнула дверь. Краем глаза он увидел выскочившую во двор Ольстру. Девка, как и прежде, была в одной рубашке и в сапожках на босу ногу. Волосы Ольстры были распущены, а в руках она сжимала вилы.

Мигом оценив ситуацию, Ольстра бросилась к упырю и с разбегу всадила ему в спину вилы. Упырь выпустил Глеба и завертелся юлой, пытаясь ухватить крючковатыми пальцами торчащее из спины древко. Споткнувшись о камень, он рухнул навзничь. Железные острия вил пробили тело упыря насквозь и звонко стукнулись о медный нагрудник.

А из дома уже высыпали мужчины. Первым к упырю подскочил Громол. Быстрым и точным ударом он вонзил кинжал упырю в глотку. Тот захрипел, забил руками и ногами. Громол вынул кинжал и нанес еще два быстрых и сильных удара.

Упырь дернулся еще раз и замер. Громол отер кинжал о стеганный подклад упыря, выпрямился и повернулся к Глебу.

– Ты как? – спросил он. – Цел?

Глеб потер пальцами ушибленное горло и хрипло проговорил:

– Он хотел меня... задушить.

Громол подошел к Глебу вплотную и бесцеремонно осмотрел его горло.

– Вроде чисто. Главное, берегись их зубов. Цапнет – сам в ходячего мертвяка обратишься.

Ратники, держа в руках мечи и кинжалы, обступили затихшего упыря.

– Это княжий дружинник Заброда, – сказал Путята, вглядевшись в его лицо. – Он на прошлой неделе пропал. Думали, в Повалихинские земли за лучшей жизнью убежал, а оно вишь как.

– Что делается, – вздохнул кузнец. – По деревням, как по Гиблому месту, шастают. В былые времена такого не бывало.

Васька Оляха смотрел на поверженного упыря остекленевшим взглядом и обмахивал себя охранными знаками.

Глеб тоже уставился на мертвого упыря, и вдруг его пробрал озноб.

– Этого не может быть... – пробормотал он, стуча зубами. – Не может быть...

– Отведи его в избу, – приказал дочери кузнец. – И дай настойки.

Ольстра кивнула, взяла Глеба под руку и повела к избе.

– Этого не может быть... – продолжал бормотать Глеб. – Такого не бывает... Этого не может быть...

В каморке Ольстра уложила Глеба на тюфяк, накрыла одеялом, потом сбегала в горницу и принесла чашку с какой-то вонючей гадостью.

– Выпей-ка! – велела она.

Глеб сморщился и отстранил чашку рукой.

– Ольстра... – слабо проговорил он, – какой сейчас год?

Девка пожалала плечами:

– Не понимаю я грамоту. И цифер не ведаю. Да и какая разница?

Глеб вздохнул и прикрыл веки. Итак, он попал в какой-то странный, дремучий мир, населенный чудовищами. Смириться с этой дикой мыслью было невозможно. Но приходилось смириться.

– Слышь-ка, – снова окликнула его Ольстра. – Глотни настойки-то. Поможет.

В губы Глебу ткнулась чашка. Глеб нехотя глотнул. Волнение в душе тут же утихло. Накатило безразличие. Ну, прошлое, ну, девятый век. Ну и что? Вокруг такие же люди... Даже не иностранцы. И язык понятный.

Орлов нахмурился: кстати, почему он такой понятный? Ведь эти ребята говорят на древнеславянском. А он их понимает, и они его.

Глеб надолго задумался, пытаясь найти ответ. И в конце концов решил, что во всем виновата память предков.

Как-то он брал интервью у знаменитого американского психиатра, и тот на полном серьезе утверждал, что весь багаж, накопленный за много веков нашими предками, хранится у нас в памяти. Все, что знали наши деды, прадеды и прапрадеды, знаем и мы. Генетическая память – так, кажется, это называется. Нужно только найти ключик к этому хранилищу, и тогда оно отдаст тебе свои сокровища.

Видимо, «ключик» нашелся сам собой. Стоило Глебу попасть в этот мир, как генетическая память подбросила ему нужные знания. Другого объяснения Глеб придумать не смог.

Орлов закрыл глаза и услышал тихий голос дочери кузнеца:

– Спи, чужеземец.

– Да, Ольстра, я буду спать, – дрогнувшим голосом ответил Глеб. – Пожелай мне, чтобы утром я проснулся в своей собственной кровати.

– Едва ли такое случится, – мягкая женская ладонь погладила Глеба по волосам, – но желаю.

8

Богатый купец Бава Прибыток сидел на крытой коврами лавке со спинкой и, уперев черную бороду в пятерню, хмурил лоб.

Прибыток прикидывал в уме будущие доходы от торговли огненным зельем. Доходы с каждым годом падали. Так же, как доходы от пеньки, пушнины и меда.

Нужно было искать что-то новое. Впрочем, чего его искать – вон оно, под боком! Во-первых, бурая пыль. Она давала доходу больше, чем все остальные товары скопом. Жаль только, что добытчики приносили ее мало. И рассчитывать на то, что количество бурой пыли увеличится, не приходилось. Княжьи указы, касающиеся добычи пыли, становились все жестче и жестче. Вон уже и смертной казнью добытчикам грозит.

Эх-ма...

Бава вздохнул и почесал бороду.

Было и еще кое-что. Кое-что такое, от чего в будущем могла случиться неплохая прибыль и что не прибрал еще к рукам князь Аскольд.

Наряду с бурой пылью и битым зверьем охотники и добытчики время от времени приносили Баве чудные вещи, найденные ими в Гиблом месте. Вернее, вокруг Гиблого места, поскольку в сердцевину этого страшного места, в самую гущу Гиблой чащобы никто из них не совался.

Вещи эти были странные и на первый взгляд – бесполезные. Какой, к примеру, прок в гладкой палке, которая гнется, как веревка, а стоит ее ударить об пол – становится крепкой, как железо?

В деле ее не применишь. Так, забава одна.

Или, к примеру, мягкий, как мешочек с мукой, шар, который по ночам начинает

мерцать и вертеться. Куда это мерцанье да вертенье приспособишь? Разве что горницу освещать – так и на то света мало.

Но наряду с глупыми чудными вещами попадались в Гиблом месте и вполне полезные. Вот, например, тлеющее нескончаемым огнем полено. На нем можно и щи сварить, и мясо пожарить. И, главное, жар-то не кончается.

Были и еще кое-какие вещи, кои притащили ему из Гиблого места добытки и на кои смотрел Прибыток с нескончаемым восторгом.

Но беда в том, что чудных вещей мало. Вот кабы снарядить отрядик в самое сердце Гиблого места. Должно быть, там эти вещи навалены кучами. Знай себе таскай.

Да только где же взять таких смельчаков? На упыря да волколака управы нет. Княжьими указами гиблое зверье не напугаешь.

Прибыток вздохнул и потянулся в карман за леденцом, но тут в горницу вошел узкоглазый слуга Тунгир.

– Бава, там к тебе княжий охоронец Крысун пожаловал. Пустить аль нет?

– Крысун? – Прибыток сдвинул брови. – Ну, пусти.

Тунгир приотворил дверь и крикнул:

– Эй, служивый! Заходи, что ли!

В горницу вошел Крысун. Быстро оглядел стены, дернул тощим носом, уставился на купца маленькими острыми глазками и сказал:

– Здравствуй, Бава!

– Здравствуй, коли не шутишь, – ответствовал Прибыток. – Проходи, садись.

Крысун прошел к лавке и опустил на нее свой тощий зад. Бава откинулся на спинку скамьи и посмотрел на охоронца внимательным взглядом.

– Ну? Зачем пожаловал?

Крысун облизнул губы тонким языком и сипло проговорил:

– Дельце к тебе есть.

– Какое еще дельце?

Крысун покосился на Тунгира и тихо сказал:

– С глазу на глаз бы поговорить.

Прибыток сделал знак Тунгиру, тот кивнул и поспешно вышел из горницы. Крысун подождал, пока за ним закроется дверь, чуть наклонился вперед и прошептал:

– Помню, Бава, говорил ты про чудные вещи. Те, которые добытки из Гиблого места приносят.

Прибыток молчал, ожидая продолжения. Тогда Крысун снова облизнул губы и продолжил подрагивающим от волнения голосом:

– Помнится, ты мечтал отрядик в Гиблое место снарядить. За чудными вещами. Было ведь?

Прибыток усмехнулся в черную кудлатую бороду.

– Чтобы в Гиблое место пойти, людишки храбрые нужны, – небрежно проговорил он. – А в наше время таких людишек днем с огнем не сыщешь.

– Это верно, – согласился Крысун. Он несколько секунд помолчал, кусая губы, и вдруг выпалил: – А сколько заплатишь, если я туда пойду?

Дородное лицо Бавы вытянулось от изумления.

– Ты грибов, что ли, поганных наелся, охоронец?

Крысун ухмыльнулся и отрицательно покачал тощей головой:

– Нет, не ел. Тут дело другое. Князь в Гиблое место отрядик посылает. За лечебной травой для княжны.

Прибыток не поверил своим ушам.

– Отрядик?

Крысун кивнул:

– Угу. Из полонцев. Один – охотник, другой – чужеземец, третий – бродяжка, четвертый – добытчик пыли. Есть еще и пятый – татарский богатырь Алатык. И с ними еще

пятеро ратников.

– Гм... – Прибыток пригладил бороду рукою. Пальцы его, украшенные перстнями, слегка подрагивали. – И где они сейчас?

– В селе Топлеве. Пришли к кузнецу-вещуну Вакару за мечами. У него и на постой остановились.

– Гм... – проронил Бава Прибыток. – Ну а ты-то тут при чем?

Крысун в третий раз облизнул губы и протараторил:

– Князь доброходцев искал, да никто не вызвался. Ежели заплатишь, вызовусь и с отрядом пойду. А ты за мной своих людишек направишь. Я буду меты оставлять – везде, где пройдем. Так пускай твои людишки по метам моим идут.

– Гм... – Прибыток снова пригладил бороду и стрельнул на охоронца глазами, спрятанными под мохнатые брови. – Легко тебе говорить, охоронец. А думаешь, найду я людей-то таких?

– Найдешь, – заверил купца Крысун. – Они не столько Гиблого места опасаются, сколько неизвестности. А пойдут по нашим следам – беды избежать смогут. Ну а коли мы на что-то страшное наткнемся, так твои людишки всегда могут вспять повернуть.

Купец выслушал слова охоронца внимательно. Затем улыбнулся хитрой купеческой улыбкой и сказал:

– Отчаянная ты голова, Крысун. Вот уж воистину, алчность паче трусости. Сколько ж ты хочешь за такую службу?

– За поход – полсотни серебряных кун, да полных, а не резаных, – с готовностью ответил Крысун. – А коли чудные вещи найду... – Крысун прищурил темные глаза и холодно взглянул на купца. – Ну, тогда за каждую вещь отдельно сговоримся.

Бава сложил руки на толстом животе и глубоко задумался.

Охоронец выждал немного, потом сказал:

– Тебе нечего терять, купец. Коли сгину, так ты не внакладе. А коли вернусь, путь в самую сердцевину Гиблого места укажу. Решай.

– Вельми прелестные слова говоришь, – изрек Бава после паузы. – Что ж... устоять перед такими словами не могу. Ладно. Будет тебе полсотни кун.

– Договор наш на бересте скрепим, – заявил Крысун и в четвертый раз облизнул тонкие губы. – Кровью. Как заведено у вас, купцов.

– Идет, – кивнул Прибыток. Он повернулся к двери и громко позвал: – Тунгирка!

Дверь распахнулась, и в горницу вошел раскосый слуга.

– Тащи сюда бересту для договоров, – приказал ему Бава. – Да поживее!

Тунгир кивнул и скрылся за дверью. Бава Прибыток перевел взгляд на гостя.

– Ну, Крысун, ежели дело справим, богачом тебя сделаю. Ты это... – Прибыток чуть подался вперед и проговорил, понизив голос: – Бурую пыль примечай. Потом мне на карте места те укажешь.

– Само собой, – кивнул Крысун. – И за это ты мне отдельно заплатишь.

Бава ухмыльнулся.

– Ловок ты, брат. Тебе бы не охоронцем, а купцом быть. А ты вещи-то чудные когда-нибудь видел?

Крысун мотнул тощей головой:

– Нет.

– Найдешь – осторожничай. В руках не мни, а сразу в котомку или мешок пихай. А то бывали истории... Не приведи Перун! – Купец богобоязненно обмахнул лицо ладонью. – Один добытчик ветку красную узорчатую нашел. Начал ее ломать, а она в воздух взлетела и огнем его оплевала. Сказывали, у добытчика опосля голова заживо сгнила.

– Как это? – изумился Крысун.

– А вот так. Обезмясила до самой кости. Голова гниет, а смерть не приходит. Уж чего только с собой ни делал. И в петлю лез, и отраву пил. А все одно жив. Говаривают, что боги от него отвернулись.

В горницу вошел Тунгир. Положил на стол бересту и бронзовое писало, повернулся и, ни слова не говоря, вышел из горницы.

Крысун взглянул на закрывшуюся за слугою дверь, перевел взгляд на Баву и тихо спросил:

– А что будет, когда в сердце Гиблого места доберемся? Ведь путь туда никто, кроме тебя и твоих людей, знать не должен. Охотник Громол человек опасный и ушлый. Ежели что найдет – отдавать не станет. Как поступишь?

Прибыток прищурил черные, глубоко посаженные глаза и задумчиво проговорил:

– Силой и мечом богатство добывается. Пока рубль в крови не обмоешь, в карман не положишь. Понимаешь, о чем?

Крысун усмехнулся:

– Как не понять.

– Ну и ладно, – улыбнулся Прибыток. – Давай договор писать.

9

Туманной изморозью обложило с утра поселок. На жердях изгородей, на тесовых крышах домов лежал иней.

У забора стояли лошади, а рядом – четыре выючных вещевых мешка с припасами. Ратники и полонцы обменивались шуточками. Состояние у всех было возбужденное. Старец Осьмий беззлобно подтрунивал над Васькой Ольхой. Путята шутейно подначивал бесстрастного богатыря Алатыка. Только Глебу было не до шуток. После ночного происшествия он был мрачен и неразговорчив.

С крыльца его окликнул Вакар:

– Эй, Глеб, поди-ка сюды!

Глеб неохотно подошел.

– Тебе нужно переодеться и переобуться, – сказал кузнец. – Вот, держи.

Он протянул Глебу какие-то кожаные сапожки с высокими голенищами.

– Что это?

– Охотничьи ичиги. А вот штаны, куртка и пояс.

Глеб взял штаны и куртку, осмотрел, подергал на прочность.

– Крепкие, – с удивлением произнес он. – А из чего они?

– Штаны – из лосиной кожи. А куртка из замши. Пойди в каморку, переоденься. А я пока приготовлю вам бережный отвар. Чтобы оборотни вас обходили стороной.

У себя в каморке Глеб натянул кожаные штаны, надел замшевую куртку, обул ичиги. Затем опоясался широким ремнем. К ремню были прикреплены ножны из твердой невыделанной кожи, а из них торчала костяная рукоять. Глеб вынул кинжал и невольно залюбовался зеркальной гладью лезвия. Он, как это делают в фильмах, выдернул из головы волосок и в шутку провел по нему лезвием. Каково же было удивление Глеба, когда тонкий волосок распался на две части.

– Блеск! – выдохнул Глеб. – Да этим ножичком бриться можно!

Он опасливо, боясь порезаться, вложил кинжал обратно в ножны.

Когда Глеб вышел на крыльцо, Васька Ольха присвистнул. Громол посмотрел одобрительно. И даже Алатык зацокал языком.

– Выглядишь как воин! – изрек, щербато улыбаясь, Васька.

Громол покачал головой.

– Не воин, – сказал он. – Охотник!

– Точно. – Глеб ухмыльнулся, поднял правую руку и насмешливо отчеканил: – Здравствуй, Винниту, сын апачей! Белый охотник приветствует тебя!

На крыльцо вышла Олстра. Протянула Глебу какую-то громоздкую темную штуковину, пахнущую кожей.

– А это тебе от меня, – сказала она, смущенно улыбаясь.

– Что это? – не понял Глеб.
– Колчан со стрелами и лук в чехле из барсучьей кожи. Я сама сделала.
– Спасибо, но... – Глеб улыбнулся. – Я ведь все равно не умею из него стрелять.
– Научись. Только будь осторожен, я смазала стрелы ядом. Поцарапаешься – и тебя уже ничто не спасет.

Глеб покосился на оперенные стрелы и вздохнул: «Час от часу не легче».

Однако на этом сюрпризы не закончились. Едва Глеб успел пообвыкнуться с новой одеждой, как Вакар потянул его в кузню.

– Пойдем, кой-чего покажу.

В кузне Вакар закрыл дверь на крюк и взглянул на Орлова.

– Штуковины простые, но в ратном деле незаменимы, – сказал он. Затем выдвинул неприметный ящичек и достал небольшой нож странной обтекаемой формы, сделанный из белого металла.

– Что это? – спросил Глеб.

– Метательный нож, – объяснил кузнец. – Я называю его «летуном». Ежели эту штуку посильнее бросить, можно башку вместе с шеломом расколоть. Гляди!

Вакар размахнулся и швырнул нож в деревянную доску, висевшую на противоположной стене. Летун со стуком пробил доску насквозь.

Кузнец прищурился:

– Видал? Кидай как хошь, все одно воткнется.

– Классный дивайс! – похвалил Глеб.

– Еще бы. Летун – оружие смелых. Вогулы называют его «трумбаш».

– Он сделан из белого железа?

– Точно! Вообще-то я его из четырех желез варю. А белый он из-за серебра. Лезвие закалено в трех наговоренных водах. С восьми саженной мой летун прошьет человека, будто кусок масла. Дам тебе пять штук. Возьмешь?

– Возьму.

– Я закреплю их тебе возле рукояти щита, – сказал кузнец. – Так делают вогулы. Есть у меня, Глеб, еще одна вещь. Но не простая, а чудная.

Вакар прошел к двери, откинул крюк, приоткрыл ее и позвал:

– Трезорка!

Собака вбежала в кузню и закружила вокруг кузнеца, виляя хвостом и подтягивая.

– Ну-ну! – урезонил собаку кузнец. – Будет тебе скакать!

Он прошел к деревянному шкафчику, навешанному на стену, открыл дверцу и достал круглый золотистый предмет размером с куриную голову. Повернулся и показал его Глебу.

– Дочка притащила из Гиблого места. Там, я слышал, много чудных вещей находят. Это одна из них.

– А что твоя дочка делала в Гиблом месте? – удивился Глеб.

– Ходила по грибы и заплутала. Два дня по лесу кружила, пока дорогу домой нашла.

Он вложил шарик Глебу в руку сказал:

– Эта вещица ей жизнь спасла. Волколаки и оборотни ее пугаются. Правда, от упырей она не помогает. Видишь сбоку пупырушку? Нажми-ка на нее.

Глеб нажал. Ничего не произошло, но собака, которая вертелась под ногами, заскулила и, в ужасе отскочив, забила в угол. Глеб увидел, что из носа у кузнеца на губу стекла струйка крови. И тут же почувствовал что-то теплое и у себя на губе.

Кузнец вытер окровавленный нос и засмеялся:

– Вишь, какое чудо! Нам с тобой ничегошеньки, а собачонка от страха лужу наделала.

– Метательные ножи, артефакт от оборотней... – Глеб нахмурился. – Отличные вещи. Чем же мне тебе за них отплатить, Вакар?

Кузнец прищурился.

– Как, говоришь, твой посох называется? – поинтересовался он.

– Какой еще посох? – не понял Глеб.
– Тот, который молнии метает.
– Молнии?.. Ах, ты про это. – Глеб усмехнулся. – Это называется ружье.
– Ружье, – повторил Вакар. Глаза его лукаво замерцали. – Давай так: я отдам тебе ножи и шарик бесплатно. А ты, когда воротишься, отдашь мне свое ружье на разбор. Как тебе такое условие?
– А тебе зачем? – с любопытством спросил Глеб.
– Другое такое же сделаю, – сообщил кузнец. – У тебя «ружье», а я свой посох «ольстрой» назову.
– В честь дочери?
Вакар усмехнулся:
– Догадливый. Так как? Уговорились?
– Уговорились, – кивнул Глеб.
– Ну, все, – сказал Вакар. – Теперь айда на двор.

Глава третья

1

Лошади шли рядом. Глеб и его спутники сидели в добротных кожаных седлах с подпругами. Под седлами – потники, под потниками – войлок. Сверкали на солнце отшлифованные до блеска бронзовые стремяна.

Вскоре широкая тропа свернула в глубь тайги. Ночной дождь оставил лужицы в выбоинах от тележных колес. Хвосты лошадей были подстрижены, чтобы не замечать грязь из-под копыт.

Шли кони бодро, изредка всхрапывая и прядая ушами, почуяв запах медведя или уловив далекий похруст валежника под ногами огромного лося.

Глеб негромко беседовал с Васькой:

– В город мы с тобой добрались часа за два, – сказал он, – а сейчас едем уже третий час.

– Мы плыли в лодке вниз по течению ручья, – ответил Васька, – а теперь едем конным ходом, по чащобе да буеракам. Чтобы добраться до межи, нам понадобится в два раза больше времени. И это еще без привала.

Глеб уныло вздохнул. Задница с непривычки болела нещадно. Ноги в стремянах занемели. Колчан колотил по спине, ножны – по бедру.

Минут через двадцать Громол, выехавший вперед, вдруг осадил лошадь и предостерегающе поднял руку.

Отряд остановился. Громол с полминуты прислушивался, затем спешился и обронил через плечо:

– Оставайтесь здесь, а я пойду осмотрюсь.

Возражать никто не стал.

Громол зашагал вперед.

Прямо от дороги он начал осматривать каждое деревце, расположенное поблизости, каждый аршин земли под ногами. Потом шагнул в лес и исчез за деревьями.

Один из охоронцев подъехал к поручику Путяте и тихо осведомился:

– Не сбежит?

– Не должен, – ответил тот.

Вскоре Громол вернулся.

– Ну? – спросил его Путята. – Чего видел?

– Ничего опасного, кроме следа от стрелы.

Путята нахмурился.

– Вогулы охотятся?

Громол покачал головой:

– Нет. Это след от газарской стрелы. Несколько лет назад они пришли в эти леса и потеснили вогулов. Теперь здесь их охотничьи угодья, и они очень неуживчивы.

– Надо же. – Поручик угрюмо хмыкнул. – И князь наш им нипочем?

– Газарцы – народ отчаянный и страха не знают, – ответил Громол. – Даже лесных духов не боятся.

– А оборотней и волколаков?

Охотник прищурил серые глаза.

– Этих боятся все. Но газары научились отпугивать волколаков, воскуривая травы.

Громол уселся на свою пегую лошадку, и отряд двинулся с места.

Молчаливой была тайга. Слышался только тихий шум хвои да легкий посвист ветра. Кое-где с дороги убегали с испугом бурундуки, брызгали полосатыми молниями и прятались в чащобе.

Мягко касаясь волглой земли, шли лошадки рядом, как сестры. Слегка покачиваясь в седлах, смотрели путники молча в даль таежной дороги.

Вдруг Громол остановился и, повернув лошадь вспять, взгляделся в даль. Ратники и полонцы завертели головами.

– Чего-то услышал? – тревожно спросил Громола Васька Оляха.

– Скачет кто-то, – ответил охотник. – Бойко скачет. Скоро покажется.

Васька прислушался.

– Я ничего не слышу, – растерянно произнес он.

– Я тоже, – хмуро прогудел Путята. – Может, тебе показалось?

Громол качнул головой:

– Нет. Кто-то скачет, и скачет во весь опор. Думаю, нас нагнать хочет.

Путята дал знак одному из своих ратников, тот быстро достал лук и положил на тетиву стрелу. Другой ратник взял копьё наперевес. Сам Путята положил руку на рукоять меча.

Прошла минута. Теперь далекий конский топот слышали все. Глеб потихоньку ретировался за спины ратников. Вынимать из ножен меч, пусть даже выкованный самим Вакаром, у него не было никакого желания.

И вот из-за деревьев выехала каурая лошадка, а на ней – кто-то долговязый и худой.

– Это же Крысун! – воскликнул Васька Оляха. – Охоронец из подземелья!

Теперь это увидели и другие.

Подъехав к отряду, Крысун осадил коня и устало выдохнул:

– Уф-ф... Далеко ушли. Насилу вас догнал.

Путята хмыкнул и неприветливо осведомился:

– А чего догонял-то?

– Так князь послал! – ответил Крысун. – Помнишь, он доброходцев искал? Так я и есть доброходец!

По отряду пробежал удивленный ропоток. А поручик Путята грубо проговорил:

– Знал я, Крысун, что у тебя нутро гнилое, но чтобы и в голове все прогнило – этого не ведал.

– Поговори-поговори, – усмехнулся Крысун, гарцуя на лошади. – Князю виднее, у кого что прогнило.

Путята не нашелся, что на это ответить. Зато заговорил Крысун. Глянув на полонцев, он грубо осведомился:

– А вы чего устались, лишенцы?

– Ты на них не больно-то гавкай, – осадил его Путята. – Здесь мы все заодно. Каждый за каждого стоять должен.

– А ты, Крысун, докудова идти с нами собираешься? – поинтересовался, подозрительно глядя на тощего охоронца, Васька Оляха. – До чащобы али дальше?

– Дальше, – ответил Крысун. – До самого конца с вами пойду.

Охотник Громол сдвинул лошадь и неторопливо подъехал к Крысуну. Тот поежился

под его пристальным взглядом и отвел глаза. А Громол сказал:

– Я тебе не доверяю, охоронец. И хочу, чтобы ты это знал.

Лицо Крысуна мелко дрогнуло.

– Плевать я хотел на твое доверие, – процедил он сквозь зубы. – Главное, что мне князь доверяет.

– Дело твое, – спокойно проговорил охотник. – Но имей в виду: увижу, что паскудишь, сам тобой займусь.

Тощее лицо Крысуна побелело.

– Слишком много на себя берешь, полонец, – процедил он сквозь зубы.

Громол усмехнулся.

– Здесь тайга, а в тайге хозяин – охотник, – спокойно произнес он. – А твое место за печкой муравленой, в закопченном запечнике. Высунешься, мигом удавлю.

Громол повернул коня и отъехал от Крысуна.

Но тут, ободренный словами Громола, решил высказаться и Васька Ольха.

– Не думай, что я забыл, как ты мне руки крутил! – сказал он Крысуну. – И как горшок от меня убрал, чтобы я под ноги себе прудил!

Он сплюнул на землю, повернул коня и быстро нагнал Громола. Путята усмехнулся и негромко проговорил:

– Не любят тебя наши полонцы, Крысун. Может, вернешься? Еще не поздно.

– Ничего, – отозвался тощий охоронец. – Человечья память короче моркового огрызка. А от меня они еще пользу поимеют. Стерпится – слюбится.

– Ну, смотри.

И поручик Путята поехал далее, словно забыл о существовании Крысуна.

2

Путешествие продолжилось. Из-за утомления и размеренной езды волнение и беспокойство приутихли. Ратники и полонцы развязали языки и негромко переговаривались.

Васька Ольха успел надоесть всем и теперь надоедал невозмутимому Алатыку.

– Печенег, а печенег, вы пошто земли наши воюете?

– Кароший у вас земля, – ответил Алатык спокойно.

– А я слыхал, что и ваши неплохи. И земель у вас вокруг – видимо-невидимо. Мы-то вам зачем сдались?

На это Алатык не нашелся, что сказать, и лишь усмехнулся.

– Вот погоди, печенег, – заявил Васька, – найдется сильный властелин, соберет наши земли в один кулак и ударит тем кулаком по вашим станам. И останутся от вас рожки да ножки.

– Поглядим, – проронил Алатык невозмутимо.

– И глядеть тут нечего, – отрезал Васька Ольха. – Перешибем вам хребтину, а потом всею силушкою на хазар двинемся. А там и до франских земель доберемся. Все их княжества покорим, до самого Рыма дойдем, а то и дальше. Все узнают, на что русичи способны!

– Болтаешь ты много, Васька, – недовольно проговорил старец Осьмий. – Русы – народ мирный. Нам бы землю пахать да хлебушек пожинать. Или вон, как Громол, промыслами лесными заниматься. Не было у нас отродясь своих Цезарей да Александров. Не было и не надо! Об одном Господа молю, чтобы не трогали нас хоть сто лет. Не дергали и не тревожили. Чтобы дали нам самим пожить да добра нажить.

– Ага, – усмехнулся Васька, – дадут они тебе. Держи карман шире.

– Верно, не дадут, – с горечью проговорил Осьмий. – Лакомый кусок наша земля, большой да приметный. И сами-то наши князья, аки псы бродячие, на ошметки ее дерут. Чего уж с иноземцев спрашивать.

Вдруг Громол осадил лошадь и громко произнес:

– Газары!

Все замолчали. Путята выехал вперед, поравнялся с Громолом и спросил:

– Что будем делать, охотник? Может, съедем в лес?

Громол покачал головой:

– Нет. Мы здесь не гости, но хозяева. Так себя и ставь.

Алатык тронул было коня навстречу газарам, но Громол удержал его:

– Знаю, что твое племя с газарами воюет, Алатык. Потому помалкивай.

– Я могу с ними говорить, – возразил татарин. – Могу заставить мир делать.

Он снова тронул коня, но сильная рука Громола вновь легла ему на плечо.

– Охолони, Алатык! Я сам с ними уговорюсь.

Впереди на дороге показались газары. Были они коренастые, с жидкими бородами и блестящими от медвежьего жира широкими плоскими лицами. На каждом кожаный панцирь, покрытый металлическими пластинами. Головы газаров были украшены коническими шлемами с перьями на макушке. На поясах болтались кривые сабли, из-за плеч выглядывали огромные боевые луки.

Всадник, едущий в голове колонны, держал в руке бунчук из нескольких конских хвостов, оплетенных разноцветными нитями. Завидев отряд славян, газары не остановились, но замедлили ход. Их узкие темные глаза смотрели на пришельцев невозмутимо и почти равнодушно.

Громол поднял правую руку и громко возвестил:

– Привет тебе, нойон Бекет, сын Бату. Да будет на то воля Урулгая, мы пришли с миром!

– Привет и вам, пришельцы! – ответил нойон Бекет, остановив колонну в нескольких саженях от отряда. – Мы живем с вашими в мире! – сказал Бекет. – И почитаем ваших главных богов, как своих! Какая забота привела вас сюда?

Громол поклонился ему и сказал:

– Мы пришли, чтобы передать вашему вождю приветствие от князя Аскольда, сына Олега. Мое имя Громол, я из Хлынских лесов и принадлежу к стражам границы!

– Ты пришел без большого отряда, – проговорил Бекет, холодно прищурившись.

– Ты прав. Но большой отряд нам не понадобится, – спокойно ответил Громол.

– Но вы далеко от дома, – заметил Бекет.

– Не дальше, чем вы, когда торгуете в Хлын-граде соболями и лосиными шкурами, – заявил на это Громол.

Бекет, как бы совершенно случайно, взялся за рукоять меча.

– Посол всегда желанный гость! – сказал он, улыбаясь. – Поедем к нам в стан и выслушаем слово вашего князя!

Солнце уже низко стояло над лесом. Тени удлиннились, сам лес потемнел, но поляна еще казалась светлее. Первозданная тишина оттеняла каждый звук: торопливый говорок ручья, пофыркивание лошадей, пасущихся в высокой траве. Пахло дымом.

Узкоглазые лица газаров по-прежнему были непроницаемыми, однако они то и дело недовольно косились на русичей и при этом незаметно трогали амулеты, болтающиеся на шеях. Некоторые нашептывали молитвы-обереги.

И, однако, беспрестанно обращаясь к своим богам, они сумели быстро разбить лагерь, расставить сторожевые посты и приготовить ужин.

Глеб сидел в шатре, скрестив ноги. Рядом с ним полукругом расположились Громол, Бекет, поручик Путята, Осьмий, Алатык и Васька Ольга. Пол был устлан сухим мхом, на жаровне стоял котелок с горячим травяным настоем.

Бекет собственноручно налил кумыс в чашу и протянул ее Громолу, как старшине отряда. Тот шумно отхлебнул из нее и передал чашу Глебу. Глеб сделал небольшой глоток и передал чашу дальше. Ему и раньше доводилось пробовать кумыс, но этот был полной кислятиной. По окончании ритуала все стали пить травяной настой.

Первым заговорил начальник газаров. Лицо его было невозмутимым, но в голосе,

несмотря на вежливые слова, прорывалось раздражение:

– Пусть наши гости расскажут о поручении князя! – предложил он.

– Прежде всего скажу, что князь Аскольд могуч и мудр, – вежливым голосом произнес Громол. – Ты правильно заметил, нойон, что отряд наш мал. И это тоже говорит о могуществе и уверенности нашего князя, у которого нет причин опасаться соседей.

Бекет прищурил и без того узкие глаза.

– И долго вы сюда добирались? – осведомился он.

– Меньше дня, нойон, – ответил охотник.

– И куда вы держите путь?

Громол сдвинул брови и ответил:

– Наш путь лежит в Гиблое место, к Пепельному озеру.

Нойон Бекет несколько секунд молчал, затем тихо проговорил:

– Вы выбрали опасную цель. В лесу много нечистых зверей.

– Но ведь твои воины их не боятся, – заметил Громол.

– Наши духи защищают нас. Но священный дым не всегда помогает. Если заблудишься в лесу, обратно не вернешься.

– Или вернешься, но упырем, – заметил Васька Оляха.

Бекет перевел на него холодный взгляд.

– Ты говоришь о ходячих мертвецах, русич?

– Да.

– Их кладбища – там, где гаснет солнце. Мы туда не ходим. А вам придется. Другой дороги к Пепельному озеру нет.

– А мы ее и не ищем, – спокойно проронил Громол.

Нойон отхлебнул травяного отвара, почмокал темными губами и, скользнув взглядом по лицам гостей, сказал:

– Что ж, русичи, располагайтесь на ночлег в наших шатрах. А завтра утром я одарю вас и провожу до самой Гиблой чащобы. И да помогут вам боги!

– И да помогут они тебе и твоим воинам! – эхом отозвался Громол.

3

Поднявшись на береговой вал, Глеб оглядел пойму. В дымную вечернюю мглу, затянувшую небо и землю, убегала река. Слева, вдали от берега, в бледной синеве таились леса. Огромное красное солнце, притушенное хмарью, казалось, мучилось своим медлительным падением. Древний неподвижный мир лежал перед Глебом.

Глеб сел на шероховатый, изъеденный временем валун и закурил. Неподалеку горели костры. Возле них сидели газары. Один костер горел чуть на отшибе – это был костер русичей.

Орлов снова посмотрел вокруг и вздохнул. Красиво, блин. Накрыть бы сейчас «поляну» с ребятами-однокурсниками. Шашлычок свиной на углях пожарить, открыть бутылку коньяка или красного вина. Серега Дружиненко на гитаре классно играет... А у Светки Полежаевой голосище – Селин Дион отдыхает! Да и грудь у нее ого-го. И все остальное. На третьем курсе у Глеба была возможность это проверить. Глеб вздохнул. Эх-эх... И где они теперь, однокашники...

Докурив, Глеб швырнул окурок в траву, поднялся с валуна и зашагал к костру. Однако до костра он не дошел. Неподалеку темнело какое-то громоздкое сооружение из веток и палок. Глеб, не в силах противиться любопытству, свернул к этому сооружению.

Подойдя ближе, он остановился и изумленно ахнул. Сооружение оказалось большим костровищем, а над костровищем возвышался толстый шест, к которому была привязана тоненькая смуглая девушка со светло-русыми волосами. Глаза у девушки были широкие и светлые. На ней была длинная белая рубаха, сквозь которую просвечивали темные маленькие окружья сосков.

Глеб шагнул было к костровищу, но за спиной у него прозвучал негромкий голос:

– Не стоит это делать, Глеб.

Орлов вздрогнул и обернулся. Рядом стоял охотник Громол.

– Там девушка! – выпалил Глеб.

Громол кивнул:

– Да, я знаю.

– Они что, собираются ее сжечь?

И снова Громол кивнул:

– Да. На заре ее принесут в жертву лесному змею по имени Сивер.

Глеб часто заморгал, словно ему в глаз попала соринка.

– Они собираются сжечь ее живьем? – севшим голосом спросил он. – Но ведь это... Это...

– Это их лес, – напомнил Громол. – Что бы я ни говорил, мы здесь только гости.

Глеб хрипло выдохнул и понурил голову.

– Дикость какая-то, – пробормотал он. – Жечь живую девушку... И за что?

– Ее судьбу уже не изменить, – тихо произнес Громол. – Ее тело уже омыто белым молоком первожеребой кобылицы.

Глеб нахмурился.

– Просто в голове не укладывается, – пробормотал он. – Кобыла какая-то...

Громол взглянул на костры.

– Эти люди верят, что в Гиблой чащобе водится огромный змей, – сказал он.

Глаза Глеба замерцали.

– Постой... Я ведь про это читал. Но это не у русичей! Это у греков! Андромеду приковали к прибрежной скале, чтобы отдать на съеденье морскому дракону. Но Персей ее спас, а дракона прикончил!

– Лесной змей существует, – заявил Громол. – Я видел его следы возле Гиблой чащобы. У него огромное тело, толстое, как столетний дуб. А пасть больше, чем у медведя. И зубов в той пасти не счесть. Но не думал я, что Сивер из Гиблой чащобы приползает сюда.

Глеб кивал головой, однако не особо прислушивался – его занимали совсем другие мысли.

– Громол, – дрогнувшим голосом произнес он, – неужели ты позволишь им сжечь девушку на костре?

Охотник молчал.

– Ты ведь храбрый воин, Громол. Я видел, как ты расправился с тем оборотнем.

– Оборотень был один. А в отряде Бекета тридцать пять воинов. И у каждого лук, стрелы и меч. – Громол прищурил серые глаза. – Ты сказал, что я воин, но я не воин, а охотник. Мое дело – лесной промысел. – Он вздохнул. – Идем к костру, Глеб. Скоро нам понадобятся силы. И поэтому мы должны плотно поужинать.

Два часа спустя воины Бекета, наевшись вяленого мяса и напившись кумыса, улеглись спать. Легли спать и их гости. Глеб, закутавшись в одеяло, задремал в шатре. Сон долго не шел, а когда наконец Глебу удалось заснуть, кто-то разбудил его, грубо толкнув в плечо.

– Глеб, проснись, – услышал он громкий шепот. – Проснись же!

Глеб поднял голову с охапки сухой травы и хрипло проговорил:

– Что? Кто это?

– Тихо. – Глеб узнал голос Громола. – Постарайся не шуметь. Мы уезжаем.

Глеб тряхнул головой, прогоняя сон, и удивленно переспросил:

– Уезжаем? Но почему?

– Ты ведь хотел спасти девушку?

– Да. Но я не...

– Тогда скорее пристегивай пояс с оружием. Когда пойдем по лагерю, держи руку на рукояти меча. Возможно, он тебе понадобится.

– А где остальные?

– Они уже ждут.

Сердце Глеба забилося учащенно. Похоже, впереди схватка! Настоящая схватка со страшным, сильным и ловким врагом. Как в приключенческих книгах!

– Жесть! – выдохнул Глеб.

Пока он закреплял пояс, пальцы его мелко подрагивали. Однако, вопреки ожиданию, чувствовал Глеб не только страх, но и азарт. Похожие ощущения он испытывал в детстве, когда шел с приятелями в соседний двор, чтобы устроить драку «стенка на стенку».

«Возможно, через пять минут меня убьют», – подумал вдруг Глеб и замер. Мысль эта показалась ему не столько пугающей, сколько дикой.

– Шибче! – шепотом поторопил Громол и снова выглянул из шатра.

– Я уже готов, – шепнул в ответ Орлов. – Идем.

Они выскользнули в ночную темень.

Девушка по-прежнему была привязана к деревянному шесту. Голова ее обессилена склонилась, русые волосы упали на лицо. Ратники оцепили костровище и слились с тенью. Осьмий и Васька Ольга растреножили коней и держали их наготове.

Охрану газары не выставили: к чему охранять «жертвенную овцу»?

– Держи меч наготове, – шепнул Громол. – Будешь прикрывать нас. Как только побегу к лошадям, бросай все и беги за мной.

Громол ободряюще хлопнул Глеба по плечу и скользнул к костровищу. Дикой кошкой взлетел охотник по нестойкой конструкции, прыгнул на жердь, выхватил из ножен кинжал и молниеносно перерезал путы, связывающие девушку.

Затем подхватил ее на руки и так же ловко спустился на землю.

И вдруг из темноты, как черт из табакерки, выскочил низкорослый газарский воин. Глеб выхватил меч из ножен. Воин замахнулся на него своим клинком, но на помощь Глебу молча бросился поручик Путята. Он выбил саблю из рук газара и ударил его мечом в живот.

А Громол, закинув хрупкое дело девушки на плечо, уже бежал к лошадям. В темноте, гортанно окликаая друг друга, зашевелились газары.

Кто-то из них вытащил из теплившегося еще костра головню и раздул ее. Другой подбросил в костер сухой травы. Пламя вспыхнуло сильнее и выхватило из тьмы силуэты вскочивших на ноги газаров, осветив их плоские носы и острые скулы.

Глеб побежал за Громолом, как тот и велел, но, услышав за спиной погоню, присел за кустом бузины. Мимо куста, за которым он спрятался, пробежал газарский воин. Позади раздался пронзительный вопль, а затем – проклятья: кто-то обнаружил, что девушки нет на жертвенном шесте.

– Все к лошадям! – уже не таясь, закричал Громол. – Быстро!

Ратники и полонцы ринулись туда, где сторожили готовых к скачке коней старец Осьмий и Васька Ольга. На раскинувшейся под луной белесой равнине они смотрелись темным пятном. Навстречу Громолу скакал дозорный газар.

– Что случилось? – крикнул он на своем гортанном языке.

– Оборотни! – гаркнул в ответ Громол и схватил его лошадь под уздцы.

Дозорный, мгновенно оценив ситуацию, выхватив саблю и рубанул охотника. Но Громол скользнул в сторону и легко отразил мечом удар. Его ответный выпад достиг цели – меч охотника выбил из плеча газара фонтан крови.

Испуганная лошадь встала на дыбы. Вылетев из седла, дозорный прокатился по земле, но тут же вскочил на ноги. Поручик Путята на бегу отсек ему мечом голову.

Наперерез бегущим ратникам устремился другой всадник.

– Пригнитесь! – крикнул Громол.

Глеб пригнулся и услышал, как над головой его прожужжала стрела.

Человек десять газаров уже отсекали их от лошадей. Печенег Алатык подхватил с земли бревно и бросился на низкорослых газаров.

Его атака была столь внезапной, что газары не успели разбежаться в стороны, и Алатык, почти не встречая сопротивления, принялся разить их бревном направо и налево.

Огромное бревно вертелось в руках великана, как легкий шест. Оторопевшие газары, не обученные сражаться против вертящегося бревна, летели в стороны с разбитыми головами и переломанными костями.

Из кустов бузины на Глеба выскочил косоглазый крепыш. Он что-то рывкнул по-газарски и махнул саблей. Глеб увидел, как блеснул в лунном свете клинок, и резко отскочил в сторону. Меч газара рубанул воздух.

Глеб не медлил. Он выхватил из закрепленных на щите ножен метательный нож и швырнул его в противника. Глеб не надеялся на успех, но нож-летун, выкованный Вакаром-вещуном, не подвел и вонзился противнику в плечо. Газар рухнул на землю и застонал.

А печенежский богатырь Алатык все кружил свое бревно. Полянка вокруг него была усеяна истекающими кровью газарами. Но вечно это продолжаться не могло. Края бревна были разбиты в щепки и измочалены.

И вдруг Глеб вспомнил про ружье. В пылу битвы он совершенно забыл о своем грозном оружии!

Обозвав себя болваном, Глеб выхватил ружье из кожаного чехла, быстро дослал патрон в патронник и выстрелил в воздух. Грохот выстрела прокатился по лесу, как раскат грома. Сражающиеся замерли, с изумлением на него уставившись.

– У меня в руках Волшебный Посох! – заорал Глеб. – Мне его подарил бог Перун! Я могу поразить громом и молнией любого!

Один из газаров гаркнул что-то на своем языке и выхватил из колчана стрелу. Однако Глеб не дал ему выстрелить. Он вскинул ружье прикладом к плечу и, почти не целясь, нажал на спусковую скобу.

И снова грохот пронесся по лесу. И снова Глебу повезло. Пуля перебила газару ногу, и он рухнул лицом в траву.

– Я поражу громом любого, кто попробует нас остановить! – крикнул Глеб.

Первым в себя пришел Громол.

– На коней! – крикнул он.

Ратники и полонцы быстро оседлали коней. Глеб, держа ружье наготове, тоже вскочил на свою гнедую кобылку.

Копыта бодро зацокали по утоптанной тропе.

Однако газары быстро сбросили оцепенение. Самые смелые из них вбежали на пригорок, подняли луки и принялись пускать вслед беглецам стрелу за стрелой. А их товарищи уже вскочили на своих приземистых лошадок.

Началась погоня. Под всадниками хрипели кони, ошметья пены разлетались в стороны.

Коротконогие лошадки газаров не выдержали бешеной скачки, запалились, запытались. Половина газаров вынуждена была спрыгнуть с коней, чтобы те не попадали на бок. Другие тоже сбились с маха, проскакали еще чуть-чуть и остановились.

Гонку прекратили уже на рассвете. Ратники, спрыгнув с коней, обтирали их потные бока пучками сухой травы. Некоторые из них стали спускаться по распадку к реке – на водопой. Другие еще медлили подпускать коней к воде, чтобы не опоить с перегона.

Глеб тоже принялся обтирать свою лошадь травой. Рядом с ним остановился толстоногий конь Алатыка. Печенег лежал на коне, обхватив его шею могучими руками, и хрипло дышал.

– Алатык! – окликнул его Глеб. – Алытак, ты...

Глеб осекся. Только сейчас он увидел, что из спины печенежского богатыря, обтянутой ватным халатом, торчал целый десяток оперенных стрел.

Глеб перевел дух, поняв, насколько близко он был от смерти. Ведь добрая половина этих стрел предназначалась ему, и если бы широкая спина Алатыка не заслонила его, быть ему сейчас трупом.

– Алатык, – тихо позвал он. – Ты меня слышишь?

Печенег приподнял голову, посмотрел на Глеба мутным взглядом и хрипло спросил:

– Мы ушли?

– Да.

Алатык улыбнулся:

– Хорошо... – И снова повалился на шею коня.

Подошел Громол. Быстро оглядел спину печенег, нахмурился и пробормотал что-то себе под нос.

– Мы сможем ему помочь? – спросил Глеб дрогнувшим голосом.

Охотник отрицательно качнул головой:

– Нет. Он истек кровью.

– Нужно снять его с коня!

С помощью подбежавших Васьки Ольхи и поручика Путяты они осторожно сняли печенежского богатыря с коня и положили его боком на траву. Алатык попробовал приподняться, но затылок великана стукнулся о сырую землю, а глаза закатились и остекленели.

– Кончился, – выдохнул Васька Ольха и горестно вздохнул.

Тело богатыря едва уместилось в обласе. Алатык лежал в долбленке спокойно, и суровое лицо его казалось высеченным из камня. Он словно прилег отдохнуть перед тем, как снова вступить в схватку с врагами.

– Прощай, Алатык, – торжественно произнес Путята. – Ты был храбрым воином. Пусть твои боги примут тебя и усадят за пиршественный стол. А если они не поверят, что ты сражался храбро, пусть они призовут для ответа нас, княжьих ратников. Мы подтвердим. Прощай, Алатык, печенежский богатырь!

– Прощай, Алатык! – вторил ему хор мужских голосов, в котором потерялся и один женский – принадлежавший плененной газарами и обреченной на сожжение девушке.

Ратники старались не смотреть на нее. Громол и Васька Ольха тоже не глядели в ее сторону, а если нечаянно встречались с ней взглядами, то тут же отводили глаза.

Громол высек из кремниевого огнива искру и поджег обложенный сухим валежником облас. Пламя взметнулось к небу.

4

Как проехали каменную арку-межу, все замолчали. Межа, конечно, была условная (кто его знает, где в точности кончается Гиблое место и начинается остальной мир?), однако, оказавшись здесь, за стеной бурелома, все почувствовали себя угнетенно.

– Тяжело? – тихо спросил Глеба охотник Громол.

– Да, – выдохнул Глеб. – Это все из-за меня. Если бы я не спас девушку...

– Не думай об этом. Что сделано, то сделано. Теперь ты победитель. Во время привала получишь от нее то, что должен.

Громол пришпорил коня и поехал вперед.

Долго еще ехали молча. Внезапно Громол свернул с широкой тропы к реке. Все последовали за ним. Теперь отряд шел вдоль реки.

Местами густая непроходимая чаща так сильно прижимала их к реке, что людям и лошадям приходилось пробираться по самой кромке берега, нависшей над зеленоватой водой.

Крысун, который плелся в хвосте отряда, незаметно для прочих надламывал на деревьях ветки и делал ножом засечки на стволах.

Все тело Глеба ныло. Он был бы рад пройти хоть немного пешком, а лучше – рухнуть на землю, растянуться на мягкой траве и лежать так, пока суставы и мышцы не перестанут болеть.

Наконец, когда Глеб уже едва не вываливался из седла от усталости, Громол объявил привал.

– Есть ли у нас время на отдых, охотник? – сурово спросил его поручик Путята. – В граде княжна при смерти, а мы будем сидеть у костра и чесать языками?

– Время здесь течет иначе, – спокойно ответил Громол. – Чего точно не терпит Гиблое место, так это спешки.

Путята не нашелся, что на это возразить.

Вскоре Глеб исполнил свою мечту и блаженно растянулся на траве возле потрескивающего костра.

Костер горел ярко, и тучи, нависшие над лесом, казались неестественно черными и тяжелыми.

Васька Ольха и старец Осьмий сидели на траве чуть в стороне от костра. Между ними плавно текла беседа.

– Тяжко народу существовать под властным бременем алчных дурней, – говорил Осьмий. – Гляди, что в княжестве дееся. Людей честных полонят, а воры да душегубы по улицам разгуливают. Поборам несть числа. Скоро за вольный ветер подать брать будут.

Васька слегка побледнел и опасливо покосился на сидевших у костра охоронцев. «За такие речи можно и на дыбу угодить», – подумал он боязливо.

Но охоронцы не обращали на них никакого внимания.

Собравшись с духом, Васька тихонько спросил:

– Дяденька Осьмий, а кто же править людьми будет, коли князя и советников не станет?

– Люди сами себе правителей выберут, – твердо ответил Осьмий.

– Как это сами? Кто же им подскажет?

– Никто. Своим умом дойдут. Ибо совокупным умом жителей своих княжество сильно.

– А что, если я людям не верю? – спросил Васька. – Никому, ни единому из них.

– А кому же ты веришь? – осведомился Осьмий. – Князю-дураку, советникам-шакалам да боярам-прихлебателям? Своим умом разумеи. А лучше – своей душой. Разум обманет, а душа – никогда.

Васька мотнул головой и возразил:

– Душа не собака, у нее носа нет, чтобы зло учуять.

– А вот и есть, – возразил мудрец Осьмий. – И нос у нее почутче твоего конопатого.

– Опять ты обзываешься, – пожаловался Васька. – А сам-то... Ноешь, ноешь. Благо была бы какая польза от твоего нытья, так ведь нету. По мне, так ты просто дурень.

– Творя добро, слыть дурным – царственно, – спокойно возразил Осьмий.

Васька поднялся на ноги и, бормоча что-то себе под нос, отошел к костру, где Громол уже резал кинжалом вяленое мясо, а Путята сыпал в подставленные пригоршни кусочки сушеных яблок. Запивали еду квасом и холодным травяным настоем.

Перекусив вяленой лосятиной и сушеными яблоками, Громол зевнул и посмотрел на небо. Сидевший возле него Васька Ольха взял из кучи хвороста несколько сухих веток, переломил их об колено и подбросил в огонь.

– Слышь, чужеземец, – окликнул он Глеба, – а ведь из Гиблой чащобы еще никто и никогда не возвращался.

– Да ну? – Глеб усмехнулся. – Значит, мы будем первыми.

Путята криво ухмыльнулся, а Громол посмотрел на Глеба внимательным взглядом, и во взгляде этом (пожалуй, уже не в первый раз) промелькнуло уважение.

– Эй, русич!

Глеб обернулся и увидел русоволосую смуглянку, которую газары обрекли на гибель и которую он спас. До сих пор она держалась от мужчин обособленно и в разговор ни с кем не вступала.

Она поманила Глеба пальцем, повернулась и направилась к реке. Глеб поднялся с травы, отряхнул штаны и неторопливо направился за ней. Он был почти уверен, что кто-нибудь отпустит ему вслед сальную шутку, но никто не сказал ни слова.

Девушка спустилась к реке, подождала, пока Глеб подойдет, и предложила:

– Сядем?
Глеб не возражал, и они оба уселись на траву.
– Я хочу поговорить, колдун, – сказала девушка.
– Что ж, давай поговорим, – согласился Орлов. – Только откуда ты знаешь, что я колдун?
– Так тебя здесь называют.
– Да, действительно. Но ты лучше зови меня Глебом.
– Хорошо. Глеб... Красивое имя, – похвалила девушка.
Он пожал плечами:
– Обычное. А как зовут тебя?
– Айсарана.
– Айсарана?
– Да. Охотник сказал, что ты уговорил всех спасти меня. Это так?
– Ну... наверное, так.
Айсарана внимательно взгляделась в его лицо и спросила:
– Почему ты это сделал?
Глеб хмыкнул.
– Вероятно, потому, что я дурак.
Девушка прищурила серо-голубые глаза.
– Глеб, я никогда не видела таких, как ты, – негромко произнесла она.
– Еще увидишь, – пообещал Орлов. – Какие твои годы.
Вдруг Айсарана обняла его рукой за талию, прильнула к его плечу и быстро проговорила:
– Ты спас меня, Глеб-чужеземец. Теперь я твоя женщина!
Глеб осторожно, но настойчиво снял ее руку со своей талии.
– Брось. Я сделал это не для того, чтобы ты стала моей.
– Тогда зачем? Зачем ты это сделал?
Орлов вздохнул.
– Ну... Видимо, я не мог смотреть, как сжигают на костре живого человека.
– Но я тебе нравлюсь, правда?
– Айсарана, – терпеливо начал Глеб, – ты мне очень нравишься. Но я не хочу воспользоваться твоей слабостью. Да и не время сейчас.
– У тебя уже есть девушка? Но она не будет любить тебя так, как я. Я умею любить, Глеб. Я хорошо умею любить. Со мной ты забудешь обо всем.
Глеб поморщился:
– Перестань, Айсарана. Между нами ничего не будет.
– Не зарекайся, чужеземец!
– Давай лучше просто поговорим. Скажи, Айсарана, ты русская?
– Я – атыкай-самана.
– Как это?
– Моя мать была русская. А отец – вогул.
– Дитя смешанного брака. Понятно. И как ты попала в руки газарам?
Айсарана вздохнула и обхватила руками острые колени.
– Моя мать умерла много лун тому назад, – сказала она. – После ее смерти отец ушел из племени и поселился на заимке. На самой границе Дурного леса. Он бил зверя, ловил рыбу, тем мы и жили. Долго жили. Так долго, что мне стало скучно. А потом на нас напали газары. Они осадили наш дом и сказали, что, если отец не отдаст им меня, они сдерут с него кожу.
– И что было потом?
– Они содрали с отца кожу, – ответила Айсарана. – А меня полонили.
Глеб покачал головой:
– Кошмар.
– Сначала нойон Бекет хотел взять меня в наложницы. Но когда узнал, что я наймариат,

решил отдать меня Лесному Змею.

– А что такое «наймариат»? – спросил Глеб.

Айсарана улыбнулась:

– Это значит, что я никогда не была с мужчиной.

Глеб отвел взгляд и слегка смутился.

– Вот оно что, – проговорил он.

– Но я умею любить, Глеб. Я хорошо умею любить. Мать рассказывала мне, что нужно делать. И если ты мне позволишь...

– Перестань, Айсарана. Ты совсем еще ребенок.

– Мне шестнадцать лун! – возмущенно возразила девушка. – Еще пять лун, и я стану совсем старая. Тогда меня никто не захочет взять.

Глеб не удержался от улыбки.

– Уверяю тебя, что это не так, – сказал он. – Ты очень красивая, Айсарана. И ты легко найдешь себе жениха. Кстати, ты не обратила внимание, какими глазами на тебя смотрит Васька Оляха? По-моему, он на тебя запал.

Айсарана фыркнула.

– Зачем мне Васька? Ты – мой спаситель.

– Он хороший парень, Айсарана. И он чуть старше тебя. Вы будете отличной парой.

Серо-голубые глаза девушки полыхнули.

– Ты отвергаешь меня? – с вызовом спросила она.

Глеб тяжело вздохнул.

– Ну, считай, что отвергаю. Это для твоей же пользы.

Айсарана несколько секунд сидела молча и неподвижно, обдумывая слова Глеба, затем вдруг привстала, схватилась за подол платья и резко стянула его через голову. Глеб несколько секунд смотрел на обнаженную грудь девушки, затем отвел взгляд и тихо проговорил:

– Зачем ты это?

– Тебе не нравится моя грудь?

– У тебя обалденная грудь, – честно признался Глеб. – Но, пожалуйста, надень платье.

– Почему?

– Да потому, что это... неприлично. – Глеб досадливо усмехнулся. «Вот черт, – пронеслось у него в голове, – никогда не думал, что скажу такое девушке, которая меня хочет!»

Айсарана молча надела платье, встала и решительно шагнула к реке. Глеб схватил ее за руку.

– Куда ты, Айсарана? – тревожно спросил он.

– Пойду утоплюсь!

Глеб подумал и – разжал пальцы.

– Ладно, иди, – сказал он. – Это твой выбор, и я не хочу с тобой спорить.

Айсарана удивленно приподняла брови.

– И ты не будешь по мне плакать? – недоверчиво спросила она.

Глеб покачал головой:

– Нет.

– Ты меня ни капельки не любишь?

– Мы уже обсуждали это. Давай не будем начинать все сначала.

Айсарана дернула подбородком и сухо проговорила:

– Ты все равно будешь моим, Глеб. Я умею колдовать и привораживать. Меня отец научил.

– Делай, что хочешь. Ты уже большая девочка.

Глеб улегся на траву и закинул руки за голову. Некоторое время девушка смотрела на него, затем отвернулась и проговорила дрогнувшим голосом:

– Духи лесные, помогите Айсаране! Пусть Глеб-колдун полюбит меня!
Выпалив это, она повернулась и зашагала к костру.
Глеб зевнул и посмотрел на сгущающиеся тучи.
«Интересно, как наши сыграют с англичанами в Лужниках? В принципе, шансы у нас есть. Даже после позора в Уэмбли. Три–ноль! Подумать только!»
Глеб зевнул.
«Третий гол был совсем уж необязательным. Зачем Малафееву понадобилось падать – отбил бы мяч стоя! Да и атаки у нас все были без концовок. Кержакова на поле не хватало, это очевидно. И куда только Хиддинк смотрел? Ничего, Аршавин с Павлюченко себя в Лужниках покажут, – подумал Глеб, начиная дремать. – Главное – сдержать Оуэна и Руни...»
Засыпая, он увидел перед собой зеленое футбольное поле. По нему бегали футболисты. Березуцкий передал мяч Зырянову, Зырянов – Аршавину, Аршавин ударил по воротам. Гол! «Три–один в нашу пользу!» – торжествующе объявил комментатор.
«Сказки», – подумал Глеб и провалился в тяжелый сон без сновидений.

5

Когда Глеб открыл глаза, солнце практически не сдвинулось в небе. Сон его был коротким, но до того целительным, что он проснулся обновленным. Нудная ломота в ногах исчезла, голова была свежей и ясной. Вероятно, это из-за травяного настоя, который дал ему охотник Гроمول.

Он оглянулся и посмотрел на своих спутников, расположившихся вокруг догоревшего костра. Васька Оляха дремал, закинув руки за голову и вытянув ступни к остывающим углям. В двух шагах от него, укрывшись с головой одеялом, спала Айсарана.

Ратники расположились полукругом, закутавшись в свои суконные плащи.

В тайге было тихо, словно природа тоже погрузилась в дрему. Попыхивая сигаретой, Глеб прислушался к этой тишине. Даже ручеек, звеневший двадцать минут назад на каменистом перекате, и тот будто исчез под землей.

Глеб бросил окурок в реку, посидел еще минуту без движения, потом поднялся и легкими шагами пошел к зарослям кустарника, чтобы опорожнить мочевого пузыря. Вокруг тянулся лес, поросший сосной, дубом и березой, с редкой примесью пихтача и ельника.

Где-то далеко вскрикнула тонким голосом какая-то птица. На реке слышались всплески рыбы. По вершинам деревьев пробежал ветерок, поиграл ветвями и затих.

Глеб вдруг вспомнил про княжну. И все же где-то он ее уже видел. Но где? Попробовал вспомнить, но тщетно. В памяти до сих пор было много провалов.

Помочившись, Глеб завязал веревку, стягивающую замшевые штаны, и снова прислушался к лесу.

– Заблудился? – услышал Глеб у себя за спиной негромкий голос Громола.

– Просто решил размять ноги, – ответил Глеб.

– Зря. Без оружия по лесу ходить не след. А ну как на медведя наткнешься.

– А ты убивал когда-нибудь медведя? – поинтересовался Глеб.

– Приходилось.

– А нелюдь из Гиблого леса?

– Приходилось и нелюдь, – ответил Гроمول.

– Страшно было?

Гроمول усмехнулся:

– Это смотря какая нелюдь. Иных тварей боишься. А иных жалеешь.

– Жалеешь? Как можно жалеть нелюдь?

– Жалеешь, – повторил Гроمول. – Потому как нелюдь нелюдю рознь. Когда-нибудь сам увидишь. Недолго уж осталось.

Глеб поежился.

– А как оборотни охотятся в лесу? – спросил он. – В стае или поодиночке?

– Оборотни, как люди, – ответил охотник. – Могут поодиночке. А могут в стаю сбиться. Вот как мы сейчас. Уж очень они разные, оборотни-то. Их и от человека отличить бывает трудно.

– Гм... – Глеб потер пальцами подбородок. – Но есть, наверное, какой-то способ их вычислить?

– Есть, – кивнул охотник. – Оборотню нужно в рот смотреть. Ежели десны обычные, значит, человек. А ежели лиловые – оборотень.

– Я это запомню.

Громол внимательно посмотрел на Глеба и вдруг спросил:

– Ты ведь не веришь, что с небес пал бог?

– Что? – не понял Глеб.

– Ты думаешь, что с небес упала громадная железная барка. И ты не веришь в незримых духов. Ты думаешь, что кишенских жителей сгубила ран-ди-ат-сия.

Лицо Глеба вытянулось от изумления.

– Значит, ты... – Он осекся. – Значит, ты знаешь, что такое радиация? И знаешь про космические корабли?

Громол кивнул:

– Да.

Орлов вытер рукою потный лоб.

– С каждым днем все радостнее жить, – пробормотал он. – Но откуда, черт подери, тебе обо всем этом известно?

– Не пужайся, – успокоил его Громол. – Ты сказывал про то во сне. А я слушал.

– Зачем? – растерялся Глеб.

– Ты молвишь много чудных речей, чужеземец. А мне по сердцу чудные люди. От них всегда можно узнать что-нибудь новое.

Глеб помолчал, собираясь с мыслями, затем неуверенно проговорил:

– Громол, можно тебя кое о чем попросить?

Охотник кивнул:

– Проси.

– Если мы выживем... и если мне суждено прожить жизнь в вашей стране, научи меня всему, что умеешь сам.

Громол кивнул и ответил очень серьезным голосом:

– Добро. Но мы вряд ли выживем. Если нас не слопают оборотни, то сгубят стрелами газары. А не сгубят, так сожгут на жертвенном костре.

Громол нахмурился и добавил, вглядываясь в сумрачный лес:

– Не открывай никому свои тайны, чужеземец. И не показывай так явно свое удивление. Ты пугаешь людей, а они должны тебе доверять. Пока тебя почитают за чужака, твоя жизнь здесь ничего не стоит. А теперь идем к лошадям. Нам пора выдвигаться.

У костра, подбрасывая в огонь мелкие сучья, уже сидели Васька Оляха и Путята. Когда Громол и Глеб подошли к стойбищу, начали поднимать с земли взлохмаченные головы и хлопать сонными глазами ратники.

– Путята, пора, что ли? – спросил один из них.

– Пора, – ответил от костра Путята. – Приводите себя в порядок. – Покосился на охотника и с усмешкой добавил: – Воевода Громол велел собираться в дорогу.

Невзор Беркут был высоким статным мужчиной. Волосы темные, с серебристым не по годам отливом. Стригся он коротко, да и бороду подстригал, так что веником она у него не торчала. Лицо у Беркута было загорелое и обветренное. Левую щеку изуродовал давнишний шрам от удара плетью с железным охвостком.

Отряд Невзора Беркута (сам он предпочитал называть своих людишек ватагой) насчитывал пятнадцать человек. Народец был тертый, ушлый, прошедший через огонь и воду. Пятеро – душегубцы, спасенные Бавой Прибытком от плахи. Еще четверо – люди разбойные, кровью меченные. Остальные – ворье, набранное Беркутом близ кружала, тоже люди бывалые, не боящиеся ни богов, ни духов лесных.

Невзор ехал впереди ватаги на крепкой гнедой лошадке. Вооружен он, как и прочие ватажники, был до зубов.

Сам Беркут не видал колдуна чужеземного, но по граду княжьему о нем уже ползли слухи. Дескать, явился незнамо откуда, охмурил княжну. А потом наслал на нее порчу, и слегла княжна в предсмертной горячке.

О том, что было потом, народ разное говорил. В кружале сказывали, что советник Егра отнял у колдуна чары, и тот поехал за чарами в Гиблое место.

Про само Гиблое место Невзор Беркут тоже мало что знал. Года четыре тому в его родное село Завидово повадились по ночам шастать волколаки. Задрали половину собак, порезали трех коров. Споймали у колодца пьяненького старосту и оторвали ему башку.

Когда терпеть набег волколаков не осталось сил, сельчане объявили им войну. Наняли вскладчину десять ратников, трех охотников-промысловиков и одного охоронца-калику, прославившегося хитростью непомерной. Те пошли к Черному бору, наставили ловушек, силков и капканов. За неделю охоты убили трех волколаков, а еще двух поймали в силки и в Завидово привезли. Один волколак сразу издох на солнечном свету. А второго волколака, точнее, волколачиху, у охотников дядька Радей выкупил. Специально для этого двух телушек продал.

Говаривали, что дядька Радей волколачиху, как бабу человеческую, пользовал. И даже подарки ей дарил. Срамота, конечно, но, с другой стороны, кому какое дело? Да и волколачиха на морду была зело хороша. Что твоя княжна!

Размышления Беркута прервал один из ватажцев, дернувший лошадь влево так, что лошадка Невзора нервно храпнула.

– Авдей! – рявкнул на ватажца Беркут. – Куды прешь? Сдай взад!

– А чего я? – огрызнулся тот. – Это Моргач меня прижал!

– Поговори ишшо! – пригрозил Невзор. – Оба у меня пешим ходом пошкандыбаете!

Авдей был знатным душегубцем, резал пьяных мужиков у кружала при свете дня, как баранов, но Невзора Беркута боялся. Невзора боялись все. Одни за лютость, другие за хитрость, третьи за непредсказуемость.

К тому же, в отличие от бывших полонцев, был Невзор чист пред князем. Ни разу не уличили его в дурном деле, хотя все вокруг знали, чем Невзор промышляет. А все потому, что не таскал Беркут из полымя угли своими руками. Других посылал. За страх и за деньги служили разбойнички исправно. А кто на Невзора хвост подымал, того находили ночью в овраге с перерезанным горлом.

С купцом Бавой Прибытком Беркут водился давно. Не одно выгодное дельце вместе обстряпали. Как-то раз трое купчиков из Подолья на Баву стеной пошли. Вызвал тогда Бава к себе Невзора и помощи попросил. А Невзору не жалко, раз просят – надо помочь. Взял Беркут пару крепких ребят да наведалься к одному из купчиков домой. Самого купчика за муди к балке подвесил, а жену и деток его малых ножиками переколол. Насмерть.

Другие купцы сразу шелковыми сделались. И снова в Подолье тишь да гладь, и снова всем хорошо.

Невзор чувствовал себя кем-то вроде лекаря. Чтобы большой крови не было, надо малую кровушку пролить. Этим он по мере сил и занимался.

...На небе быстро темнело. Черная туча наплыла на солнце, и сумрачная тень окатила землю.

Разведчик, посланный Беркутом чуток вперед, чтобы заранее примечать меты, оставленные Крысуном, вернулся, осадил коня и сказал:

– Атаман, не гневайся, но, кажись, я со следу сбился.

– Так поищи! – небрежно отозвался Беркут.

– Искал уже – нету. Вели привал разбить, а я пока по лесу похожу.

Невзор нахмурился, но гневаться не стал. Чего силы на гнев расходовать? Они еще пригодятся.

– Ладно, – сказал он, – будет тебе привал. А ты лучше ищи. Не найдешь зарубок – я их сам на тебе наделаю. Понял али нет?

– Понял, – хмуро откликнулся следопыт.

– Ну, ступай.

Разведчик развернул лошадь и поскакал вперед, а Невзор громко объявил:

– А ну, ребята, стой! Отдыхать будем!

Спешились быстро. Устали ватажники на конях трястись, по твердой земле под ногами истосковались.

Костер разжигать не стали. Посидели на траве, погрызли хлебные сухари и сухое мясо, заели луком и запили родниковой водой.

Один из ватажников, душегубец Авдей Колобуд, пошел в лес отлить. Ватажники, которые прудили тут же, не стесняясь друг друга, проводили его насмешливыми взглядами.

Из лесу Авдей вернулся скоро. И по его подпрыгивающей походке и сверкающим глазам Беркут сразу понял, что тот что-то нашел. Так оно и случилось.

– Атаман, глянь! – Авдей протянул Беркуту какую-то штуковину, красную, как лепестки мака, и дрожащую, будто испуганная мышь.

Беркут отшатнулся и рявкнул:

– Брось!

– Ась? – не понял Авдей.

– Брось, говорю!

Авдей нахмурился.

– Так ведь это чудная вещь! Я чай, Бава Прибыток большие деньги за нее заплатит.

– Дурак! – гневно выпалил Беркут. – Вещи чудные зело опасные! Брось, пока руки не лишился!

Авдей упрямо насупился.

– Так ведь золотом заплатит, – угрюмо возразил он. – Чего деньгами-то разбрасываться?

Он хотел присесть рядом с Беркутом, но тот вскочил на ноги и быстро отошел на пару шагов. Авдей усмехнулся, оглядел любопытные лица ватажников и, приосанившись, проговорил:

– Ты, Невзор, человек важный и мудрый, и мы тебя как вождя своего почитаем. Но...

Договорить Авдей не успел. Тело его вдруг стало раздуваться и сдуваться, будто кожаный бурдюк или лягушачьи щеки. Лицо затряслось и стало багроветь.

Потрясенные ватажники быстро вскочили и отбежали от Авдея подальше.

– Помоги, братва! – хрипло проговорил он, колыхаясь, как студень. – Помоги... Больно мне...

Один из ватажников шагнул было к Авдею, но Беркут удержал его:

– Охолони, Лобан!

Тело Авдея, продолжая подергиваться и колыхаться, обмякло, расплылось по земле, будто красная сметана. Из расплюснутых губ вырвался хриплый стон. Казалось бы, человек не может так существовать. Но Авдей не умер. Из бесформенного мясистого блина, лежащего на траве, глядели испуганные, полные боли и страдания глаза Авдея.

– Говорил же – не трожь чудную вещь! – в сердцах проговорил Беркут и вынул из ножен татарскую саблю.

– Ата... ман...

– Расступись, ребята! – приказал Беркут и, отведя руку с саблей в сторону, чтобы рубануть наискось, шагнул к превратившемуся в блин Авдею.

Но блин задрожал и стал собираться в комок. Беркут опасливо остановился. Комок становился все плотнее, и вот уже из него вылупились руки, ноги и голова. Не прошло и минуты, как перед ватажниками снова стоял Авдей – такой, какой и был раньше.

– Уф-ф... – выговорил он и отер рукою потное лицо.

В другой руке он все еще держал красную дрожащую дрянь.

– Авдей, ты как? – хмуро спросил его Беркут.

– Да вроде ничего.

– Болит где-нибудь?

– Да вроде нет.

Беркут прищурил темные глаза.

– У тебя сучок из ноги торчит, – сухо сказал он.

– Где? – Авдей опустил взгляд и уставился на торчащую из ноги ветку.

– Тебе правда, что ли, не больно? – спросил кто-то из изумленных ватажников.

Авдей мотнул головой:

– Нет.

Он нагнулся, вырвал из ноги ветку и отшвырнул ее в сторону. А из ноги даже кровь не пошла. Ватажники загалдели. Беркут несколько секунд стоял молча, затем выхватил из-за пояса плетъ и хлестко стеганул Авдея по багровой роже.

Тот вскрикнул от неожиданности и попятился.

– Ты чего, Невзор? – обиженно произнес он. – Чего плетью дерешься?

– Больно стегнул? – осведомился Беркут.

– Да нет, но...

Беркут глянул на ватажников.

– Ну, поняли? – громко спросил он. – Теперь наш Авдей боли не чувствует!

– Это все из-за вещи чудной, – сказал Лобан. – Слышь, Авдей, дай и мне ее подержать! Я тоже боли знать не хочу!

Лобан протянул руку, но Невзор ударил его по пальцам плетью. Лобан вскрикнул и отдернул руку.

– Да что с тобой, атаман? – в сердцах проговорил он. – Хорошо ведь – без боли-то!

– И то верно, Беркут! – поддакнул другой. – Без боли нам и ватажничать будет сподручнее!

Разбойники переводили вопросительные взгляды с атамана на Авдея и обратно.

– Ой, ребята, хорошо-то как! – с блаженной улыбкой проговорил Авдей. – Во всех членах легкость и сила! Будто заново родился!

Лобан опять протянул руку за чудной вещью, но Беркут на него гаркнул:

– Цыц! Мы еще не знаем, чего с ним дальше будет. Что, если он...

Беркут запнулся и уставился на Авдея. А с тем происходило что-то странное. Руки его вдруг стали вытягиваться в стороны – и тянулись, пока не стали каждая по две сажени. Две руки, как две змеи, заплесали в воздухе, гибко извиваясь и подрагивая.

– Тянется, – испуганно выдохнул один из ватажников.

– Аки патока, – столь же испуганно добавил другой.

– Эй, Авдей! – дрогнувшим голосом позвал Беркут. – Ты чего делаешь-то?

– Сам не ведаю. Но теперь мои руки такое могут!

Правая рука Авдея вытянулась еще дальше, потом извернулась, подползла по воздуху к Беркуту и щелчком пальца сшибла с него шапку.

Авдей весело засмеялся:

– Видал, как теперь могу!

По лицу Невзора Беркута пробежала тень.

– Еще раз так сделаешь – убью, – пригрозил он.

Авдей оборвал смех, но улыбку с рожи не согнал.

– Не серчай, Невзор, – сказал он. – Кабы ты знал, как это весело.

– Весело ему, – проворчал Беркут. – А ну – садай на лошадь. Посмотрю, сможешь ли

верхом держаться.

Авдей сжал руки до обычного размера, повернулся и неторопливо пошел к лошади.

Беркут одним прыжком нагнал его, размахнулся и рубанул саблей по башке. Удар расшиб голову Авдея на две части, и половинки ее распались по обе стороны, как два огромных лепестка.

Ватажники охнули.

Но не умер Авдей. Повернулся к Беркуту и уставился на него своими выпуклыми глазами. Один глаз на одной половинке башки, другой – на второй. Невзор Беркут попятился назад, с ужасом глядя на диковинное зрелище.

Авдей же, вместо того чтобы рухнуть наземь и помереть, вскинул руки, ухватил себя за щеки и сдвинул половинки головы воедино.

– Ты пошто мне голову рубишь? – проговорил Авдей странным квакающим голосом. Из рта его на грудь вытек комок густой крови. – Больно... – пожаловался Авдей. – Больше не руби.

Невзор скрипнул зубами и снова шагнул к Авдею. Второй раз он рубанул наискось. Потом рубанул еще. И еще.

Ватажники стояли вокруг – ни живы ни мертвы от ужаса. А Беркут все рубил своей страшной саблей, все резал и кромсал Авдеево тулово, пока вконец не умаялся. Потом опустил окровавленную саблю и хрипло перевел дух.

На земле там и сям валялись куски Авдея.

– Кто еще чудную вещь тронет, сразу убью, – пригрозил Беркут, сверкнув глазами на ватажников. – Уразумели?

Ватажники молчали, не в силах вымолвить ни слова.

– Уразумели?! – снова рявкнул Беркут.

Ватажники закивали головами.

– Вот и ладно. – Невзор Беркут отер рукавом потное, забрызганное кровью лицо. – А теперь – по коням!

Затопали копыта, выбрасывая фонтаны грязи, засвистели плетки, загикали голоса.

Не успели всадники скрыться из виду, как в траве что-то зашевелилось. То были куски разрубленного Авдея.

7

– Беркут, газарцы!

В воздухе что-то свистнуло, и следопыт захлебнулся своим криком и повалился с лошади. Шею ему пронзила стрела.

– В лес! – крикнул Невзор.

Но было уже поздно. Еще несколько стрел просвистели в воздухе, и еще двое разбойников грохнулись с лошадей в дорожную грязь.

Стрелы полетели со всех сторон. Разбойники сбились в кучу и укрылись круглыми щитами.

– Стойте! – что есть мочи заорал Беркут. – Стойте, газарцы! Мы пришли с миром! Мы пришли с миром!

Послышался резкий окрик, и стрельба прекратилась.

– Эй, русичи! – крикнули из леса. – Мы ищем Громола! Отдайте нам Громола!

– Не знаю я никакого Громола! – заорал в ответ Беркут. – Я Невзор Беркут! А это – моя ватага! Мы не хотим вас воевать! Мы пришли с миром!

Из леса выехали на коротконогих приземистых лошадаках газарцы. Десятка полтора или два, и все с луками. Вперед выдвинулся газар с властным холодным лицом.

– Я – нойон Бекет, – резко отчеканил он. – Я ишу охотника Громола. Где он?

– А я откель знаю? – обиженно проговорил Беркут. – Мы не вместе, а врозь.

Нойон прищурил холодные, узкие, похожие на две темные прорези глаза.

– Зачем приехал в наш лес? – гортанно спросил он. – Хочешь узнать, где наш стан, и рассказать князю Аскольду?

– Что ты! – испуганно воскликнул Невзор. – Меня Бава Прибыток послал, чтобы я Громола и товарищей его загубил!

Узкоглазый усмехнулся.

– Ты хочешь убить Громола?

– Ну!

– Зачем?

– Затем, чтобы путь в Гиблое место никому, кроме нас, не показывал.

Нойон чуть склонил голову набок.

– И зачем твоему Баве Гиблое место?

Невзор покосился на мертвых товарищей, сглотнул слюну и проговорил:

– Бава – торговый человек. Он со всего прибыль снимет.

– Какая же может быть прибыль от Гиблого места? – спросил газар.

– Известно, какая. Бурый порошок да чудные вещи, – ответил Невзор.

Брови нойона приподнялись.

– Ты говоришь о вещах, которые делают чудеса? – недоверчиво спросил он.

Невзор кивнул:

– О них.

– Мои люди таких вещей остерегаются. Это проклятые вещи. И пользы от них не будет никому.

– Тебе и мне не будет, – согласился Невзор. – А Баве будет. Он и из лепешки коровьей свой рубль слепит. Отпусти меня, нойон. Я не хочу воевать. И мы с тобой оба хотим одного и того же.

Нойон задумчиво погладил свою коротконогую лошадку по холке.

– Гролом едет не один, – сказал он, помолчав. – С ним ратники. И еще несколько смелых воинов. Ты с ним справишься?

Невзор усмехнулся:

– Теперь даже не знаю. Вы перебили много моих людей. Теперь нас мало, и с Гролом нам будет справиться нелегко.

Бекет помолчал, размышляя, и сухо проговорил:

– Мои люди поедут с тобой.

Он сделал знак рукой, и пятеро газаров выехали вперед. Все они были крепкие, жилистые, с узкоглазыми неподвижными лицами, словно высеченными из камня. Невзор посмотрел на них недоверчивым взглядом.

– Это мои лучшие воины, – сказал Бекет. – С ними ты можешь не бояться Громола. С Гролом едет чужеземный колдун. Его не убивай. Перебей ноги, свяжи веревками руки и привези ко мне.

– Зачем он тебе?

– Хочу выведать, кто он и откуда. А потом шкуру с него сниму, как с белки. Сниму и на щит свой натяну.

Невзор усмехнулся:

– Чем же он так тебя прогневал?

– Он наслал беду на наше племя. Унес девку, которую мы приготовили в жертву Сиверу. Теперь Лесной Змей Сивер на нас разозлился.

– Так ты хочешь отдать Змею колдуна вместо той девки?

Бекет кивнул:

– Да.

– Ясно. Что ж, тогда доставлю. Ну, по рукам!

Невзор протянул вождю газаров руку. Нойон брезгливо посмотрел на его пятерню. Невзор оценил его взгляд правильно и поспешно убрал руку.

– Может, и припасами нас снабдишь, раз такое дело? – поинтересовался он.

– Ты говоришь про еду?
– Да.
– Я дам тебе вяленой оленины и воды.
Невзор поклонился вождю и сказал, подражая говору торговых людей:
– Приятно иметь с тобой дело, Бекет.
Нойон тихонько свистнул. Из леса выехал еще один газар. Его лошадь была коренастее, чем у других, а к седлу были приторочены две большие сумки с провизией.
Нойон что-то быстро сказал ему, газар кивнул, спешился, отстегнул одну сумку от седла и поднес ее Невзору.
– Моргач, забери! – распорядился тот.
Когда дело с провизией было улажено, нойон, мрачно мерцая узкими глазами, спросил:
– Беркут, ты знаешь, что у колдуна есть посох Перуна?
– Посох Перуна?
Нойон кивнул.
– Да. Сам Перун подарил его колдуну за добрую службу.
– Я про то не знал.
– Посох тот насыляет на людей громы и молнии. Остерегайся его.
– Гм... – Невзор задумчиво почесал ногтями бороду. – Если все так, как ты говоришь, тогда нам нужно действовать не токмо силой, но и хитростью.
– О какой хитрости ты говоришь, русич?
– В отряде Громола и колдуна есть верный Прибытку человек. Мы подговорим его, чтобы он выкрал у колдуна волшебный посох. А потом, когда посох будет у нас в руках, нападём на них и перебьем.
Лицо нойона просветлело.
– Перехитри колдуна! – сказал он. – Добудь посох! Сделаешь, получишь от меня в дар пушнины столько, сколько сможешь унести!
– Добро, – кивнул Невзор. – Считай, что колдун у тебя в кармане. А теперь нам пора ехать. Громол и его людишки далеко ушли вперед.
Нойон кивнул и повернул лошадь к лесу. Миг – и нойон со своими лучниками скрылся за деревьями. Беркут лишь качнул головой, удивляясь ловкости и сноровистости газарских воинов.
Пятеро всадников нойона остались на тропе.
– Ну, теперь вы с нами, – сказал им Невзор. – Зарубите на своих плюсных носах, ребята: я здесь – на́больший, и меня надлежит слушаться. А теперь – вперед!
И копыта снова застучали по утопанной тропе.

Глава четвертая

1

Отряд Громола по-прежнему ехал вдоль реки. Глеб молчал, утомленный дорогой. Ратники Путяты тоже не болтали, поглядывая по сторонам и беззвучно нашептывая заклинания от злых духов.
Лишь Васька Оляха и старец Осьмий вели непрерывный диалог, который для прочих давно уже стал фоном, навроде стрекотания саранчи, и на который никто уже не обращал внимания.
– А что, дяденька Осьмий, – говорил Васька, с любопытством поглядывая на странного старика, – все ли мы теперь вернемся обратно из Гиблого места али нет?
Старик глянул на парня искоса, усмехнулся.
– Меня-то пошто спрашиваешь?
– Ну... – Васька пожал плечами. – Я думал, ты у Бога спросить можешь. Он ведь с

тобой говорит.

– Того, что он мне говорит, я тебе пересказать не могу.

– Почему?

– Потому что слаб ты и трусоват. А пророчество не для таких, как ты.

Васька обиженно сопнул.

– Хм... Трусоват... Можно подумать, ты сам Гиблого места не боишься.

– Я ничего не боюсь, – сказал старик невозмутимо.

– Это как? – удивился Васька.

– А так. Я в Бога христианского всеблагое верую. А христианская вера делает человека бесстрашным.

Васька не поверил.

– А как же оборотни и волколаки? – спросил он подозрительно. – Нешто и их не боишься?

Мудрец Осьмий откинул со лба длинную белую прядь и усмехнулся.

– Да что они супротив креста, волколаки-то твои?

Васька глянул на грудь Осьмий, туда, где под полотняной рубахой болтался медный крестик.

– И что, этот крест от нечисти лесной защитит? – недоверчиво спросил он.

Осьмий ответил:

– Конечно.

Некоторое время Васька ехал молча, потом вновь обратился к старику.

– Слушай, Осьмий, – начал он вкрадчивым, мягким голосом, – а где бы мне такую крестовину раздобыть?

Старик отвечал спокойно и невозмутимо:

– Для того чтобы крест носить, крещение святое нужно принять.

– Это как? – не понял Васька.

– В купели водяной. Или в реке.

«Всего-то?» – подумал Васька. И взволнованно попросил:

– Сделай так со мной.

Старик нахмурил седые брови и отрицательно качнул головой:

– Нет.

– Почему?

– Недостоин ты еще. Истину заслужить нужно. А у тебя душа дырявая и в башке ветер. Поди прочь.

Васька рассердился и хотел сказать грубое слово, но вовремя остановился.

– Дяденька Осьмий, не прогоняй, – жалобно попросил он, отведя в сторону блеснувшие лукавством глаза. – Я тоже хорошим быть хочу.

– Будешь, если жадничать и подличать перестанешь.

– Я перестану, – пообещал Васька. – Но пусть твой Бог мне поможет. А я тоже веровать в него стану. Как ты.

Васька видел, что лицо Осьмий осталось хмурым и отчужденным, и попробовал зайти с другого бока.

– Дядя Осьмий, скажи мне, за что ты Иисуса полюбил?

Некоторое время старик ехал молча, пожевывая седой ус, потом сказал:

– Иисус первым учил, что человек для любви, а не для злобы и дежажничества шкурного создан. Он учил, что от мести и гнева человеку никакого проку. И покуда собачиться меж собою будем, ничего хорошего из нас не выйдет.

– Верные слова! – поразился Васька. – Слышь, Осьмий, третьего дня Овсяник у меня денежку украл. Я ему хотел по тылке надавать, но пожалел. А он расплакался и сам мне денежку ту принес. Да еще одну сверху дал. Выходит, добрые слова сильнее сильной руки, так?

Осьмий пристально взгляделся в невинные глаза Васьки и вдруг рассмеялся.

– Здоров же ты брехать, Васька Оляха!

«Не вышло, – с досадой подумал Васька Оляха. – Ладно, подмажусь как-нибудь иначе».

Чем дальше путешественники ехали по темному, неприветливому лесу, тем серьезнее становилось лицо Васьки и тем труднее были вопросы, приходившие ему в голову.

Наконец Васька, сам от себя не ожидая, задал старику Осьмию самый главный вопрос, тот вопрос, который мучил его всю его сознательную жизнь.

– Дяденька Осьмий, а отчего все мои беды?

– Ты правда хочешь это знать или опять куражишься? – прищурился старик.

– Правда хочу.

– Что ж, тогда отвечу. Ты одержим своими хотениями. Не откажешься от них, ничего не получишь, кроме пинков и тумаков. А откажешься – мудрость обретишь и все невзгоды станут тебе нипочем.

– Так же, как тебе? – уточнил Васька.

Осьмий усмехнулся и кивнул:

– Так же, как мне.

– Гм... – Васька сдвинул брови. – Ты говорил, что человек для любви создан. А что делать безродному горемыке, когда его никто не любит?

– Ты это про себя говоришь, что ли?

– Про себя, дядя Осьмий.

– Я так и понял. А что ты сделал, чтобы тебя любили-то? Сам ты кого полюбил?

Васька сердито шмыгнул носом.

– А за что мне их любить?

– А им тебя за что? – спросил в ответ Осьмий. – За то, что ты такой хороший? А откуда им знать, что ты хороший, когда ты подличаешь да воруеть?

– И правда, – выдохнул Васька, пораженный столь простой истиной. – А я о том и не думал.

– То-то и оно, что не думал, – улыбнулся старик. – Люди слова доброго страждут, а получают одно только насилие. А насилием мил не будешь. Знаешь, как Иисус сказал? «Ежели меня по правой щеке ударят, я им левую поставлю». Вот!

– А как же с нечистью воевать, если насильничать нельзя?

– Надеющийся на Господа не имеет надобности в копьях да мечах, – невозмутимо ответил Осьмий. – Тот, у кого есть вера, может гору поднять и в другое место переставить. Одной только верой.

Какое-то время ехали молча. Осьмий все поглядывал на задумчивого Ваську. А потом не выдержал и заговорил первым:

– Ты Богу дорог, понимаешь? Именно ты, Васька Оляха, балбес и пройдоха. Бог – твой любящий отец. А раз он отец всем нам, то вот и получается, что все мы – братья.

– И ты мне брат? – спросил Васька.

– Да.

– И поручик княжий Путята?

– И он тоже.

– И Бекет газарский?

– И он.

– Чего же он тогда сгубить меня хотел?

– Потому что слеп. И никто глаза ему не открыл. В вере человек освобождается от греха, открывается навстречу другим людям, а не сидит в своей конуре на мешке с добром, будто Кашей зловонный.

– Нешто плохо быть богатым? – усомнился Васька Оляха.

– Богатство – враг души человеческой, – сказал на это Осьмий. – Оно питает шкурность, подчиняет душу временному, делает человека глухим к голосу Бога и нуждам людей. Потому-то богатому так трудно войти в Царство Небесное.

Васька некоторое время ехал молча, обдумывая слова старика. Потом вздохнул и

сказал:

– Тяжелая у тебя вера, Осьмий.

– А истинная вера всегда тяжела, – с улыбкой ответил Осьмий. – Бог требует от человека усилий. Лежучи на печи и уплетая калачи, истину не добудешь.

Васька чуток подумал над словами старика, после чего нахмурился и проговорил:

– Ты сказал, чтобы я от греха освободился. А как же я от него освобожусь, ежели он в нутре моем, как клещ, сидит?

Осьмий улыбнулся – спокойно и открыто.

– А ты доверяй Богу, и он освободит тебя от суетности муравьиной и озабоченности клоповьей. Открой душу навстречу ветру и свету. Продуй затхлость в душе своей. В затхлости этой бесы гнездятся, как вши в колтуне.

– Это они внутри меня сидят? – ужаснулся Васька Оляха.

– Сидят да посмеиваются.

Васька шмыгнул носом.

– Дяденька Осьмий, – жалобно произнес он, – прошу тебя, как отца названного: посвяти меня в свою веру. Повесь мне на шею крестовину заговоренную. Очень уж мне страшно. Не могу я их видеть, упырей и оборотней этих.

Старик улыбнулся и мягко проговорил:

– Думаешь, тебе медный крестик поможет?

– Конечно, поможет! Тебе ведь помогает. Подари мне крестовину, дядя Осьмий. Я тебе по гроб жизни благодарен буду!

На переносице старика прорезалась строгая поперечная морщинка.

– Говорю тебе: не в кресте дело, – терпеливо сказал он. – Крест – всего лишь символ. Символ победы жизни над смертью. Вера чудеса творит. Вера, а не вещь земная!

– А ты дай мне для начала крестовину, а верить я потом научусь. Честное слово, научусь!

Осьмий вздохнул.

– Замучил ты меня совсем, отрок. Ну, хорошо. Дам я тебе крест. Но сперва окрещу водой. Гнать бы тебя, дурака, в шею, но возьму грех на душу.

– А когда крестишь-то? – нетерпеливо спросил Васька.

– Когда привал устроим.

– Спасибо, дяденька Осьмий! Век за тебя богов молить буду! – Васька довольно рассмеялся и прищипорил свою пегую лошаденку. – Но, пошла!

2

Вскоре остановились на привал. Спешившись, Громол объявил:

– Надобно собрать дров для костра. Кто вызовется?

Васька быстро отвернулся, чтобы не встретиться глазами с охотником. Но вместо охотника наткнулся на жесткий, испытующий взгляд старика Осьмий.

«Ну? – говорил этот взгляд. – Покажи, достоин ли ты любви людской и Божией!»

Делать нечего. Васька повернулся к охотнику, встал с бревна, на которое уже успел приземлиться, и уныло проговорил:

– Я пойду.

Громол покачал головой:

– Нет, ты лучше оставайся. Путята, может, ты?

– А чего тебе самому не сходить? – прищурил недобрые глаза княжий поручик.

– Хочу вперед пройти – поразведать, что и как.

– Может, по пути и дровишек насобираешь?

Громол нахмурился:

– Могу, но это будет слишком долго.

– Ладно вам ссориться, – примирительно вмешался Васька. – Говорю же, я пойду. А ты,

Громол, во мне не сомневайся. Я в Гиблое место три раза добытчиком ходил. И один раз в одиночку от самой Гиблой чащобы возвращался. Уж дров-то как-нибудь насобираю.

Васька вздохнул и повернулся к лесу.

– погоди, – окликнул его Глеб. – Вот возьми-ка!

Он протянул парню золотистый шарик.

– А чего это? – подозрительно спросил Васька.

– Как называется, не знаю. Но против оборотней и волколаков сработает. Только надо на пимпочку вот эту нажать.

– Вот на эту?

Глеб кивнул:

– Угу. Хочешь, с тобой пойду?

Васька насупился и покачал головой:

– Не надо. Сам справлюсь.

– Веревку возьми, – посоветовал Громол. – Легче будет дрова нести. И слишком много не собирай, мы не надолго.

– Ладно.

Васька порывлся в котомке и выудил моток пеньковой веревки. Закинул веревку на плечо, поправил на поясе ножны с заговоренным мечом, повернулся и бодро зашагал к лесу.

В лесу было сумеречно и страшно. Оказавшись один на один с черной грядой деревьев, Васька мигом вспотел. Сразу захотелось плюнуть на все и дать деру. Но честь и репутация добытчика были дороже. Да и потом – какими глазами на него посмотрит Осьмий?

«Дурак ты, – скажет, – Васька Оляха. Дурак и трус, и уши у тебя холодные».

Пожалуй, и покрестить откажется. А без медного крестика на шее Васька уже не видел для себя счастливой жизни. Осьмий бы небось не испугался. Что ему черный лес, когда с ним его Бог!

Как он там говорил? «Да что они супротив креста, волколаки-то твои!» Эх, сейчас бы крестик...

Васька вздохнул и двинулся дальше. Валежника здесь было мало, однако попадался. Васька принялся выбирать ветки посуше и складывать их в кучу, чтобы потом перетянуть веревкой и отнести к костровищу.

Куча росла быстро, и вскоре Васька решил, что дров достаточно. Он стянул их веревкой, закинул вязанку на плечи и бойко зашагал к лагерю, радуясь тому, что все так благополучно закончилось.

«Приду, скажу – нате ваши дрова! Если мало, еще могу принести! – мечтал Васька. – Осьмий-то небось улыбнется. Скажет: молодец ты, отрок, не ошибся я в тебе. Идем к реке, крестить тебя буду! Кого еще крестить, ежели не такого храброго молодца!»

Васька улыбнулся своим мыслям, но вдруг остановился как вкопанный. Два огромных волколака, бесшумно выскользнув из-за деревьев, отрезали ему пути к отступлению.

– Волколаки... – сдавленно пробормотал Васька и сглотнул слюну.

Он огляделся. Можно попробовать забраться на дерево, но Васька слышал от Жгута, что эти твари лазают по деревьям не хуже людей.

Волколаки, пригнув черные человеческие головы, медленно наступали.

– Не подходите! – дрогнувшим голосом проговорил Васька, пятясь назад.

И вдруг в ушах у него зазвенел голос старца Осьмия.

Христианская вера делает человека бесстрашным. Надеющийся на Господа не имеет надобности в копьях да мечах. Тот, у кого есть вера, может гору поднять и в другое место переставить. Одной токмо верой.

Может, попробовать?

Васька остановился и сбросил с плеча вязанку дров. А потом выпрямился, сложил руки на груди лодочкой, как это делал Осьмий, когда молился своему Богу Иисусу, и забормотал:

– Дяденька Господь Иисус! Мне жаль, что люди прибили Тебя к деревянному кресту. Но я Тебя не прибывал. Если бы я был рядом, я бы не позволил им Тебя мучить. Я бы Тебе помог. Помоги и Ты мне!

Бог от любой напасти тебя убережет. Нужно только в это верить. Верить!

– Верить, – тихо пробормотал Васька. – Надо поверить.

Он набрал полную грудь воздуха и закрыл глаза. Прислушиваясь к похрусту валежника под лапами приближающихся волколаков, Васька забормотал:

– Господь Иисус, вот – я больше не пугаюсь и отдаюсь целиком в твои руки. Делай со мной все, что считаешь нужным. Я плохой человек, но я хочу быть хорошим. Помоги мне, Господь Иисус!

Рычание волколаков слышалось все ближе. Они бы давно напали, но поведение Васьки сбilo их с толку и заставило насторожиться. Вместо того чтобы сразу разорвать Ваську, они стали обходить его, настороженно поглядывая по сторонам и нюхая носами воздух.

И вдруг один из волколаков громко взвизгнул. Васька открыл глаза и попятился, но тут же остановился, с изумлением глядя на то, как охотник Громол, непонятно откуда появившись, короткими, точными ударами добивает волколака.

Второй волколак, судя по всему, убежал в лес. Прикончив зверя, Громол выпрямился и хрипло выдохнул:

– Почему шар не достал, какой тебе Глеб дал?

– Я... – Васька сглотнул слюну. – Я позабыл.

– «Позабыл». – Громол отер кинжал о шкуру дохлого волколака и сунул его в ножны. – И меч из ножен не вынул, – строго сказал он Ваське. – Как ты раньше в Гиблое место ходил, ума не приложу. Не случись меня рядом, лежать бы тебе сейчас с откушенной головой.

Васька улыбнулся.

– Благодарю тебя, Громол! – громко поблагодарил он. Затем задрал голову кверху и добавил, чуть повысив голос: – И тебя благодарю, Бог Иисус! Благодарю за то, что не оставил в беде и послал мне на подмогу Громола!

Охотник взглянул на Ваську с удивлением. Затем качнул головой и тихонько проговорил:

– Нда...

Васька хихикнул. Черный лес его больше не пугал, потому что отныне с ним был всемогущий и всевидящий Бог старца Осьмия, жалостливый Бог, который любит Ваську и никому не даст его в обиду.

3

Волколак был рослый, матерый, с затянувшимся шрамом на скуле. Если бы не грубая кожа да не острые клыки, торчащие из приоткрытой пасти, можно было подумать, что это красивая девка, которая забавы ради нацепила на себя звериную шкуру, начернила себе лицо и улеглась под дерево.

Громол ушел на разведку, а Васька, присев на землю и положив рядом с собой золотистый шар, заново перевязывал рассыпавшиеся дрова.

Завидев приближающегося Глеба, он кивнул и выпрямился. Глеб остановился рядом с Васькой. Постоял рядом, поглядел на волколака. Потом сказал:

– Никак не могу привыкнуть к тому, что эти твари так похожи на людей.

– Похожи, да не очень, – отозвался Васька веселым голосом.

Он поддел носком ичиги морду чудовища и слегка повернул ее, чтобы получше разглядеть. Вдруг волколак, до сих пор смирно лежавший на земле, дернул окровавленной башкой и вцепился зубами Ваське в ичигу.

Васька, тихо вскрикнув, отпрыгнул в сторону, а Глеб выхватил из ножен меч,

перехватил рукоять обеими руками и с размаху рубанул волколака по голове.

Волколак дернулся и замер.

Глеб выдернул лезвие меча из разрубленной головы чудовища и, хрипло дыша, отошел в сторону.

Васька опустился на траву, обхватил ногу и запричитал:

– Матушки лесные, духи полевые, не дайте помереть молодцу во цвете лет!

– Тише, не блажи, – осадил его Глеб. Он воткнул меч в землю, затем присел рядом с Васькой и помог ему снять сапог. Осмотрел ссадину и усмехнулся. – Рана несерьезная. Простая царапина.

– Легко тебе говорить – нога-то не твоя! – обиженно сказал Васька. Он страдальчески закатил глаза и жалобно проговорил: – Господь Иисус, я просил уберечь меня от смерти, а ты!

Глеб удивленно на него посмотрел.

– Ты говорил с Богом?

Васька шмыгнул носом и кивнул:

– Да.

– И просил его отвести смерть?

– Да.

– А про ногу сказал?

Васька озабоченно сдвинул брови:

– Чего?

– Про ногу, говорю, сказал?

Васька, обалдело глядя на Глеба, покачал головой:

– Нет.

– Вот поэтому эта дрянь тебя и куснула. В следующий раз, когда будешь говорить с Богом, не забудь его попросить, чтобы уберек твою ногу от волчьих клыков.

– Вот оно что! – пробормотал Васька. – Хорошо, что ты сказал. Я бы не догадался.

– Не за что. И за руку попроси. И за уши. И обязательно за задницу, не то оттяпают.

Глеб сорвал травинку, сунул ее в зубы и, ухмыляясь, пошел прочь.

Васька поспешно натянул обувку, подхватил с земли вязанку дров и поспешил за Глебом.

У костра возбужденный приключением и обновленный верой Васька нарвался на конфликт с поручиком Путяттой.

– Хватит мелькать перед глазами! – рывкнул на Ваську тот, сидя у костра и перематывая обмотку на своих огромных ступнях. – Будешь под ногами путаться, дам пинка!

Еще час назад Васька бы стушевался и забормотал извинения, но сейчас он был уже не тот, что прежде, а потому гордо выпятил грудь и хаманул:

– Дать-то дашь, но гляди ногу не поломай!

Путятта изумленно уставился на Ваську и рыкнул:

– Ах ты, щенок...

Он замахнулся, чтобы дать парню подзатыльник, но Васька, вместо того чтобы сжаться, гордо поднял голову и дерзко взглянул князьему поручику в глаза:

– Попробуй только ударь! Ночью подкрадусь и камнем зашибу!

Путятта прищурил глаза и усмехнулся:

– Не боишься, значит?

– Не боюсь.

– С чего бы это?

– А с того, что я теперь христианин, – дерзко ответил Васька. – А христианин никого не боится. Даже духа болотного, не то что тебя, бедолагу.

Широкие брови Путятты сошлись на широкой переносице.

– Это ты меня бедолагой называешь? – уточнил он.

Васька усмехнулся:

– Ну, не себя же. Я-то ведь больше не бедолага. Ты по миру идешь одинок, несчастлив и суетлив. А со мною – Бог. А значит, я сильнее тебя. Даже если ты меня убивать станешь, я тебе в лицо улыбнусь, как сильный слабому улыбается. И улыбка моя, даже когда умру, в душу тебе упадет и всю ее перевернет, перепашет. И выйдет, что я все равно сильнее тебя.

Путята обдумал слова Васьки и, хмыкнув, поинтересовался:

– И как твой Бог велит тебе жить?

– В любви, – ответил Васька, искоса поглядывая на Осьмия, который сидел в стороне, повернувшись к костру боком и закрыв глаза. (Молился, наверно.) – Кто не любит, тот не познал Бога! – сказал Васька. – А я теперь любить хочу. Живешь ты, дядька Путята, в шкуре своей, как крот в норе, и того не знаешь, что все, что нужно человеку для счастья, это любовь. Жалкий ты. Ладно, пойду к реке, умоюсь.

Васька повернулся и зашагал к реке.

Путята проводил его хмурым взглядом и пробормотал:

– Все, что ему нужно, это любовь. Слыхали, ребята? Это его старик Осьмий с панталыку сбил. Ничего, жизнь щенка научит.

4

Айсарана вышла из реки голая, ослепительно красивая. На фоне потемневшего неба ее тонкая фигурка казалась вырезанной из дерева или высеченной из камня.

Васька не таился. Завидев его, девушка не испугалась. Она спокойно обтерлась сухим мхом и неторопливо оделась. Васька стоял, переминаясь с ноги на ноги, но не мог ни уйти, ни отвести взгляд. Наконец он тихо проговорил:

– Айсарана.

– Чего тебе? – откликнулась девушка.

– Можно я с тобой рядом постою?

– Ты и так стоишь.

– Но я хочу с тобой говорить.

– Ты и так говоришь.

Она откинула влажные русые волосы и перевязала их ленточкой. Сердце Васьки разрывалось от нахлынувшего чувства.

– Знаешь, Айсарана, – снова тихо заговорил он, – мне кажется, что я могу тебя полюбить.

– Ты? Меня?

Васька кивнул:

– Угу. Ты красивая. Когда ты улыбаешься, Айсарана, у меня внутри будто кто свечу зажигает.

Девушка усмехнулась:

– Смотри, как бы эта свеча кишки тебе не подпалила.

Оправив одежду, она повернулась и хотела идти. Васька не удержался и схватил ее за руку.

– Стой, Айсарана! Я буду тебя любить. Я так решил.

– Пусти руку!

Васька разжал пальцы.

– А ты, Айсарана? – хрипло спросил он. – Ты сможешь меня полюбить?

Она посмотрела ему в лицо, усмехнулась и покачала головой:

– Нет.

– Почему?

– Я Глеба люблю. Видишь, я сейчас мылась? Это для него. Мы будем спать под одним одеялом!

– Значит, ты его любишь? – грустно проговорил Васька.

– Люблю.

– И сильно любишь?

– Сильно.

Васька Ольха поднял взгляд, остро взглянул на Айсарану.

– Тебе кажется, что ты его любишь, потому что Глеб помог тебе убежать, – угрюмо и горестно произнес он. – Если бы вспять все обернуть, я бы сам тебя снял. Один.

Айсарана усмехнулась:

– Но не снял же.

– Не снял, – признал Васька. – А если бы снял... могла бы ты меня такого полюбить?

Айсарана пристальнее взглянула на Ваську Ольху. Он был невысок, но ладен и широкоплеч. Лицо у парня было открытое, а волосы густые, будто у девушки, только нечесанные и нестриженные. И неожиданно для себя Айсарана сказала:

– Могла бы.

– Я сделаю так, что ты меня полюбишь, – убежденно проговорил Васька.

Он повернулся и зашагал в лес. Айсарана удивилась и хотела Ваську окликнуть, но не окликнула, а только посмотрела ему вслед долгим, задумчивым взглядом.

«Волколачиха все еще лежит в лесу, – думал Васька, хмуря брови и упорно шагая по сыроватому валежнику. – Лучшего приворотного зелья, чем кусок волколачьего вымени, в мире нет. Съешь его – и в любовных делах тебе не будет равных. Так Жгут говорил!»

Васька Ольха углубился в лес. Здесь было по-сумеречному темно и жутко. Где-то в отдалении звучали людские голоса. Ратники у костра нарезали мясо.

При мысли о еде в желудке у Васьки заурчало. Но внезапный приступ голода быстро отступил, когда он снова подумал об Айсаране. Любовь – вот что ему нужно! Больше его жизнь не будет никчемной. Он не будет тыкаться по углам, как слепой кутенок, в надежде набрести на что-то, отчего ему легче и радостней станет жить. Он прозреет!

Господи Иисусе, ему так нужна забота. И ему самому так нужно заботиться о ком-нибудь! Пусть это будет Айсарана! Когда она полюбит его, он прижмет ее к груди, погладит по волосам и тихо скажет:

– Больше никого не бойся. Я рядом с тобой.

Валежник мягко похрустывал под ногами. Васька все дальше отходил от привала. А вот и труп волколака. Лежит под большим дубом – черный, неподвижный. Когда Васька подходил к волколаку, ему показалось, что от трупа в стороны метнулись черные тени.

Но Васька был слишком сильно озабочен своими мыслями, чтобы обратить на них внимание. Вера и жажда любви придали ему отваги, наполнили его сердце почти безумным бесстрашием.

Остановившись перед дохлым волколаком, Васька присел на корточки и с замиранием сердца взглянул чудовищу под брюхо. Самка! Васька чуть не рассмеялся от радости, и только сознание того, как жутко прозвучит смех в ночном лесу, остановило его.

И Васька больше не церемонился. Он выхватил из ножен клинок и решительно воткнул его в нежное вымя мертвой волчицы...

Услышав за спиной шорох, Васька быстро обернулся. Ужас сковал его, а волосы на Васькиной голове шевельнулись и встали дыбом, когда он увидел, что его со всех сторон окружили упыри.

Один из упырей завис прямо над Васькой. Выглядел он в сто раз страшнее мертвого Жгута. Мясо на морде упыря кое-где отвалилось, обнажив желтую, гладкую черепную кость. Один глаз вывалился из головы и прилип к щеке. От упыря несло таким смрадом, что даже Ваське, при всей его нечувствительности к воням, стало тошно.

– Упырь... – прошептал Васька.

– Ш-ш-ш... – тихо зашипел живой мертвец.

Труп волколака дернулся и заходил ходуном. Васька увидел, что упырь-ребенок набросился на труп и стал с чавканьем пожирать его. Видимо, кровь волколака еще не успела

остыть, а мясо не окоченело.

К мальчишке присоединились еще два упыря. Свирепо поглядывая на Ваську, они стали рвать волколака острыми зубами.

Бог от любой напасти тебя убережет. Нужно только в это верить. Верить!

Васька поднял правую руку и твердо проговорил:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа, заклинаю тебя – прочь, демон!

Васька попятился и уткнулся спиной в широкий ствол дуба. Из леса вышли новые упыри. Три... Потом еще четыре... Скаля желтые зубы, они окружили его.

Васька задрожал от ужаса и обмочился.

– Мамочка, – прошептал он и закрыл лицо ладонями. – Ты зачем меня, матушка, несчастного, родила? Завернула бы меня в льняную тряпочку да бросила бы камешком в синее море. Лежал бы я на дне, не ездил бы в дальние страны, не побирал бы копеечку, не боялся врага лютого. Обереги меня, матушка, окутай своим саваном, прикрой от напастей.

Лицо и руки обдало зловонным холодом. Над ухом щелкнули зубы. Васька распахнул глаза и открыл рот от изумления. Снова Бог Иисус помог ему!

Посреди толпы упырей Васька увидел худую фигуру старца Осьмия.

– Эй, упыри! – громко позвал Осьмий. – А ну – гляньте на меня!

Он подмигнул Ваське и прошептал одними губами: «Беги!»

Одноглазый упырь резко повернулся и двинулся на Осьмия. Мудрец выставил перед собой медный крест.

– Давай-давай, подходи! И вы подходите! – крикнул он другим упырям. – У меня есть чем вас попотчевать!

Васька потихоньку поднялся на ноги и осторожно двинулся к берегу реки. Упыри его не замечали, их пылающие взгляды были прикованы к Осьмию.

Васька отошел еще на несколько шагов и вдруг рванул с места. Он несся к реке с быстротою ветра, перепрыгивая через канавы, буераки и мелкие кусты.

Осьмий проводил его взглядом и снова взглянул на одноглазого упыря. Тот выставил перед собой руки и, клацая зубами, стал быстро надвигаться на Осьмия.

Старец качнул перед лицом медным крестиком и громко проговорил:

– Прочь от меня, бесово отродье! Да не пересекутся пути мертвого и живого! Прочь, лукавый! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа – прочь!

Упырь остановился и задрожал, будто его внезапно пробрал адский мороз.

– Ага, бесово отродье! – ликующе проговорил Осьмий. – Ужо тебе!

И вдруг в горле у Осьмия пересохло, а улыбка медленно сползла с его старческих губ. Упырь не трясся, он просто смеялся. Смеялся над ничтожным стариком и его никчемной верой!

– Нет... – хрипло прошептал Осьмий, и в этот момент упыри бросились на него со всех сторон.

«Усомнился! – пронеслось в голове у старца. – Господи, прости!»

Упыри повалили Осьмия на траву и вонзили клыки в его тело.

5

Васька побежал к костру и заорал:

– Осьмия упыри сожрали! Надо бежать!

Он рванул было к лесу, но Громол схватил его за руку и резко дернул на себя. Васька потерял равновесие и шлепнулся на задницу.

– Ты чего, дядя Громол? – крикнул он, изумленно и взволнованно таращась на охотника. – Надо бежать! Надо спасти его!

– Если все так, как ты говоришь, спасти там уже некого, – сказал Громол.

Васька перевел взгляд на Глеба.

– Глеб! – Потом на княжьего поручика: – Дядя Путята!

Мужчины отвели глаза.

– Думаю, они его уже убили, – сдавленно проговорил Глеб.

– Да вы... Вы... – от изумления Васька не мог произнести ни слова.

– Мы не сможем ему помочь, – сказал охотник Громол. – А в лес теперь лучше не соваться. Садись к костру и выпей отвару.

Васька вскочил на ноги и выхватил из ножен кинжал-скрамасакс.

– Ежель вы не пойдете, я сам пойду! И никто мне не указ! Труссы!

Он повернулся и хотел бежать, но Громол преградил ему дорогу.

– Сядь к костру, – сухо велел он, глядя Ваське в глаза.

Васька набычил голову и прорычал:

– Уйди, Громол. Уйди, а то покалечу.

Громол не двинулся с места. Тогда Васька вскинул скрамасакс и бросился на охотника. Громол шагнул в сторону, легко перехватил руку Васьки и резко ее вывернул. Васька вскрикнул. Длинный кинжал выпал из его пальцев, но до земли не долетел – охотник ловко подхватил его и перебросил Путяте.

Васька ткнулся носом в ворох мха и зарыдал.

Княжий поручик Путята шагнул к Громоу и сказал:

– Эй, охотник, скоро стемнеет. Упыри могут напасть на нас ночью.

– Могут, – согласился Громол. – Но темные злыдни боятся огня. Дальше до утра не двинемся. Обложим привал кострами. Покамест полыхают костры, они не подойдут. – Громол взглянул на сидящих у костра молчаливых охоронцев. – Пускай твои ратники почивают по очереди и поддерживают огонь в кострах.

– Верно, – согласился Путята. Он посмотрел на плачущего Ваську и вздохнул: – Жалко старика. Эй, малой! – окликнул он Ваську. – Чего тебя в лес-то понесло?

– Не твое дело, – огрызнулся, размазывая слезы по щекам, Васька.

Айсарана подошла к Ваське, селя рядом на корточки. Посмотрела на его вздрагивающие плечи, протянула тонкую руку и погладила парня по кудлатым волосам.

– Не плачь, – сказала она. – Я с тобой спать буду.

Васька хлюпнул носом, вскинул голову и недоверчиво посмотрел на Айсарану.

– Чего это?

Брови девушки дрогнули.

– Ты жалкий, – сказала она. – Я тебя любить буду. Чтобы ты не плакал.

Васька блеснул глазами и угрюмо проговорил:

– Не нужна мне твоя жалость! И любовь твоя не нужна! Это из-за тебя Осьмия упыри разорвали! Уйди прочь!

Айсарана покачала головой:

– Нет, не уйду. Плохо тебе. От горя пустые слова говоришь. И на Айсарану поэтому злишься. Это пройдет. Иди ко мне.

Она пододвинулась поближе, обхватила голову Васьки теплыми ладонями и прижала ее к своей груди. Васька невольно вдохнул запах, исходящий от ее тела. От Айсараны пахло луговыми травами и речной водой.

Рядом присел и Глеб.

– Васька, – тихо позвал он, – Осьмий был христианин. А для христианина смерть – это не горе, а радость.

Васька отнял лицо от груди Айсараны и недоверчиво уставился на Глеба.

– Как это?

– Помнишь, Осьмий тебе говорил, что душа христианина в теле томится?

– Ну.

– Теперь уже не томится. Как только Осьмий умер, душа его вылетела из тела и к звездам устремилась.

Васька посмотрел на небо, перевел взгляд на Глеба и не совсем уверенно проговорил:

– Верно.

– Конечно, верно! А значит, и плакать по нему не надо. Может, он сейчас летает над тобой да посмеивается. И думает: «Ох, и дурень же этот Васька Оляха. Я его учил, как стать свободным, а он снова башку в хомут сует!»

Васька вытер нос и уточнил:

– Он теперь к звездам полетит?

– Может быть, – кивнул Глеб. – А может быть, рядом с тобой будет. Чтобы от злыдней лесных тебя оберегать. А уж потом, когда удостоверится, что с тобой ничего страшного не случилось, к звездам полетит. Ему ведь не к спеху.

Васька повел плечами и поглядел вокруг.

– Осьмий, – тихо позвал он.

Порыв ветра прошуршал по траве, качнул ветви деревьев, оваял лица лесной прохладой. Васька улыбнулся и отер ладонью мокрый нос.

– Вот видишь, – сказал ему Глеб. – Осьмий рядом с тобой. Так что вытри слезы и гляди на жизнь бодрей.

Глеб выпрямился и отошел в сторону. Достал сигарету и закурил. Айсарана тоже на время оставила Ваську и подошла к Глебу.

– Прости, Глеб, – сказала она. – Я теперь Ваську любить буду. Я ему нужна.

Сердце Глеба сжалось от тоски. До этого мгновения он не любил Айсарану и не чувствовал к ней особой тяги. Но теперь, когда она от него отрекалась, вдруг с удвоенной силой ощутил, насколько он одинок. Один. Совсем один в этом страшном мире, в этом страшном времени. И надежды вернуться домой нет.

– Ты не обижаешься? – тихо спросила Айсарана.

Глеб глубоко затянулся сигаретой и выдохнул вместе с дымом:

– Нет. Тебе самой решать, кого любить.

Айсарана положила руку ему на плечо и хотела что-то сказать, но тут по лесу пронесся жуткий тоскливый вой. Ратники вскочили на ноги и схватились за мечи.

– Что это? – спросил Глеб испуганно.

– Упырь, – ответил охотник. – Новый упырь.

6

Осьмий лежал под деревом, раскинув объединенные руки. Крови вокруг не было – упыри тщательно слизали ее с земли. Кое-где тело старика было покусано до кости, а кое-где и саму кость безжалостно перемолотили упырью зубы. Кабы не труп волколака, не оставили бы упыри от Осьмий и костей. Но волколак был большой, упитанный. Насытились упыри, потому и Осьмий доедать не стали.

После того как злыдни растворились в ночной мгле, минуло меньше часа. И вот Осьмий шевельнулся. Потом приподнял голову и перевернулся на живот. Вздыхая и поскуливая от боли, Осьмий пополз к труп волколака.

Труп был обглодан, но кое-где на костях остались ошметки мяса и сухожилий, и мудрец стал с жадностью объедать их. По мере пожирания с изорванным телом Осьмий начали происходить перемены. Раны на его теле затягивались, кости срастались.

Вскоре старик обглодал скелет волколака дочиства. Тогда он поднял камень и стал долбить кость волколака. А потом приник к разлому и стал высасывать костный мозг.

Насытившись, Осьмий сумел подняться на ноги. Некоторое время он стоял, покачиваясь, как пьяный. Из-за туч вышла луна, и на земле что-то тускло блеснуло.

Осьмий, рискуя упасть, медленно наклонился и поднял с земли начищенный до блеска медный крестик. Старик долго не мог попасть головой в веревочную петлю и в конце концов оставил эти попытки и сунул крестик в карман изорванной охотничьей куртки.

Затем поднял обезображенное лицо к небу, разомкнул разбитые губы и завыл – громко, тоскливо, протяжно. Завыл, как зверь, вернувшийся в свое логово и заставший переколотых охотником щенят. Или как человек, потерявший разум и чувствующий смутную тоску по

тому, чего уже никогда не вернуть.

Опустив взгляд, старец Осьмий увидел толпу упырей. Впереди стоял одноглазый упырь. Старик попытался что-то проговорить, но из глотки вырвалось только шипение. Он собрал волю в кулак и снова открыл рот.

– Ты... – прохрипел он. – Я...

Одноглазый упырь, стоявший у дерева, склонил голову набок и посмотрел на Осьмий мерцающим во тьме красноватым глазом.

– Мы... – выдохнул Осьмий. Затем поднял руку и пролаял: – Ты! Я! Мы!

– Мы... – повторил одноглазый упырь, неуклюже шевельнув языком.

Осьмий нагнулся к объединенному трупу волколака, оторвал мертвому зверю лапу, размахнулся и швырнул его одноглазому упырю.

– Мы! – рывкнул он.

– Мы! – повторил упырь.

Другие упыри затрясли в такт головами. Их губы приоткрылись, и глуховатые голоса вразнобой забормотали:

– Мы! Мы! Мы!

Одноглазый упырь замолчал и показал пальцем на подрагивающие вдалеке, за стеной деревьев, отблески костра.

– Они... – с ненавистью проговорил он. – Там!

Осьмий взглянул на далекий костер и отрицательно покачал седовласой головой:

– Нет... Потом.

– Потом? – вскинул изъеденные плесенью брови одноглазый упырь.

Осьмий кивнул:

– Да. Они знают... Они готовы... Надо потом.

Упырь обдумал его слова и кивнул:

– Да. Потом.

Речь упырей была неуклюжа и больше напоминала глуховатый лай. Им приходилось прилагать огромные усилия, чтобы вспомнить нужные слова.

– Надо много, – сказал Осьмий.

– Много?

Осьмий кивнул:

– Да. Много... Нас... Надо. – Он ткнул пальцем в грудь одноглазому упырю. – Ты. – Затем перевел палец на себя. – Я. – Затем обвел пальцем угрюмо поглядывающих на него упырей. – Мы. Все. Потом.

Некоторое время Одноглазый морщил гнилой лоб, обдумывая слова Осьмий, затем он взглянул на Осьмий и кивнул.

Полночи Осьмий бродил по темному лесу в толпе упырей. Им удалось наткнуться на несколько звериных трупов и сожрать их. От полусъеденной туши лося упыри отогнали четырех тощих волков.

Ели много, но сытости Осьмий не чувствовал. Ближе к утру он случайно сунул руку в карман и достал из него медный крестик. Поднес крестик к глазам и долго и пристально на него смотрел. С крестиком были связаны какие-то воспоминания – очень важные. Старик мучительно хмурил лоб, но так и не смог ничего вспомнить.

Осьмий снова сунул крестик в карман, и в этот момент кто-то негромко его окликнул.

– Упырь! Эй, упырь!

Осьмий завертел головой, пытаясь определить источник звука. В мокрой траве он увидел странное существо. Это была человеческая голова, но вся в шрамах, рубцах и бугорках, будто сшитая из разных кусков. Из короткого окровавленного отростка шеи, подобно белым паучьим лапам, торчали две длинные руки с ободранными в кровь ногтями.

– Упырь, – снова позвала голова и облизнула губы. – Возьми меня с собой. Тяжко мне одному. Ног нету.

Пальцы странного существа сжали траву и подтянули голову ближе к Осьмию.

Старик склонил голову набок и сдвинул брови.
– Ты... – с трудом выговорил он, – человек...
Голова усмехнулась обескровленными губами.
– Был когда-то. Меня Невзор Беркут на куски изрубил. Руки вон, вишь, приросли. А другого ничего нету. Авдей меня зовут. А тебя как?
– О... – Старик осекся. Наморщил лоб и снова попробовал звук на вкус. – О... сьмий.
– Осьмий, значит! Ну, будем знакомы. Слышь, Осьмий, возьми меня на руки.
Старик нагнулся, поднял говорящую голову с земли и, держа ее за волосы, поднял над собой. Бледные руки, приросшие к голове, молниеносно метнулись к Осьмию и схватили его за шею.
– У меня теперь руки сильные! – проговорила голова. – Попробуешь от меня отделаться, задущу!
Осьмий промышал в ответ что-то невразумительное. Голова быстро переползла через плечо старика и повисла у него на загривке, как горб.
Осьмий закрутился, заскреб пальцами по хребтине, пытаясь сорвать с себя «паука», но пальцы обрубка сильнее сдавили упырю шею. От кожи маленького уродца потянулись к хребту старика подвижные отростки, и этими отростками обрубок стал вбуравливаться, вращая старика в плоть.
Наконец руки маленького уродца разжались, но голова не скатилась со спины Осьмий на землю. Теперь голова, бывшая когда-то Авдеем, торчала из хребта старика и скалила зубы в усмешке.
– Слышь, упырь, я теперь с тобой буду, – хрипло проговорила голова и облизнула синим языком бледные губы. – Куда ты, туда и я. А ты меня не обижай. Меня голод сильно томит. И ты меня хорошенько корми, не то я тебя самого съем.
К Осьмию подошел одноглазый упырь. Наклонился над приросшим к хребту Осьмий обрубком и тщательно его обнюхал.
– Нюхай, нюхай, – усмехнулся обрубок. – Мы со стариком теперь одно. И воняем одинаково.
Обнюхав говорящую голову и не заподозрив подвоха, упырь потерял к ней интерес и, отвернувшись, отошел в сторону.

7

Утром княжий поручик Путята подошел к Громоу и сказал:
– Все, охотник, здесь мы расстанемся. Впереди Гиблая чащоба, и туда нам ходу нет.
Громол кивнул и спросил:
– Что будет, если мы наткнемся на разъезд охоронцев?
– Они сюда не заезжают, – возразил поручик Путята. – А коли заедут, вот вам грамота с княжьей печатью. Покажете им грамоту, и они вас отпустят.
Васька Оляха, услышав эти слова, вспомнил про Жгута и поежился. Они со Жгутом отошли от межи на три версты и вернулись живыми. Ну, то есть Васька вернулся, а Жгут вот не сумел.
Путята взглянул на охотника с любопытством и спросил:
– Ты сам-то в Гиблой чащобе бывал?
Громол покачал головой:
– Нет. Я себе не враг. Гиблое место – земля темных тварей. Людям туда ходу нет.
– Нет, – согласился Путята. – Но вам троим придется пойти. Девку-то с собой возьмете али как?
– Лучше бы, если б ты ее забрал, – ответил охотник. – Так ведь не поедет.
– Эй, голоногая! – окликнул поручик Айсарану. – Пойдешь с Громолом в чащобу или с нами вернешься?
– С Глебом, – ответила Айсарана и схватила Ваську за плечо. – И с Васькой!

– Ну, так тому и быть.

– Коней заберите, – сказал Громол. – Чрез Гиблую чащобу на конях не проедешь.

– Заберем. – Путята помолчал немного, не зная, что еще добавить, после чего вздохнул и проговорил, обращаясь к ратникам: – Собирайтесь, ребята. Пора домой.

На глаза Путяте попался Крысун, сидевший у холодного костровища и с унылым видом оглядывавший свой дырявый башмак. Поручик усмехнулся и сказал:

– Эх, крысья морда, про тебя-то я совсем забыл. Ты-то с кем останешься – с ними или со мной?

Крысун глянул на него маленькими злобными глазками и ответил:

– Я доброходом вызвался. А посему – пойду с ними до самого острова.

– Ну, гляди.

Ратники уже сидели на конях и выжидающе смотрели на своего на́большего. Им не терпелось убраться подальше от этого страшного места.

Путята глянул на Громола и поинтересовался:

– Дальше-то заходил?

– Случалось, – ответил охотник спокойно.

– Стало быть, знаешь, что там?

– Знаю.

– И что?

– В трех верстах отсюда – охотничья избушка.

– Избушка? – Косматые брови поручика удивленно приподнялись. – Чего ж вчера до нее не дошли?

– Избушка ветхая, – объяснил Громол. – Не избушка, а зловонный гриб посреди чащобы. Здесь, на открытом месте, безопаснее.

– Ясно.

Путята подошел к своему коню и лихо запрыгнул в седло.

– Ну, страннички, бывайте, – прогудел он, беря в руки узду. – Пусть боги вам помогут!

Он повернул коня вспять и тронул его с места. Ратники молча двинули коней за своим предводителем, и вскоре вся кавалькада скрылась за деревьями.

Глава пятая

1

Еще не рассеялась туманная предрассветная дымка, а Громол уже вывел своих спутников к охотничьей избушке. Это был маленький, очень ветхий с виду сруб с крохотным оконцем и низко нависшей над притолокой кособокой стрехой.

– Откуда он здесь? – спросил Глеб, разглядывая потемневшие от времени, поросшие мхом и подернутые плесенью бревна. – Кто его построил?

– Того не ведаю, – ответил Громол, хмуря брови. – Я сам забредал сюда всего два раза. А далее не ступал никогда, – добавил он, глянув на лес. – Идемте внутрь.

Он шагнул к срубу и распахнул дверцу. Глеб, Айсарана и Васька Оляха последовали за ним.

Внутри было темно и сыро. Голые стены, полусгнивший стол да две старенькие кривые лавки – вот и вся обстановка. Однако дверь была крепкая и изнутри запиралась на ржавый железный засов.

– Вижу, охотники здесь не частые гости, – сказал Глеб, оглядевшись и боязливо поежившись.

Громол усмехнулся и ответил:

– Я не знал ни одного, кто бы здесь останавливался.

– Зачем мы здесь? – спросила Айсарана, робко и недоверчиво поглядывая на охотника.

Громол посмотрел на нее открытым, спокойным взглядом и сказал:

– Я пойду вперед. Разведаю, что да как. А вы останетесь в избушке и будете меня тут дожидаться.

– Ты оставляешь нас здесь? – не поверил своим ушам Васька Оляха. – Но холодный сиверко гонит черные мороки! Скоро они обложат все небо!

– Я поспею до того, как мороки скроют солнце, – пообещал Громол. Он повернулся и, не теряя времени даром, двинулся к двери.

У самой двери остановился, будто в нерешительности, и обернулся.

– Крысун, пошли со мной, – позвал он. – Ежели со мной что случится, вернешься и предупредишь прочих.

Глеб выступил вперед и сказал:

– Громол, давай я с тобой пойду!

Орлов действительно лучше чувствовал себя в лесу, чем в этой сырой бревенчатой могиле, где, казалось, сам воздух пропитан запахом смерти.

Громол подумал и отрицательно качнул головой:

– Нет. Ты можешь заплутать в чащобе и не найти дорогу назад. Со мной пойдет Крысун.

Крысун, однако, не выказал никакого желания покидать избу.

– Я? – недовольно и нервно проговорил он. – С какой стати?

– С такой, что я тебе велю, – невозмутимо ответил охотник.

Тонкие губы охоронца растянулись в усмешке, и он ядовито проговорил:

– Велишь? А ты что за велюн такой?

Вместо ответа Громол положил пальцы на рукоять меча.

– Ладно, ладно, – быстро, пусть и нехотя, согласился Крысун. – Пойду с тобой. Но имей в виду: коли тебя схватят упыри, помогать не стану.

Он вздохнул и шагнул к двери. Громол окинул взглядом лица остающихся и сказал:

– Ежели что, пустите в небо поющую стрелу. Мы услышим и быстро вернемся. Но не стреляйте понапрасну.

Громол вынул из колчана стрелу с костяным полым наконечником, внутри которого сухо постукивал костяной шарик, и протянул ее Глебу.

Тот стушевался и сказал:

– Я не умею стрелять из лука.

– А я умею, – выпалил Васька и схватил стрелу.

Громол кивнул и сказал:

– Когда вернусь, трижды стукну в дверь. После – еще дважды. А потом еще раз. Только тогда открывайте. И еще одно. Ежели мы не оборотимся к вечеру либо к рассвету, переждите в избушке ночь, а утром возвращайтесь к меже по своим же следам. Привал устраивайте только на открытых местах, где много солнца. Все поняли?

– Все, – кивнул за всех Глеб.

Громол раскрыл болтающуюся на плече котомку, достал из нее глиняную бутылочку и протянул ее Глебу.

– Что это? – спросил тот.

– Настой корня золотника, – объяснил охотник. – Выпейте по глотку, и укус оборотня не будет вам страшен.

– Оборотни не смогут нас убить? – с надеждой в голосе спросил Глеб.

– Убить смогут, – возразил Громол. – Оборотить в нечисть – нет.

Глеб усмехнулся:

– Слабое утешение. – Он открыл пробку, взболтнул бутылочку и удивленно проговорил: – Да ведь тут всего два глотка. У тебя есть еще?

– Нет, – качнул головой охотник. – Золотник редок и дорог.

Глеб отпил глоточек и протянул бутылочку Ваське Оляхе.

- Я не буду, – заявил тот.
- Почему? – удивился Глеб.
- Меня Иисус обережет!

Глеб криво усмехнулся и протянул бутылочку Айсаране. Девушка отшатнулась и сказала:

- Мне зелье корневое пить невозможно. Меня опосля обсыпает, и в горле перехватывает.
- Аллергия, что ли? Понятно. – Глеб протянул бутылочку Крысуну. – Тогда глотни ты.
- Еще чего! – скривился бывший охоронец. – Лучше рыскать по лесу вонючим оборотнем, чем сдохнуть навсегда.

– Ну, дело твое.

Глеб запечатал бутылочку и вернул ее Громоу. Тот бросил бутылочку и котомку, взглянул на остающихся и громко сказал:

- Да помогут вам боги, друзья!
- Да помогут тебе боги! – хором откликнулись Глеб, Айсарана и Васька Оляха.

Громол распахнул дверь, выпустил наружу Крысуна, а после вышел сам.

Гиблый лес мало чем отличался от любой другой чащобы. Разве что деревья здесь были чуточку мрачнее, небо в просветах между деревьями – темнее, а земля под ногами – волглой и волнующейся, словно кожа огромного гада.

Громол и Крысун чувствовали спинами холод и неуютство, будто десятки невидимых глаз провожали их лютыми, ненавидящими взглядами. Возможно, что так оно и было.

Охотник ступал на землю осторожно и легко, как лесной зверь. Крысун громко топал и пыхтел позади. Шагать по лесу было нелегко. Под ногами чавкало. Сапог запутывался в высокой траве. По лицу норовили хлестнуть жгучие ветки.

Крысун рад был остановиться и двинуть назад, но Громол упрямо шел вперед. Время от времени он приостанавливался, оглядывал стволы деревьев, всматривался в незримые для Крысуна следы на земле и траве, покачивал головой и хмурил черные брови.

Когда Крысун совсем уж выбился из сил и готов был взмолиться об отдыхе, Громол остановился сам и сделал Крысуну знак – стой! Крысун мгновенно подчинился.

Несколько секунд охотник и бывший охоронец стояли на черной тенистой полянке и внимательно вслушивались в звуки окружающего леса. Наконец Громол чуть повернул голову к Крысуну и тихо сказал:

- Мы здесь не одни.
- Не... одни? – только и смог выговорить в ответ Крысун.

Громол качнул головой:

- Нет. Вокруг нас – лесная нечисть.
- Где?
- Везде, – ответил Громол.

Крысун хотел что-то возразить, но вдруг осекся. Глаза его выкатились из орбит, а тощее лицо дернулось, будто в него плеснули кипятком.

- Громол... – севшим от ужаса голосом пробормотал Крысун.
- Вижу, – тихо отозвался охотник.

То, что Крысун принимал за деревья, было вовсе не деревьями. Со всех сторон их окружали упыри. Ходячие мертвецы были обвешаны и утыканы листьями и ветками так плотно, что их нетрудно было принять за деревья. Выглядело это столь же ужасно, сколь и неправдоподобно. Упыри стояли неподвижно, словно окаменели. Лица их были скрыты листьями, между которыми – там и тут – тускло поблескивали мертвые голодные глаза.

- Чего это? – прошептал Крысун срывающимся голосом. – Зачем это они?
- Укрылись от солнца, чтобы не сгореть, – объяснил охотник.
- Как же они... сообразили? – в изумлении выговорил Крысун. – Кто их научил?
- Нашелся, видать, учитель, – ответил Громол с нервной усмешкой. Он зябко повел плечами и хрипло добавил: – Тут что-то не так.
- Ты про что?

– Они выжидают. Ждут, пока мы первыми начнем драку. Это не похоже на упырей.
– Может, они нас боятся? – с надеждой в голосе предположил Крысун.
Громол покачал головой:
– Нет.
– Тогда почему они не бросаются на нас?
– Есть лишь один способ это выяснить. – Громол с лязгом вытянул из ножен выкованный кузнецом-вещуном меч.
Крысуна прошиб холодный пот, по спине пробежала ледяная волна, а сердце упало куда-то вниз, но он сумел взять себя в руки и тоже вынул из ножен меч-всеруб.
– Да помогут нам боги! – крикнул охотник. – Вперед, Крысун!
И Громол первым бросился на стену мертвецов. Крысун на негнущихся ногах сдвинулся с места, но тут же услышал тихий, непонятный треск и понял, что сейчас произойдет что-то ужасное.
Громол оттолкнул Крысуна в сторону и тут же сам упал на землю и откатился к комелю столетнего дуба. С дерева на то место, где они только что стояли, рухнула сплетенная из палок, переплетенных гибким ивняком, клетка.
– Ловушка! – в ужасе вскрикнул Крысун. – Кто ж их...
Упыри, доселе стоявшие неподвижно, взревели и бросились на Громола и Крысуна. Из-за деревьев послышался гневный окрик, будто невидимый воевода упырей пытался образумить своих ратников, но те уже ничего не слышали и не видели, кроме живого мяса, до которого было всего несколько сажений.
Громол мигом вскочил на ноги.
– Бог Семаргл, крылатый пес Хорса-огнебога, будь с нами! – крикнул он зычно и наотмашь рубанул мечом первого подскочившего к нему упыря.

2

Темно было в охотничьей избушке. Темно и страшно. Пугали осклизлые стены, пугал грязный, затянутый плесенью пол. Но самое главное – запах. Запах тления и смерти – тут он был повсюду, и деваться от него было некуда.
Глеб, Васька Оляха и Айсарана сидели на лавке и смотрели на светлый квадратик окна. Они были втроем в хлипкой избушке, посреди страшного леса, по которому рыскали оборотни и живые мертвецы.
Васька молчал, и губы его слегка подрагивали. Молчала и Айсарана. Взгляд у нее был грустный и потерянный. Глебу вдруг стало жаль девушку. Почти не сознавая, что делает, он принялся утешать ее.
– Ты только не волнуйся, – сказал Глеб нарочито бодрым голосом. – Громол скоро вернется.
Айсарана подняла на Глеба блестящие от слез глаза.
– А если не вернется? – проговорила она тихим голосом. – Что мы будем делать?
– Ну... – Глеб пожал плечами. – Как-нибудь выкрутимся. Дорогу обратно знаем.
Они помолчали.
– Глеб, – тихо позвала Айсарана, – расскажи мне о том месте, откуда ты прибыл.
– Ты хочешь узнать о моем мире? Хорошо. В моем мире есть множество забавных вещей. Там есть египетские пирамиды, поющие фонтаны, мотоциклы «Харлей Дэвидсон»... Там есть Интернет, презервативы со вкусом клубники, яхты, губные гармошки, молекулярная физика... Там есть стихи Бродского, картины Ван Гога, музыка Шопена и Моцарта... Да мало ли чего. Но самое главное – в нашем мире люди живут до старости и не умирают от пустяковых болезней.
– Но они все равно умирают? – тихо спросила Айсарана.
Глеб кивнул:
– Да. Они умирают.

– И отправляются на небеса?

Глеб усмехнулся:

– Ну, это по-разному. Кто-то на небеса, кто-то – в подземное царство Сатаны. А есть такие, которые никуда не отправляются, потому что не верят ни в Бога, ни в дьявола.

Айсарана внимательно посмотрела на него и вдруг спросила:

– Ты такой же?

– Я был таким же, – ответил Глеб. – До того, как попал сюда.

– И теперь ты жалеешь о том, что изменился?

Глеб подумал и ответил честно:

– Не знаю, Айсарана. Раньше я рассчитывал только на себя, и от этого мне жилось спокойнее. А теперь я понимаю, что жизнь – это темный лес. И это меня здорово пугает.

Глеб покосился на светлый квадрат окна, в котором виднелась черная стена деревьев, затем перевел взгляд на девушку и спросил:

– Ну а ты, Айсарана? Ты боишься смерти?

Девушка пожала острыми плечами:

– Не знаю. После смерти я увижусь со своими родителями. И я очень этого хочу. Но...

– Но что?

– Вдруг я их там не найду?

Васька сердито сопнул.

– Болтают, болтают, – проворчал он. – А о чем, сами не ведают.

– А ты ведаешь? – быстро спросила Айсарана.

– А то как же! – заносчиво ответил Васька. – Мне бы только выбраться отсюда, я такую жисть себе устрою, что мама не горюй!

– И на какие же шиши? – насмешливо осведомился Глеб.

– Ты про деньги?

– Про них.

Васька лукаво улыбнулся:

– Я по пути заметил пару местечек, где бурая пыль стелется по земле, аки снег. Наберу с четверть пуда – и самого Баву Прибытка переплюну! Буду жрать мясо каждый день! Да не просто так, а вприкуску с пшеничным хлебом!

Глеб хмыкнул.

– Эх, Васька. Ограниченный ты человек. Тебе бы только пузо посытнее набить.

– А тебе бы только языком потрепать, – сердито отозвался Васька.

Он встал с лавки и направился к двери.

– Куда ты? – окликнул его Глеб.

– Пойду отолю, – не оборачиваясь, ответил Васька.

– Будь осторожнее!

– Буду.

Васька отодвинул засов, открыл дверь и вышел на улицу. И вдруг пулей влетел обратно, быстро прикрыл дверь и задвинул засов.

Глеб и Айсарана испуганно уставились на его спину.

– Ты чего? – спросил Глеб, невольно понижая голос.

Васька обернулся. Взгляд у него был дикий и затравленный. А бескровные губы прошептали:

– Там... там...

– Что там? – поторопил Глеб. – Ну!

Васька не мог произнести ни слова. Глеб подскочил к Ваське, схватил парня за грудки и встряхнул его.

– Что там такое? – почти крикнул он.

– Там упыри! – выговорил наконец Васька. Облизнул пересохшие от ужаса губы и добавил: – Много упырей!

Глеб оттолкнул от себя Ваську, бросился к окну и осторожно выглянул наружу.

Упырей он увидел сразу же. Они, не таясь, стояли перед домом в оцепенелых позах, будто настороженно вслушивались в чьи-то неслышные приказы и пытались их постигнуть.

Вид многих был ужасен. Некоторые истлели до того, что от них остались лишь кости с кусками гнилого мяса да черепа, покрытые редкими длинными волосами.

– Ты зачем меня, матушка, несчастного, родила? – тихонько запричитал Васька Ольга. – Завернула бы меня в льняную тряпочку да бросила бы камешком в синее море. Лежал бы я на дне, не ездил бы в дальние страны, не побирал бы копеечку, не боялся врага лютого. Обереги меня, матушка, окутай своим саваном, прикрой от напастей.

– Помолчи! – сухо приказала ему Айсарана. – После будешь причитать. А сейчас поди к окну и выстрели в небо поющей стрелой. Громол услышит нас и вернется. Где стрела?

Васька растерянно посмотрел на девушку.

– Стрелы нету, – пробормотал он.

– Как нету? – снова подскочил к нему Глеб.

Васька перевел на него испуганный взгляд и хрипло объяснил:

– Я бросил ею в упыря, когда тот погнался за мной.

Айсарана что-то негромко пробормотала на языке лесного люда и одарила Ваську таким взглядом, что он сжался и покраснел.

Глеб снова выглянул в окно.

– Их там не меньше двадцати, – тихо сказал он. – Ежели они вместе навалятся на дверь...

Договорить он не успел. Что-то гроыхнуло по двери, да так сильно, что она едва не слетела с петель. Айсарана вскрикнула. Васька отскочил от двери, споткнулся о лавку и грохнулся на земляной пол. Глеб стоял и смотрел на дверь, ужас парализовал его. В дверь снова стукнулись, но уже не так сильно.

Затем на маленькое оконце упала тень. Глеб на негнущихся ногах подошел к нему и осторожно выглянул наружу. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга – Глеб и рослый одноглазый упырь с изъеденным червями лицом, неуклюже облепленным листьями.

В памяти Глеба выскочил образ – сосед Витька Лемешев лежит на скамейке, греясь на солнышке, а на носу у него красуется зеленый кленовый листок. «Это чтобы нос не обгорел!» – объясняет пацанам Витька.

Глеб сглотнул слюну и попятился. И в ту же секунду одноглазый упырь, рыкнув по-волчьи, сунул руку в окно и схватил Глеба за шею.

3

Мертвые пальцы сдавили горло Глеба. Он вцепился в руку упыря и попытался оторвать ее от себя. Однако хватка у мертвеца была железной.

– Вась... – прохрипел Глеб, багровея.

Васька Ольга стоял, прижавшись спиной к стене, и с ужасом смотрел на руку упыря.

Первой оцепенение сбросила Айсарана. Она выхватила из Васькиных ножен грозный нож-косарь, метнулась к окну и изо всех сил ударила упыря косарем по руке. Брызнула черная кровь, упырь взвыл, но не разжал пальцы.

Айсарана с остервенелым отчаянием принялась бить по темной страшной лапе упыря ножом. Но тут в себя пришел и Васька. Он выхватил из ножен меч-всеруб, шагнул к окну и крикнул:

– Айсарана, отойди!

Дождлся, пока девушка отскочит к стене, и что есть силы рубанул мечом по страшной руке.

Упырь взвыл и отвалился от окна. Глеб упал на пол, черная рука все еще сжимала его горло. Вместе они сумели разжать темные, изъеденные гнилью пальцы.

Высвободив шею, Глеб с отвращением швырнул руку упыря в угол. Грохнувшись на пол, рука заскребла по земле ногтями, сию секунду подползти к перепуганным людям, но

Айсарана схватила с печи кусок рогожи и набросила его на шевелящуюся руку. Та затихла под рогожей, словно внезапно лишилась сил.

– Никогда... – пробормотал Глеб, но закашлялся и схватился руками за покалеченную шею.

«Никогда не думал, что такое может случиться со мной», – хотел сказать он.

В дверь снова ударили, да так, что затряслись ветхие стены избышки.

– Под... – Глеб снова закашлялся, на глазах у него выступили слезы. – Подпорку... – хрипло выговорил он.

На этот раз Васька не медлил. Он подхватил с печной приступки несколько палок и бросился к двери. Там, действуя рукоятью меча, как молотком, он принялся вбивать подпорки в землю, утыкая их другими концами в дубовые шероховатые доски двери.

Глядя на Ваську, Глеб вспомнил кадры из какого-то старого фильма ужасов: несколько молодых людей, спасаясь от зомби, колотящихся в дверь, задвигают дверь тяжелым комодом. К сожалению, ничего похожего на комод в избышке не было.

Васька, подстегнутый испугом, работал как сумасшедший. И вскоре он наколотил у двери целый частокол подпорок. В дверь между тем продолжали стучать. Видимо, упыри вооружились бревном и теперь долбили им в дверь, как тараном. Спасало лишь то, что действия их были неуклюжи и, вероятно, плохо согласованы.

Мозгов у упырей было маловато, а при отсутствии мозгов трудно о чем-то договориться. «И тем не менее они сумели», – сказал сам себе Глеб, горько усмехнувшись.

Внезапно удары прекратились. Видимо, упыри сбились с заданного ритма и теперь в растерянности смотрели на свой таран, забыв, что с ним делать дальше.

За дверью послышались глухие, отрывистые голоса, похожие на хриплый собачий лай.

– Советуются, – прошептал Васька, с ужасом глядя на дверь.

– Упыри не умеют... – заговорила было Айсарана, но осеклась. Слишком очевидным было то, против чего она собиралась возражать.

Васька глянул на Глеба и взволнованно спросил:

– Что мы будем делать, чужестранец?

«Понятия не имею», – хотел ответить Глеб, но удержался от этих слов. Васька и Айсарана – в сущности, совсем еще дети – смотрели на него с тревогой и надеждой, и Глеб вдруг вспомнил, что в отсутствии Громола с Крысуном он в этой компании самый старший.

Глеб попытался взять себя в руки и сказал, поморщиваясь от боли в горле:

– Тут недалеко река... Надо попробовать... прорваться.

– К реке? – растерянно переспросил Васька Ольга.

Глеб кивнул:

– Да. Не думаю, что упыри умеют плавать... Слишком уж они... неуклюжи.

– Но я тоже, – убитым и растерянным голосом пробормотал Васька.

– Чего «тоже»? – не понял Глеб.

– Тоже не умею плавать!

Глеб на секунду задумался, потом махнул рукой и хрипло проговорил:

– Там разберемся. Главное... добраться до реки.

Глеб поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел к лавке. По пути он снова закашлялся и налетел коленом на лавку. Лавка сдвинулась с места и бухнула углом по небольшой деревянной кадке, стоявшей в углу. В кадке что-то мощно бултыхнулось.

Глеб напрягся. На какое-то мгновение ему показалось, что он учуял знакомый запах, но он не поверил своему обонянию. Оглянувшись на Ваську, он спросил:

– Что в кадке?

Васька подошел поближе, принялся.

– Кажись, земляная кровь, – хмуро сказал он.

– Земляная кровь? – Глеб задумчиво наморщил лоб. Внезапно лицо его просветлело. – Господи, да ведь это нефть! Откуда она здесь?

Васька посмотрел на него с сожалением.

– Вижу, чужеземец, ты прибыл к нам из очень дикой страны, – сказал он. – Земляная кровь пробивается на поверхность у речных откосов. Лесные люди боятся ее, а мы используем как лечебное снадобье или в коптилках – вместо свиного жира.

Глеб улыбнулся:

– Я думал, вы дремучие дикари, а вы вполне продвинутые ребята! Теперь командовать парадом буду я! Васек, дай сюда кинжал – попробую открыть кадку.

Васька Оляха и Айсарана переглянулись.

– Зачем тебе? – недоуменно спросил Васька.

– Сделаем факелы, – объяснил Глеб возбужденно. – Они помогут нам пробиться к реке. – Глеб взял кинжал, присел возле кадки и отдал следующий приказ: – Васька, тащи сюда несколько крепких палок. Айсарана, а ты пошарь на печке – может, найдешь крынку или бутылку. Вряд ли, конечно, но кто знает.

Васька стоял в нерешительности, не вполне понимая, что Глеб собирается делать. Глеб глянул на него снизу вверх и иронично проговорил:

– Чего встал, родной? Шевели батонами!

Васька повернулся и шагнул к двери, намереваясь вынуть несколько подпорок. Айсарана двинулась было к печке, но остановилась, глянула на Глеба через плечо и неуверенно проговорила:

– Нужно посоветоваться с богами и послушать, что они скажут.

Глеб оторвал взгляд от кадки, усмехнулся и снисходительно заявил:

– Запомни, Айсарана, если ты разговариваешь с богами – ты верующий. А если боги разговаривают с тобой, ты психически больной. Ищи кувшин и не трать время попусту.

И он продолжил ковырять кинжалом присохшую крышку деревянной кадки.

На все про все у них ушло минут двадцать. По истечении этих двадцати минут на лавке лежали рядом пять готовых факелов. Рядом с ними стояла деревянная баклажка, наполненная нефтью, из которой торчал кусок рогожи.

Пока Глеб мастерил факелы и баклажку с «коктейлем Молотова», упыри еще пару раз принимались долбить тараном по двери. Но каждый раз сбивались с ритма и подолгу не могли сообразить, что делать дальше. Тем не менее дверные петли изрядно расшатались, а скоба засова почти вылетела из дубовой доски.

Время от времени кто-нибудь из упырей пытался забраться в окно, но окно было слишком узким – и заканчивалось все тем, что Васька или Айсарана вышибали гнилую голову упыря из оконных вереек палкой или голоменем меча.

Наконец Глеб отер пот со лба, взглянул на своих бледных спутников и бодро спросил:

– Ну что – готовы станцевать рок-н-ролл?

– Да, – сипло пробормотал Васька.

– Да, – прошелестела Айсарана искусанными в кровь губами.

– Тогда пора. Хватайте факелы, бесстрашные истребители вампиров!

«Бесстрашные истребители вампиров» дрожащими руками подняли с лавки палки, обмотанные рогожей и пропитанные нефтью, и уныло взглянули на Глеба. Вид у обоих был довольно подавленный.

– У нас не получится, – сказал вдруг Васька.

– Может быть, да, – отозвался Глеб. – А может, нет. Я два раза играл в пинбол и три раза – в... А это что-нибудь да значит.

Глеб вынул из кармана зажигалку, откинул металлическую крышку и крутанул колесико. Язычок пламени взвился кверху. Айсарана вскрикнула и отступила назад.

– Не бойся, – дрогнувшим голосом успокоил ее Васька. – Я такое уже видел.

Факелы ярко вспыхнули у них в руках. Глеб взял баклажку, подошел к двери, подождал Айсарану и Ваську, затем ухватился за железный крюк засова и потихоньку сдвинул его в сторону.

– С богом! – выдохнул он и распахнул дверь.

Таран валялся прямо у двери, и Глеб едва не споткнулся об него. Полтора десятка упырей, толпящиеся вокруг одноглазого вожака, разом повернули головы на шум.

– Как только скажу, бегите к реке! – крикнул Ваське и Айсаране Глеб, а сам взял баклагу на изготовку и крутанул колесико зажигалки.

Упыри, дрожа от голода и сверкая налитыми кровью глазами, двинулись на них. Глеб поднес огонек зажигалки к концу тряпицы. Тряпица вспыхнула. Подождав, пока огонь спустится по тряпице к горловине, заткнутой рогожей, Глеб размахнулся и швырнул баклагу в толпу упырей.

Пламя быстро охватило мертвецов, и они заметались по прогалине, словно огромные живые костры. В воздухе завоняло паленым мясом.

– К реке! – скомандовал Глеб и выхватил из ножен меч.

Объятые пламенем мертвецы преградили им дорогу. На помощь им спешили новые.

Глеб, Васька Ольга и Айсарана вступили в бой, разя упырей мечами и пихая в их озлобленные хари пылающие факелы.

4

Когда они выскочили на берег, начал накрапывать дождь. Угасшие и ставшие бесполезными факелы полетели в траву. А Глеб уже рыскал по берегу цепким, быстрым взглядом. На песчаной отмели он увидел два небольших мокрых дерева, которые принесло неведь откуда речное течение.

Глеб откинул со лба мокрые волосы и крикнул:

– Васька, где веревка?

– В котомке! – последовал ответ.

– Давай сюда!

Когда-то Глеб делал репортаж о Северной флотилии, и мурманские моряки научили его вязать крепкие морские узлы. Глеб никогда не думал, что этот навык пригодится ему в жизни. Но теперь, кажется, пришло время применить полученные знания на практике.

Действуя быстро и ловко, Глеб связал веревкой два ободранных ствола, крепко притянув их один к другому. Пока Глеб возился с веревками, Васька Ольга обнажил меч и сбил со стволов ветки.

Наконец все было готово.

– Сталкиваем их в воду! – скомандовал Глеб. – Быстро!

Васька с Глебом потащили плотик к реке, но Айсарана вскрикнула и показала пальцем на противоположный берег.

– Смотрите! – в отчаянии проговорила она.

Глеб и Васька подняли головы. На том берегу реки, внимательно глядя на копошащихся у плота людей, стояли два огромных черных волколака.

– Нам некуда плыть, – пробормотал упавшим голосом Васька Ольга. – Не сожрут упыри, так задерут волколаки.

Глеб на секунду задумался.

– Васька, у тебя есть еще одна веревка? – быстро спросил он.

– Есть, – вяло откликнулся парень.

– Доставай!

Схватив веревку, Глеб снова принялся за дело. Один ее конец он привязал к плоту, а другой – к большой коряге, торчащей из земли.

Дождь усиливался. Из-за его дробного шелеста Глеб не сразу услышал треск ломаемых веток. Из леса вышли упыри. Несколько секунд они стояли в тени деревьев, оглядывая берег, потом увидели людей и, клацая зубами, зашпешили к ним. Благодаря тучам, затянувшим небо, и плотной стене дождя на береговую полосу опустились преждевременные сумерки.

Глеб с Васькой стащили плот на воду. Глеб выпрямился, быстро подбежал к березе, росшей у берега, выхватил меч и, взмахнув им несколько раз, срезал со ствола ветки. Затем

перехватил рукоять меча поудобнее и одним мощным ударом перебил березку у самого корня.

– Быстрее! – испуганно крикнул из воды Васька Ольха.

Упыри стремительно приближались. Запах и вид близкой добычи сделали их проворнее и кровожаднее. Глеб уже потащил березовую жердь к реке, когда один из упырей попытался схватить его за ворот куртки. Глеб увернулся и ткнул упыря мечом в живот. Проткнув упыря насквозь, Глеб хотел выдернуть меч, но мокрая рукоять выскользнула у него из пальцев.

Глеб выругался и, оставив меч в животе упыря, побежал с жердиной к плоту. Вскоре он и его спутники, вцепившись в плот руками, отогнали его от берега. Течение стало прибывать бревна к берегу, но Глеб опустил жердину в воду и крепко уперся ею в дно реки.

Плот замер на месте, покачиваясь на волнах.

– Что теперь? – спросила Айсарана.

– Будем тут, пока нас не найдет Громол! – крикнул, перекрывая шум дождя, Глеб. – Если устанем, перережем веревку и попробуем переплыть на тот берег.

– У нас нет весел! – возразила Айсарана. – А середина реки глубока! Течение унесет нас далеко отсюда, и твоя жердь нам не поможет!

– Знаю! – крикнул в ответ Глеб. – Оставим этот вариант на самый крайний случай!

Упыри стояли у кромки воды и смотрели на вцепившихся в бревна людей голодными, налитыми кровью глазами. Дождевые струи хлестали их по головам, стекали по белым, синим и черным лицам. Несмотря на лютый голод, никто из упырей не решился вступить в воду, из чего Глеб сделал вывод, что чувство самосохранения у мертвецов все же осталось.

Дождь стал утихать. Вдруг из леса послышался грубый окрик. Упыри вздрогнули, повернулись и, словно крысы на дудочку Ганса, зашагали на окликнувший их голос. У кромки леса они остановились. До слуха Глеба долетели их отрывистые и хриплые, как собачий лай, голоса.

– Они о чем-то советуются, – сказал Глеб.

– Упыри не умеют советоваться, – возразил, стуча зубами от холода, Васька.

– *Эти* умеют, – сказал Глеб. – Думаю, они нашли себе башковитого вожака, и он научил их действовать согласованно.

С полминуты Глеб, Васька Ольха и Айсарана таращились на упырей, силясь понять, что же там происходит. Потом упыри повернулись и снова двинулись к реке.

На этот раз живые мертвецы не остановились у кромки воды, а шагнули прямо в ее холодный поток.

– Они идут в воду! – в ужасе крикнул Васька Ольха.

Глеб скрипнул зубами и угрюмо ответил:

– Вижу!

А упыри все шли и шли. Сперва по пояс, потом по грудь. И вот уже на поверхности остались лишь их черные головы, но вскоре скрылись и они.

– Они схватят нас за ноги! – севшим от холода и страха голосом пробормотала Айсарана.

– Не схватят! – возразил Глеб. – Вода здесь слишком мутная. Они ни черта не увидят!

– Рано или поздно они утянут нас на дно, – сказала, дрожа от холода, Айсарана. – Глеб, что нам делать?

В это мгновение голова упыря вынырнула возле плота, а черные полуистлевшие руки схватили Айсарану за волосы. Девушка закричала.

Васька сунул руку в воду, выхватил из ножен тяжелый косарь, размахнулся и рубанул им упыря по башке. Пальцы мертвеца разжались, черная голова ушла под воду.

Но тут же еще несколько голов вынырнули из воды, подобно резиновым мячам. Глеб вытащил из воды мокрую жердину и принялся колотить ею по упырьим головам.

– Получи! – кричал Глеб, входя в раж. – А вот еще!

Черные волколаки, возбужденно порывая, вышагивали по противоположному берегу, с интересом наблюдая за битвой.

Время от времени Глеб опускал жердину в воду, чтобы оттолкнуться от дна и отвести плот подальше от берега. Затем снова вынимал жердину и вновь принимался лупить ею по черным головам.

– Это тебе за Брестскую крепость! – кричал он, свирепея от битвы и усталости. – Это за Ленинград!.. Это за Освенцим!..

Махнув жердиной в очередной раз, Глеб снес сразу две черные головы.

– Вали их! – кричал Васька. – Бей упырей!

Айсарана так сильно замерзла и устала, что у нее не было сил даже на крики. Она из последних сил держалась за покачивающийся на волнах плотик.

Глеб в очередной раз махнул жердиной, и в этот миг удача изменила ему. Безносый и безгубый упырь ухватился за жердину и дернул ее на себя. Мокрый конец жерди выскользнул из пальцев Глеба.

Глеба охватило отчаяние, но тут Васька заорал:

– Громол!

Глеб взглянул на берег. Громол и Крысун выбежали из леса и принялись рубить упырям головы. Меч Громола сверкал, как молния, обрушиваясь на головы живых мертвецов. Не уступал ему и Крысун. Раньше он был охоронцем, поэтому неплохо владел мечом.

Упыри падали к их ногам, отрубленные головы катились по косогору в реку и плюхались в холодную свинцовую воду.

И вдруг страшный гортанный крик пронесся по лесу. В ту же секунду уцелевшие упыри повернулись и двинулись к лесу, словно разом потеряли к людям интерес. Следом за ними стали выползать из реки другие упыри. Мокрые, безмолвные, с пустыми взглядами, зашагали они к лесу. Плот их больше не интересовал.

Громол и Крысун, опустив мечи, отошли в сторону и стояли так, пока последний упырь не скрылся в лесу. Затем Громол сунул меч в ножны, подошел к коряге, ухватился за веревку и быстро подтащил плот к берегу.

Глеб был так рад видеть охотника, что едва не бросился ему на шею. И только присутствие Айсараны и Крысуна остановило его. Пожав Громолу руку, Глеб спросил:

– Почему упыри ушли?

– Их кто-то позвал, – ответил Громол. Затем нахмурился и добавил: – И скажу тебе честно, мне это не по нраву.

Глеб прищурился и тихо осведомился:

– Умный упырь?

Громол кивнул.

– А разве такие бывают? – недоверчиво спросил Глеб.

– Я думал, что нет, – ответил охотник, хмуря брови. – А теперь вижу, что да.

Глава шестая

1

Три часа без отдыха странники шагали по Гиблой чащобе, стараясь держаться ближе к реке. А когда солнце вскарабкалось к зениту, Громол объявил привал.

Глеб, Крысун, Васька и Айсарана побросали котомки и сумки на траву и уселись рядом, с наслаждением вытянув гудящие от усталости ноги.

Громол расчистил от травы площадку, взял в руку веточку и стал что-то чертить.

– Вот, зрите, – сказал он, указывая на чертеж. – Сей круг – Черный бор. А вот тут, в пятнадцати верстах от каменной межи, Гиблая чащоба. Верст через восемь, а то и меньше,

будет деревня Моревка. Там прежде руду добывали. После добыч пещеры остались. В тех пещерах волколаки от света дневного хоронятся. Мы через Моревку днем пройдем. И молитесь Дажьбога, чтобы солнце не скрыли мороки.

Васька Оляха хмыкнул и с сомнением посмотрел на охотника.

– А откуда ты, дядька Громол, про пещеры знаешь? – поинтересовался он.

– От добытчиков и промысловиков слышал, – ответил тот спокойно.

– Но ведь оттуда никто не возвращается.

– Есть, которые возвращаются, – сказал Громол.

– А...

– Ежели хочешь по делу спросить – спрашивай, а ежели заради праздного интереса, то лучше молчи.

Васька закрыл рот и насупился.

– Верстах в трех-четырех от Моревских рудников, – продолжил охотник, – начинается Кишень-град. Вельми богатый был град, с палатами каменными. Подклеты тех палат до сих пор целы. А кое-где и стены домов остались...

– А много вокруг него упырей? – спросил дрогнувшим голосом Васька.

– Немного. Время быстротечное не токмо людей, а и злыдней не щадит. Да и зверья в лесу все меньше. Не упырей нам с вами бояться надо, а темной нелюди.

– Нелюди? – с любопытством переспросил Глеб. – А это что за чудовища?

Громол взглянул на него спокойным взглядом и ответил:

– Потомки бывших жителей Кишеня.

– Да разве они уцелели?

– Некоторые уцелели. А это их правнуки. Или праправнуки. Сказывают, в Кишене, по подполам да подклетам, этой нелюди много хоронится. Как минуем Кишень, выйдем к узкой речке Протекайке, – продолжил Громол. – А она нас до самого Пепельного озера доведет. Ну а дальше видно будет.

Громол выпрямился и швырнул веточку в траву. Васька Оляха посмотрел на него снизу вверх и сказал:

– Дядька Громол, можно тебя попросить?

– Проси.

– Ежели я помру – не сжигай меня, а закопай в землю.

Громол прищурил серые глаза.

– Так ведь в упыря обратишься.

– А ты свяжи мне руки и ноги веревками и камень на могилу навали.

Охотник нахмурился и покачал головой:

– Это еще хуже будет.

– Ничего. Не хочу дымом стать и по воздуху рассеяться. Осьмий говорил, что в конце веков будет Страшный суд, и Господь всех покойников из земли подымет. А как он меня подымет, если ты меня сожжешь? Лучше я буду в земле связанный лежать и Господа Иисуса дожидаться.

Громол вздохнул:

– Дело твое.

– Нет, ты пообещай!

– Обещаю.

– Предками своими поклянись!

– Клянусь.

Васька успокоился. А Громол посмотрел по сторонам, потом глянул на небо, перевел взгляд на своих спутников и сказал:

– Надо воздать жертву богам. Без их помощи с темными злыднями не совладаем.

– А ты знаешь, как это делается? – поинтересовался Глеб.

– Да, чужеземец, знаю.

Жертвенный костер – дело ответственное. Богам можно давать только мясо и жир зверей и птиц тайги. Громол сходил в лес и через пятнадцать минут вернулся с тремя убитыми куропатками.

Их и принесли в жертву лесным богам.

После разожгли сам костер. В полный рост, но покорно склонив головы, стояли перед жертвенным костром Громол, Глеб, Васька, Крысун и Айсарана. Лица их были сосредоточены и строги.

Глеб смотрел на огонь, и перед глазами у него проходили лица погибших товарищей. Алатык, Осьмий... Старика было особенно жалко. Алатык – воин, а для воина погибнуть на поле брани – удача и почет. Но старик Осьмий был человеком мирным и далеким от ристалищ.

И какого черта Васька поперся тогда в лес? Любви захотел, идиот. И где – на подступах к Гиблой чащобе! В месте, кишачем чудовищами!

Глеб вздохнул. Ладно, не стоит ругать Ваську. В сущности, он парень неплохой. А что Осьмий погиб, так на то была воля богов. Перун так распорядился. Или Сварог. Ну, или кто там у них еще есть?

Глеб вдруг с удивлением поймал себя на том, что начинает мыслить, как местные люди. Воля богов, Перун... Какого черта?

До сих пор трудно было поверить, что все это по-настоящему. В глубине души Глеб продолжал надеяться, что все события минувших дней – не более чем порождения его больной фантазии. Вот закроет он сейчас глаза, откроет вновь – и исчезнет страшный лес, напичканный ужасными тварями.

Но не исчезал.

Глеб вздохнул, глянул на охотника и тихо спросил:

– Как думаешь, Громол, умирать страшно?

– Смерть – лишь ступень, – спокойно ответил охотник. – Коли ступишь на нее твердой стопой, себя сохранишь. А коли испугаешься да споткнешься, себя потеряешь.

– А я ведь в людей стрелял, – сказал Глеб, глядя на огонь. – И даже попал. Как знать, может, те два газара уже умерли от потери крови или сепсиса. Если так, то я – убийца.

Громол покосился на Глеба.

– Об этом после подумаешь, когда в Хлынь с пробуди-травой воротимся. А сейчас держи ум хладным. Таперича здесь каждый от каждого зависит, и мысли тоскливые я в твою голову не допущу.

Глеб вздохнул, повернулся и отошел от жертвенного костра. Смотреть на дымящиеся птичьи трупы не было никакого удовольствия.

Перед тем как двинуться дальше, Громол учил своих спутников:

– Помните: коли в Гиблом месте помрете, упырями станете. И кусать себя ядозубым упырям да оборотням не давайте. У них слюна гнилая – отравит, в нежить обратит.

– А как насчет темных нелюдей? – поинтересовался Глеб. – Они так же опасны, как оборотни?

Громол нахмурился.

– Этих мало кто видал. Сказывают, они, как люди, но уродством обезображены. У кого четыре руки, у кого – две головы. У кого – голова шакаля, а у кого – совиная. Один промысловик рассказывал мне, что они ненавидят людей. Как бы то ни было, но думаю, что они опаснее оборотней.

– Почему? – поинтересовался Крысун.

– Потому что оборотни – звери. Упыри и того хуже. А нелюдь разумна и хитра. И оружием умеет пользоваться не хуже нас с вами.

Васька вздохнул и неуклюже перекрестился:

– Господь Иисус, обереги нас от лесной нелюди!

Крысун взглянул на него неприязненно.

– Боишься, оголец? – ехидно поинтересовался он.

– Убоялся бы, кабы в Иисуса не веровал, – спокойно ответил Васька. – А еще меня Осьмий защищает. Чего мне бояться?

Крысун хотел сказать что-то едкое, но Громол его перебил:

– Я забыл еще про одно сказать. Слышал я от промысловиков и отчаянных людей, что близ погостов кишеньских живет смерть-баба. Одни называют ее Ягой, другие – Мамелфой. Живет она в домовине надмогильной. Домовина ее стоит на двух столпах. Не знаю – правда то или нет, но сказывают, что, ежели с Мамелфой договоришься, быть тебе целу. А ежели нет – она на тебя всех упырей кладбищенских спустит.

– А как с ней договориться? – спросил Крысун.

– Нужно сердце свое живое в залог оставить. А взамен даст тебе Мамелфа-Яга мертвое. И будешь ты ходить по свету с мертвым сердцем, покуда обратно его у Мамелфы не обменяешь.

– Жуткая сказка, – улыбнулся Глеб. – Ты ведь сам ее не видел?

– Не видел.

– Ну, тогда и говорить о ней нечего. Я готов поверить в упырей и мутантов, но в то, что у человека можно вынуть сердце и вставить ему взамен мертвое... – Глеб покачал головой: – Нет, этого не бывает.

– Пусть боги сделают так, чтобы ты был прав, – сказал охотник. – Ну, все. Погребальный костер догорает, нужно собираться в дорогу.

...Берег реки все гуще затягивался камышами и рогозом. Деревья все ближе подступали к кромке воды. Путникам приходилось дальше и дальше забирать в лес.

Глеб, натерев с непривычки ноги, плелся, прихрамывая, позади всех. Айсарана шла то возле него, то прибавляла шагу и нагоняла Ваську Ольху.

Они прошли еще несколько верст, когда Айсарана решила заговорить с Васькой.

– Слышишь, Ольха, – заговорила она смущенно.

– Ась? – откликнулся Васька.

– Я сказать тебе хочу.

– Ну, говори.

– Я тебя из жалости любила.

Несколько шагов они прошли молча. Потом Васька вздохнул и сказал:

– Я знаю.

– Но больше я тебя не жалею.

– И это знаю.

Еще несколько шагов прошли они в молчании.

– Ты меня теперь совсем не любишь? – спросил Васька.

– Я хотела бы тебя любить. Но сердце мое прикипело к Глебу. Он мне во сне снится.

– Мне тоже много всякого снится, – хмуро сказал Васька. – Ну и что с того?

– Я по нему томлюсь. И я о нем думаю. Все время. Даже когда с тобой...

– Молчи. – Васька болезненно поморщился. – Прошу тебя, не говори ничего. Мне почему-то больно. – Васька сжал кулаки. – Я на тебя злюсь, – глухо проговорил он. – Я могу тебя убить, Айсарана. И его могу убить.

Васька закусил губу. Айсарана еще немного прошла с ним, потом отстала и поравнялась с Глебом.

– Глеб, – тихо позвала она.

– Что? – отозвался Орлов, не поворачивая головы.

– Ты красивый. Зачем ты родился на свет? Не было бы тебя, я бы не мучилась.

Орлов покосился на нее с удивлением.

– Если бы меня не было, газары сожгли бы тебя на костре.

– Пусть бы лучше сожгли, – с болью в голосе сказала Айсарана. – Я смерти не боюсь. Но ты меня измучил.

– Что-то я тебя не понимаю, Айсарана. Ты ведь спишь с Васькой Ольхой. И вроде у вас все хорошо. Вы оба счастливы.

Айсарана покачала русоволосой головой.

– Я Ваську любила из жалости, – сказала она негромко. – Это не по-настоящему. А тебя... Тебя я люблю телом. Оно по тебе тоскует. Каждую ночь. – Айсарана вздохнула: – Я ничего не могу с собой поделать.

Глеб нахмурился:

– Опять начинаешь?

– Почему ты не можешь меня любить, чужеземец?

– Я уже говорил тебе. А сейчас появилась еще одна причина.

– Ты говоришь про Ваську?

– Да.

– Я ему все объяснила. Он сейчас зол, но потом остынет.

Айсарана взяла Глеба за руку.

– Сердце мое болит из-за любви к тебе, – трогательно проговорила она. – Я просила богов и духов вырвать тебя из моего сердца. Но моя любовь сильнее духов и богов. Поцелуй меня, чужеземец!

Глеб осторожно высвободил руку.

– Айсарана, я не могу. Если я тебя поцелую, значит, я согласен принять твою любовь.

– У меня высокая грудь, крепкие бедра, длинные ноги и красивое лицо. Крысун поедает меня глазами. Даже Громол не смотрит на меня равнодушно.

Айсарана обвила талию Глеба тонкой сильной рукой.

– Это ведь не потому, что я атыкай-самана? – хрипло и взволнованно проговорила она. – Многие русичи думают, что лесные девушки подобны волчицам. Но я человек. Вот, смотри! – Она взяла руку Глеба и положила ее себе на грудь. – Ты чувствуешь? Мое сердце бьется быстро-быстро, и это потому, что ты рядом. Я готова умереть ради тебя!

– Пойми, я люблю другую, – сказал Глеб. – Я люблю княжну. И для нее иду за пробуди-травой.

По лицу Айсараны пробежала тень.

– Не говори о ней! – скороговоркой произнесла она. – Княжна не достойна твоей любви! Вот увидишь: она откажется от тебя!

– Ты не можешь это знать, – отрезал Глеб.

– Могу! Когда женщина любит, сердце ее делается вещим!

Глеб усмехнулся.

– И что же предсказывает твое сердце? Мы поженимся и будем жить долго и счастливо?

Айсарана нахмурилась и покачала головой:

– Нет. Один из нас умрет. Мы должны любить друг друга, пока мы оба живы.

Внезапно Глеб разозлился.

– Ты сумасшедшая, Айсарана, – сердито проговорил он. – На мой взгляд, ты обыкновенная шлюшка. Ты вешаешься на шею каждому, кто тебя пригreet.

Айсарана закрыла лицо ладонями.

– Не говори так. Пожалуйста. Твои слова ранят меня в самое сердце!

– Сердце, сердце, – с досадой проговорил Глеб. – Вот заладила. Ты и Ваське то же самое говорила? А после меня побежишь к Громолу, да? Я ведь видел, как ты ему улыбалась. Тебе просто нравятся мужики. Ты и с Бекетом, наверное, спала.

Айсарана хлестнула Глеба по щеке. И тут же испугалась того, что сделала.

– Прости, – пролепетала она. – Я не хотела. Я не должна была спать с Васькой Ольхой. Но ты... Ты меня не остановил. Если бы ты меня остановил...

Глеб усмехнулся и со злостью проговорил:

– Хватит трепаться. Все вы, бабы, одинаковые. Что в двадцать первом веке, что в... –

Глеб не смог закончить фразу и лишь махнул рукой.
Затем прибавил шагу и оставил Айсарану позади.

3

Еще через версту Громол остановился.
– Ну, как? – спросил он. – Устали?
– Так устали, что даже башмаки дымятся, – ответил Глеб, усаживаясь на траву.
Он ухватился за мягкий сапог и осторожно стянул его с ноги. Один палец был разбит и окровавлен.

– Черт... – Глеб поморщился. – Скоро без ног останусь.
Васька порылся в котомке, достал крошечный кузовок с мазью и протянул Глебу:
– Держи. Это заживляющая мазь. Помажешь, прижмешь листом подорожника, и все пройдет.

– Спасибо.
Глеб взял кузовок и хмуро откинул крышку. Охотник поправил на плече котомку и сказал:

– Вы оставайтесь здесь. А я пойду прогуляюсь.
– А куда ты? – всполошился Васька Оляха.
– Осмотреться надо. Скоро подойдем к Моревским рудникам.
– Я с тобой!

Громол покачал головой:
– Не нужно. Мне одному сподручнее.
Васька вскочил на ноги, подошел к Громулу вплотную и тихо проговорил:
– Мне нужно пойти, дядька Громол. Очень нужно.

Охотник внимательно посмотрел на Ваську, скользнул взглядом по смурному лицу Айсараны, вздохнул и кивнул головой:

– Ладно. Только от меня ни на шаг.
– Хорошо!
Лес здесь был густой, темный и сырой. Васька пугливо таращился по сторонам и то и дело прижимался к Громулу плечом.

– Ты меня с ног собьешь, – рассердился наконец охотник. – Держись рядом, но не толкайся.

– Прости, Громол.
Васька сдвинул брови и пошел рядом. Темнота становилась все плотнее. Громол часто останавливался, чтобы оглядеть поцарапанную или надломленную ветку или совсем неразличимый след на земле.

Васька тоже старался смотреть, но ничего особенного в этих ветках не замечал. Чем темнее и глуше становился лес, тем труднее было ему молчать. Наконец он не выдержал и спросил:

– Громол, а, Громол? А ты когда-нибудь любил?
Охотник не ответил.
– А я вот полюбил, – с грустной улыбкой продолжил Васька. – А она меня сперва любила, а теперь не любит. Как думаешь, почему так?

– Не знаю, – ответил Громол, поглядывая по сторонам хватким взглядом.
– Сначала любит, потом не любит, – тихо, с досадой и болью в голосе проговорил Васька Оляха. – А мне-то что делать? Я ведь так не могу.

Громол не отвечал. Он по-прежнему бросал по сторонам быстрые внимательные взгляды, примечая каждую мелочь – треснувший сучок, примятую траву, крошечные песчинки на ветках. Еще немного Васька прошел молча. Потом не выдержал и заговорил снова:

– Как мне успокоиться, Громол? Как ее забыть? Может, в лесу есть какая-нибудь особенная трава? Помоги мне найти эту траву, Громол.

– Много трав в лесу. Есть и трава забвения. Но от любви она не поможет. Ты забудешь Айсарану, но боль не уйдет из твоего сердца. И эта боль съест тебя.

– Дай мне такую траву!

Охотник покачал головой:

– Нет.

– Тогда я сам ее разыщу!

Васька рванулся с места и быстро зашагал в чащобу.

– Стой! – негромко окликнул его Громол. – Остановись, парень!

Васька не остановился. Громол тихо выругался и поспешил за ним.

Пройти Ваське удалось не больше нескольких саженей. Потом, когда он уже одумался и хотел повернуть, что-то громко хрустнуло у него под ногами. А потом земля ушла у Васьки из-под ног, и он ухнул в бездну.

Боль была такая сильная, что Васька не удержался от громкого стона. Плечо и грудь словно бы обдало банным жаром. Теплая кровь потекла Ваське за пазуху, защекотала живот и пах.

Над головой висел кругляш тусклого света. Потом в этом кругляше показалась темная голова Громола, и Васька услышал его голос:

– Ты живой?

– Да... – ответил Васька со дна ямы. – Только мне больно... Кажись, я на что-то напоролся.

– Лежи и не двигайся. Я вытащу тебя.

Голова охотника скрылась. Затем на дно ямы, рядом с Васькиным лицом, упал конец веревки. А потом на лицо ему посыпались маленькие камушки. Васька закрыл глаза, а когда открыл их, увидел перед собой Громола.

Зрелище, открывшееся глазам охотника, заставило его нахмуриться. Васька Оляха лежал на дне ямы, а из плеча его торчал окровавленный заостренный кол. Все дно ямы было уставлено вкопанными в землю кольями, похожими на зубы великана.

– Я сниму тебя, – сказал Громол. – Тебе сейчас больно, но боль уйдет. Потерпи.

Васька попробовал улыбнуться, но даже улыбаться ему было больно. Тогда он хрипло прошептал:

– Спаси меня, дядька Громол. Я не хочу умирать.

– Ты не умрешь.

Громол вынул длинный охотничий нож с зазубринами на лезвии, припал к земле, подлез к колу и принялся перепиливать его под Васькой. Земля вокруг была мокрой и вязкой от крови.

Когда Громол поднимал Ваську с земли вместе с обломком кола, Васька вскрикнул от боли.

– Ничего-ничего, – тихо проговорил охотник. – Унесу тебя к костру и заштопаю. Будешь как новенький.

– Громол... – Васька облизнул побелевшие губы. – Вынь его из моей груди...

Громол покачал головой:

– Не сейчас. Если я это сделаю – пойдет кровь, и я не смогу ее остановить. Чтобы остановить кровь, нужны травы. Я отнесу тебя к костру.

Громол обернул Ваську концом веревки и стянул узел. Васька вскрикнул от боли.

– Ничего-ничего, – снова сказал Громол. – Тебе больно, но ты справишься.

– Жжет... – пожаловался Васька. – Душа рвется от боли... Лучше убей меня, Громол.

Громол выпрямился, уцепился за веревку и быстро вскарабкался вверх. А потом он стал вытягивать из ямы Ваську. И при каждом плавном потяге Васька кричал от боли, как сумасшедший.

Крысун нашел свои меты и направился по ним вспять. Глебу и Айсаране он сказал, что отлучился по нужде. Нужда была, но иного рода.

Минут десять Крысун шел по своим следам, опасливо оглядывая лес. Громола он боялся не меньше, чем оборотней и упырей. А может, даже больше. От оборотней и волколаков у Крысуна был золотистый шарик, который он стащил из сумки Глеба. От упырей – меч и кинжал.

А вот если Громол появится сейчас рядом...

Крысун тряхнул головой. Не появится. Громол ушел вперед, а Крысун вернулся назад. Между ними сейчас не меньше двух верст. Кого-кого, а Громола опасаться нечего.

Крысун прошел еще с полверсты, остановился и тихонько свистнул. Прислушался. Ничего. Он зашагал дальше. Прошел еще с полверсты и снова тихонько свистнул.

На этот раз он услышал ответный свист. А затем из-за темных кустов появилась высокая фигура.

– Крысун! – тихонько позвал человек.

– Беркут!

Крысун подошел к разбойнику.

– Ты один? – спросил Беркут.

– Как видишь. А где твой отряд?

– Рядом. – Беркут окинул Крысуна пристальным взглядом и велел: – Ну, рассказывай.

– Сперва ты, – тихо возразил Крысун. – С ратниками-то не столкнулись?

Разбойник усмехнулся.

– Сгубили мы твоих ратников. Всех до единого. Те даже мечи достать не успели.

Лицо Крысуна вытянулось от изумления. Он захлопал ресницами и спросил:

– Как это?

– А вот так. Нас газары надоумили. Накрыли мы ратничков ловушной сетью, напали на них из засады – стрелами постреляли и мечами порубили. Как капусту.

– Газары? А разве они...

– Они теперь с нами. – Невзор Беркут ухмыльнулся. – Их мне нойон Бекетка в подмогу дал. После того как перебил половину моего отряда.

– Перебил?

Невзор кивнул:

– Да. Он нас за вас принял, а вы у него девку украли. Вот он и осерчал. Теперь у Бекетки зуб на чужеземца. Ежели доставим его в газарский стан, пушнины получим столько, сколько увезти сможем.

Крысун молчал, обдумывая услышанное. Невзор подождал малость, потом заговорил снова:

– Говорят, у парня есть посох, подаренный ему самим княжым богом Перуном. Брежут али нет?

– Не брежут, – ответил Крысун. – Есть посох.

Невзор прищурил недобрые глаза.

– Укради посох, – сказал он. – Украдешь – будут наши. Мечами их порубим, стрелами поколем. А против грома и молний мы не выступим.

Крысун взглянул на костяной амулет, болтающийся на шее Беркута, и сказал:

– Чего тебе Перуна бояться, когда сам Велес с тобой?

– Перун нынче в силе, – угрюмо ответил Невзор. – А Велес, сын Родович, в подземелье дремлет. Неинтересны мы ему. Видал, сколько Перуну идолов наставили? Скоро в лесу дубов не останется – все на идолов пойдут.

– В Гиблом месте Перун-Громовержец не поможет, – возразил Крысун. – Здесь царство Мареново и Велесово, богов подземных. Мертвецы и волколаки Перуна не послушают. А Велесово слово для них закон. Опять же, Баве Прибытку Велес Родович благоволит. Я

слышал, Бава его именем все уговоры скрепляет. А ты ведь на Баву работаешь.

– Рассуждаешь много, – с неудовольствием проговорил Беркут. – Ты мне, главное, посох принеси. А кого из богов на помощь призвать, это я сам решу.

Крысун сдвинул брови, отчего кожа на тощем лице его изрыбилась морщинами.

– Посох украсть нелегко, – задумчиво проговорил он. – Глеб его повсюду с собой таскает.

– А ты девку к нему подошли, – посоветовал Невзор. – Пусть она его охмурит.

– Ты что? – удивился Крысун. – Она против колдуна не пойдет.

– А ты перехитри, – настаивал Беркут. – Бабы не разумом, но чувствами живут. Вот и сыграй на этом.

– Гм... Ладно, попробую.

– Если получится, сигнал нам дай. Но не прежде, чем они к озеру выйдут.

– Какой же я тебе сигнал дам?

– Поющую стрелу в небо пусти. Я ее издалека услышу.

– Хорошо. – Крысун сопнул тонким носом. – Я бурую пыль в пяти местах видел. Возле находок вешек наставил. Видал?

– Видал, – кивнул Невзор. – Теперь благодаря нам с тобой Бава Прибыток первым купцом в княжестве станет. Да и нам хозяйского пирога перепадет!

– Хочу еще тебя спросить... – нерешительно начал Крысун. – Ты это... вещи чудные на пути не встречал?

Лицо Беркута помрачнело.

– Встречал маленько, – нехотя ответил он.

– Подбирал?

Невзор покачал головой:

– Нет. Мхом забросал, а своим людишкам велел не трогать. Авдей, ватажник мой, одну такую тронул.

– И что с ним случилось?

– Что? Да ничего, на части рассыпался.

– Как рассыпался? – не поверил своим ушам Крысун.

– Да так и рассыпался. Голова по одну сторону, руки – по другую, а ноги – по третью.

Крысун сдвинул брови.

– Ты вот что, Беркут... – Крысун облизнул губы. – Мне эти вещи нужны.

– Нужны, так соберешь, – сухо проговорил Беркут. – Но шагать с ними подле себя я тебе не позволю.

– Боишься?

– Боюсь, – признал разбойник. – А ты будто нет. Зачем они вообще тебе нужны, эти пакости?

Крысун вздохнул.

– Я, Невзор, вечно жить хочу. И над людьми власть иметь.

Беркут усмехнулся:

– Вот оно что. А мне зачем об этом говоришь?

– Ты сам захотел узнать. – Крысун глянул на разбойника исподлобья и спросил, понизив голос: – Среди чудных вещей, которые ты мхом забрасывал, есть такая, какая похожа на гриб лиловый? Только этот гриб не из земли растет, а сам по себе существует.

– Про гриб не помню, – признался Невзор. – А что?

– Мне один странник в кружале сказывал, что ежели этот гриб съесть – бессмертье обретешь. И не токмо бессмертье, а и силу под стать Перуновой.

– Гм... – Беркут поскреб ногтями бороду. – Люди сказывают, что чудные вещи – не для человеков. Сказывают, что их бог случайно из своего волшебного кузовка выронил, когда с неба на землю падал.

– Может, и так, – согласился Крысун. – Да мне какое дело? Ты только подумай, каково это – жить вечно и править миром! Ежели ты бессмертен, то и боги тебе побоку!

– Ты поосторожнее со словами-то, – опасливо проговорил Беркут. – Богов не трогай.
Крысун нервно хихикнул.
– Когда стану богом, я и тебя, Невзор, милостью своей не обойду.
Беркут посмотрел на охоронца долгим пристальным взглядом.
– Что-то ты совсем, брат, заговорился.
– Да, Невзор, – поспешно кивнул Крысун. – Прости. Понесло меня. Я когда о жизни вечной говорю, меня всегда заносит. Ладно, пойду я. Скоро Громол из разведки вернется, меня хватится. Меты-то все мои видишь?
– Раз я здесь, значит, все.
– Ну и ладно. Бывай.
Крысун повернулся и заспешил обратно. Атаман разбойников проводил его взглядом и тихо пробормотал себе под нос:
– Милостью он меня своей не обойдет. Зря ты мне про гриб лиловый рассказал, Крысун. Я теперь, коли у тебя в зубах этот гриб увижу, клещами его из твоей пасти вырву.

5

Не доходя до лагеря, Крысун наткнулся на Громола.
– Ты чего здесь? – резко спросил охотник.
Глазки Крысуна забежали.
– Да вот... – выговорил он подрагивающим голосом. – По нужде отлучался. А что?
– Не бродил бы ты один по лесу. Опасно.
– Да я...
Громол тронул ветку дуба и перевел взгляд на Крысуна.

– Веточку-то ты сломал?
– Не помню. Может, я. А что?
Громол прищурился.
– Для кого ветки ломаешь, охоронец? Кто по нашему следу идет? Отвечай.
– Не понимаю, про что ты!
Крысун хотел пройти мимо Громола, но тот схватил его за шиворот и притянул к себе:
– Брешьешь!
– Не брешу! – Крысун дернулся, но охотник держал крепко. – Громол, я правду говорю! Пусть, если я показываю ложно, Дажьбог, бог Солнца, выжжет мне глаза! Пусть Перун разрубит мою голову огненным мечом!
Несколько секунд они глядели друг другу в глаза.
– Ладно, – сжалился охотник и выпустил Крысуна. – Но ежели сбредал, не прощу.
Крысун потрогал костлявыми пальцами кадыкастую шею.
– Зря ты так со мной, охотник. Я ведь сам с вами в Гиблое место вызвался.
– Это-то меня и тревожит. – Громол поправил на поясе меч. – Кто знает, какие мысли в твоей башке крутятся.
– Обычные мысли. Хочу, чтобы княжна поскорее выздоровела.
– Хорошо, коли так.
Громол повернулся к лагерю.
– А ты, охотник? – сипло спросил Крысун, прищуривая маленькие глазки. – Ты-то почему до сих пор с нами? Лес – твой дом. Ты много раз уйти мог. Но не ушел. Что у тебя в голове? Что ты задумал, охотник?
– Отвяжись, – небрежно проговорил Громол, не оглянувшись.
Крысун засмеялся:
– То-то и оно. В чужом глазу соринку высматриваешь, а у самого из глаза щела торчит.
– Скажешь еще слово, я тебе глиной рот замажу. Айда к нашим.
Крысун дождался, пока охотник отошел, и тихо, почти беззвучно пробормотал:

– Еще поглядим, кто кому замажет.

У Громола, однако, слух был чутким, будто у лесного зверя. Он остановился и глянул на охоронца через плечо.

– Чего сказал?

– Ничего, – отозвался Крысун. – Я говорю: под ноги лучше смотри. Не ровен час споткнешься.

Громол усмехнулся и зашагал дальше.

Васька Ольха лежал на ложе из веток и мха. Его терзали боль и горечь от сознания собственного бессилия.

– Ну, как он? – тихо спросил Громол, подходя к лежанке.

Айсарана обернулась и сказала:

– Худо. Жар у него. Хорошо хоть кровь перестала течь.

Глеб положил Ваське ладонь на лоб, потом погладил его по волосам и сказал:

– Держись, брат.

Крысун остановился у лежанки и с любопытством посмотрел на тихонько постанывающего Ваську.

– Что нам с ним делать, Громол? – сухо осведомился он.

– Соорудим носилки и понесем его на носилках.

– На носилках? Не скоро так дойдем.

– Ничего.

Васька облизнул сухие губы и выпалил:

– Я могу идти.

– Можешь, – согласился Громол. – Но пока тебе этого не нужно. Пусть рана затянется.

– А она затянется? – спросил с надеждой Васька.

– Затянется. Кость цела, а мясо зарастет. Нужно только потерпеть и не тревожить рану понапрасну.

Васька порывисто вздрогнул всем телом и, преодолевая боль, приподнялся на локте. Сквозь загар на щеках проступили красные пятна.

– Я не хочу, чтобы вы меня несли, Громол! Со мной вы пропадете!

– Заткнись, Васька, – осадил его Глеб. – Заткнись и слушай, что тебе говорят старшие. А старшие говорят, что понесут тебя на носилках. Слава богу, ты парень стройный. Так что – не надсадимся.

Глеб выпрямился и взглянул на охотника:

– Давай делать носилки, Громол.

Носилки Громол смастерил очень удобные. С помощью веревок он сделал так, чтобы вес распределялся по телу равномерно, поэтому Глеб практически не чувствовал усталости.

Васька спал в носилках, прижав руку к груди. Иногда он морщился от боли и негромко постанывал во сне.

Вскоре Громол велел Крысуну подменить Глеба, но сам ручки носилок из рук не выпустил. Глеб не возражал. Он не чувствовал себя измотанным, но Крысуну не доверял и предпочитал, чтобы хотя бы у одного из них двоих руки были свободны.

Айсарана тоже просилась помогать, но Громол пропустил ее просьбы мимо ушей.

Так они прошли еще три или четыре версты. Наконец охотник остановился и взглянул на долину, раскинувшуюся перед ними. Долина была изогнута подковой. В окаймлении зеленых зарослей хвоща, осоки и камыша поблескивали круглые лужицы воды. Некоторые из лужиц были почти черными. То и дело из какой-нибудь лужицы сверху с бульканьем и чавканьем вырывался фонтанчик жижи.

– Вот они какие! – выдохнул охотник.

– Это что? – спросил Глеб.

– Мертвые источники, – ответил Громол. – Я много о них слышал, но вижу впервые.

Глеб хотел спросить, почему эти источники называются мертвыми, но тут в нос ему ударила вонь разложения, и он сам все понял.

Громол и Крысун осторожно опустили носилки на землю.

– Пошли, посмотрим на мертвые источники поближе, – сказал охотник Глебу и первым зашагал к ближайшей черной лужице.

Глеб заспешил за ним.

Остановившись возле лужицы, охотник вынул из ножен клинок, задрал рукав и полоснул себя острым, как бритва, лезвием по коже. Кожа разошлась надвое, и из пореза выступила кровь.

Глеба передернуло.

– Ты что? – удивился он.

Охотник, не отвечая, зачерпнул здоровой рукой пригоршню грязной булькающей воды из черной лужицы и вылил на порез. От пореза пошел парок, вода зашипела, словно карбид или перекись водорода, и вслед за этим рана – прямо на глазах у Глеба – затянулась новой кожей.

Громол усмехнулся и взглянул на Глеба:

– Видал? Это и есть настоящее чудо.

– И правда чудо! – восхищенно проговорил Глеб. – Нужно скорее полить этой водой Ваську!

Громол нахмурился и кивнул. Затем вынул из котомки флягу, вылил из нее остатки воды, присел возле лужицы и набрал черной воды.

Назад шли торопливо.

Возле носилок остановились. Громол быстро присел возле носилок, всучил флягу Айсаране и стал снимать с плеча парня повязку. Но вдруг остановился и уставился Ваське в лицо.

– Ну, что же ты? – нетерпеливо поторопил его Глеб. – Давай скорей! Ну!

Громол покачал головой, взглянул на Глеба через плечо и тихо сказал:

– Опоздали.

– Как опоздали? – вскрикнула Айсарана. – Разматывай, охотник! Разматывай!

Громол перевел взгляд на девушку:

– Айсарана, он умер. Кол, на который он напоролся, был смазан ядом. Васька Ольга мертв.

Айсарана покачнулась, и Глебу пришлось поддержать девушку, чтобы она не упала. Айсарана оттолкнула от себя Глеба и посмотрела на охотника пылающими глазами.

– Ты должен попробовать, Громол!

Охотник нахмурился.

– Нет, нельзя. Мы знаем, что будет, если живого человека полить мертвой водой. Но поливать мертвой водой мертвого... Могут случиться страшные вещи.

– И все же ты должен попробовать, – угрюмо проговорил Глеб.

Громол несколько секунд хмурил брови, потом кивнул.

– Хорошо.

Он повернулся к Ваське и снова стал разматывать повязку. Когда рана открылась, он не глядя протянул руку к Айсаране и попросил:

– Флягу.

Девушка вручила ему фляжку. Охотник снова склонился над парнем и осторожно полил ему на рану мертвую воду. Вода зашипела, запузырилась на окровавленной Васькиной коже.

Глеб пристально всмотрелся в мертвое Васькино лицо. Лицо это осталось неподвижно.

– Попробуй еще! – попросила Айсарана.

Охотник вылил на рану еще немного черной воды.

Теперь все четверо – Глеб, Громол, Айсарана и Крысун – с волнением вглядывались в лицо Васьки Ольги. Но оно осталось неподвижно.

Айсарана оттолкнула Громола, присела рядом с Васькой и приложила ухо к его груди.

– Не бьется, – с горечью проговорила она.

Из глаз девушки потекли слезы. Она отпрянула от мертвого парня, закрыла лицо ладонями и зарыдала.

Десять минут спустя Айсарана сидела на траве, обхватил руками острые колени, и смотрела вдаль. Глеб остановился рядом с ней, достал из пачки «Кэмэла» последнюю сигарету и закурил. Опустевшую пачку он смял и швырнул в высокую траву.

– Как ты? – спросил Глеб, выпустив облако дыма.

Айсарана потерла рукой брови и сказала:

– Нужно его сжечь, пока он не обратился.

Громол, стоявший неподалеку, услышал ее слова и покачал головой:

– Нет. Я ему обещал, что в землю похороню.

Айсарана подняла на охотника сухие глаза и сипло спросила:

– А коли встанет?

– Не встанет.

Громол порылся в котомке и достал веревку. Затем повернулся с веревкой к мертвому Ваське, наклонился и стал неторопливо связывать ему руки и ноги.

Вскоре все было готово для похорон.

– Глеб, – тихо позвал охотник.

Глеб подошел к нему, стараясь не смотреть на связанного по рукам и ногам мертвого парня.

– Ты приехал к нам из страны, где покойников закапывают в землю? – тихо спросил Громол.

Глеб кивнул. Охотник покосился на Айсарану и понизил голос почти до шепота:

– Значит, ты знаешь, что нужно делать и говорить? Знаешь, как напутствуют своих мертвецов христиане?

– Я всегда считал себя атеистом, – проговорил Глеб, хмуря брови. – Но я могу попробовать.

Он тоже покосился на девушку и вздохнул.

– Лучше бы она зарыдала, – пробормотал Громол. – А то сидит и молчит. Слеза – вещь горячая. Если ее наружу не выплакаешь, она душу огнем сожжет. Ладно. Давай рыть могилу.

Яму рыли мечами и кинжалами. Крысун было заартачился, заявив, что нужно сжечь Ваську, и дело с концом. Но Громол сказал, что зароет Крысуна в землю вместе с покойником, если тот не будет помогать. И Крысун взялся за кинжал.

Яма получилась не слишком глубокая, метра полтора глубиной. Но Глеб посчитал, что дальше рыть не стоит.

Связанного по рукам и ногам Ваську аккуратно опустили на дно, после чего Глеб перекрестил могилу ребром ладони и неуверенно проговорил, подражая священнику:

– Прах к праху, пепел к пеплу. Да упокоится душа твоя с миром. Во имя Отца и Сына и Святого Духа – Аминь!

Он опустил руку и растерянно взглянул на охотника.

– Все? – спросил тот.

Глеб кивнул:

– Да. Можно закапывать.

6

Остановившись на пригорке, Громол показал рукой на виднеющиеся в долине холмики, подернутые белым туманом, и сказал:

– Вон они – Моревские рудники!

– Те самые, в которых живут волколаки? – боязливо уточнил Крысун.

– Те самые.

Охоронец зябко передернул плечами. А Глеб посмотрел на хмурое небо и сказал:

– На небе тучи.

– Ты про мороки? – Охотник кивнул. – Да, не повезло. Солнца почти нет. Если эти твари выползут из нор, нам непоздоровится.

– Может, обойдем Моревский рудник стороной? – с надеждой в голосе предложил Крысун. – Зачем понапрасну подставляться?

Охотник отрицательно покачал головой:

– Нет. Там повсюду голодные прогалины.

– А что это? – любопытствовал Крысун.

– Что-то вроде луж грязи. Их почти не видно. Но если угодишь в ту лужу ногой – она тебе ногу до самой кости обьест.

– А на рудниках такой грязи нет?

– Не должно быть.

Крысун подумал, похмурил брови и нехотя признал:

– Да. Тогда, пожалуй, надо через рудники.

Громол зачесал длинные волосы назад, достал из кармана ленту и связал их на затылке.

– Пора, – сказал он и первым зашагал с пригорка вниз.

Глеб, Крысун и Айсарана направились за ним.

Чем ниже они спускались, тем плотнее становился белый туман. В долине выяснилось, что туман стелется по траве и не поднимается выше пояса.

Глеб почувствовал, как по спине его пробежала ледяная волна. Он со страхом вгляделся в белый туман, из которого торчали верхушки кустарников. Ему показалось, что он заметил черные тени, скользнувшие в белом молоке тумана.

– Громол! – взволнованно проговорил он. – Кажется, там...

– Волколаки, – кивнул Громол. – Приготовьте оружие.

Глеб почувствовал, что дрожит. Подрагивающей рукой вынул он из чехла ружье и взял его на изготовку.

Крысун вынул из ножен меч. Охоронец был бледен, под его маленькими глазками обозначились глубокие желто-фиолетовые тени.

– Интересно, сколько их? – нарочито бодрым голосом осведомился Глеб.

– Голов десять, – ответил Громол.

– Откуда ты знаешь?

Громол усмехнулся:

– Чувствую. Волколаки – твари осторожные. Они не сразу нападут. Сперва выждут подходящий момент.

Громол, внимательно вглядываясь в туман, снял с плеча лук и поправил за спиной колчан со стрелами. Глеб облизнул пересохшие губы. Сердце его учащенно билось, пальцы все еще слегка подрагивали.

– Может, уйдут? – спросил он.

Охотник покачал головой:

– Нет. У тебя шарик золотистый где?

Глеб хлопнул себя по карманам и ответил севшим от страха голосом:

– Потерял.

Стоявший рядом Крысун насупился и сказал с издевкой:

– Эх ты, растеряша.

Охоронец незаметно опустил руку в карман, надеясь найти там шарик, но пальцы его схватили только мусор на дне кармана. Шарика не было! Видать, обронил, пока по лесу ходил. Крысун досадливо крикнул, но признаваться Громолу и Глебу, ясное дело, не стал.

– Айсарана, – тихонько позвал Громол, – мы с Глебом и Крысуном встанем спиной к спине. А ты сядь меж нами.

– Еще чего! – сердито проговорила Айсарана. – Я тоже буду стрелять. Мой отец был хорошим лучником и научил меня.

Глеб увидел, как качнулась высокая трава в трех или четырех местах.

– Они нас обошли! – взволнованно прошептал он.

– Знаю, – тихо отозвался Громол, зорко вглядываясь в туман. Щека его едва заметно дернулась, из чего Глеб сделал вывод, что Громол тоже волнуется. А может быть, даже боится. Это наблюдение не прибавило Глебу смелости.

– Слушайте меня, – сказал Громол, хмуря брови. – Первым бросится вожак. Он сейчас правее тебя, Глеб, возле гнилой березы. Сразу за ним пойдет самец-секач с самыми большими и острыми клыками. Потом две самки – слева и справа. Они отрежут нам путь к отступлению. Вожака я беру на себя. А ты не прозевай секача. Стреляй в грудь. Она у него широкая, не промахнешься.

– Хорошо, – кивнул Глеб.

– Айсарана, – тихо позвал охотник.

– Что, дяденька Громол? – неожиданно тонким голосом откликнулась девушка.

– Самки пойдут сразу за секачом. Ты знаешь, что делать?

– Да.

– Стреляй в ту, что бросится слева. Если не попадешь, второй возможности не будет.

– Я поняла, – тихо ответила девушка.

Глеб заметил, что ее бьет озноб.

– Крысун, твоя самка будет справа, – сказал Громол.

– Я встречу ее как полагается, – шипло пробормотал Крысун, сжимая в руке меч.

Громол обмахнул себя охранным знаком и сказал:

– Да помогут нам боги!

И тут что-то произошло. Что-то огромное и черное ринулось на них из тумана. Громол молниеносно вскинул лук и выстрелил.

– Берегись! – рявкнул он в то же мгновение.

И Глеб увидел секача. Его оскаленная черная пасть стремительно наплывала из белого тумана. В голове у Глеба мелькнул образ: белое полотно экрана, и с него – прямо в зрительный зал выпрыгивает огромное черное чудовище.

Глеб вспотел от мгновенного ужаса, но реакция его не подвела – сказались три года тренировок в боксерской секции. Глебу ничего не нужно было делать, его руки все сделали сами.

Громыхнул выстрел, и волколак рухнул на землю с простреленной грудью. На секунду позже свистнула стрела, выпущенная Айсараной. Здоровенный волколак грохнулся оземь со стрелой в глотке.

Глеб увидел огромную тень справа от себя. Он резко повернулся, выхватывая меч. Но топор Громола опередил его и сокрушил голову зверя.

И тут другой волколак прыгнул Глебу на грудь. Зверь подмял его под себя и навалился сверху, но в последнее мгновение Глеб успел ткнуть ему в живот ружье и нажать на спуск. Прогремел выстрел.

Глеб увидел над собой оскаленную клыкастую пасть. Зловонная слюна капнула Орлову на щеку, и он почувствовал жгучую боль, словно в лицо ему плеснули чем-то едким.

– Громол! – крикнул он, изо всех сил сдерживая волколака. – Громол!

Морда волколака, удивительно похожая на чернокожее человеческое лицо, все же была мордой зверя. Выпуклые красные глаза, немного вытянутые вперед мощные челюсти, огромные клыки, не уместающиеся в пасти.

Глеб держался из последних сил. Он слышал рядом крик Айсараны. Слышал стук топора Громола, вдребезги разбивающего головы волколаков.

Глеб понял, что еще секунда, и зубы чудовища сомкнутся на его горле. Застонав от напряжения, он одним рывком приподнял над собой волколака, уперся ногами ему в живот и с силой оттолкнул его от себя.

Волколак отшатнулся, но тут же снова бросился на Глеба. Однако Глеб получил в свое распоряжение секунду, и эта секунда спасла ему жизнь. Он успел схватить с земли оброненный меч и выставить его перед собой. Волколак напоролся на лезвие меча и хрипло

взвыл. Под напором его тела меч едва не сломался.

Глеб спихнул с себя труп чудовища и увидел Крысуна. Тот стоял, ссутулившись, с окровавленным мечом в руке, и свирепо глядел по сторонам. Но нападение волколаков закончилось.

Охотник сидел на корточках, спиной к Глебу.

– Ты ранен? – спросил Громол, не оборачиваясь.

Глеб оглядел себя и ответил:

– Кажется, нет.

Затем приподнялся и сел на траве. Он увидел, что Громол склонился над Айсараной.

– Что с ней? – спросил Глеб взволнованно.

– Она мертва, – ответил охотник. И добавил: – Ты не убил секача. Он добрался до Айсараны.

– Но я выстрелил ему в грудь! Я попал!

– Ты только ранил его. Твоей вины здесь нет.

Охотник отстранился от девушки, и Глеб увидел нечто такое, отчего его всего передернуло. Живот Айсараны был распорот и выпотрошен. Глеб быстро отвел глаза.

– Она храбро сражалась, – сказал Громол.

– Верно, – поддакнул Крысун.

Охоронец подошел к Глебу, встал перед ним – лицом к лицу – и, усмехнувшись, проговорил:

– Если бы ты убил волколака, она была бы жива.

– Крысун! – окликнул его охотник.

Охоронец пожал плечами:

– Я лишь повторяю то, что ты сказал.

– Оставь Глеба в покое. Нужно отнести Айсарану к реке. Помогите мне.

Крысун глянул на Глеба ненавидящими глазами и быстро проговорил:

– Твой посох тебе не помог, колдун. Перун отвернулся от тебя.

Выпалив это, Крысун сплюнул Глебу под ноги, повернулся и шагнул к Громолу, расстилавшему на земле свой темный плащ.

Тело Айсараны сожгли возле реки. Обряд провели наскоро и скомканно, поскольку никто не знал, какой Айсарана веры. После сожжения Громол собрал останки девушки в берестяной кузовок и закопал его на пригорке. Потом сходил вниз, выкопал из ложбины молодую березку, снова взобрался на холм и вкопал березку на вершине пригорка.

– Она не приживется, – сказал Крысун, наблюдая за его работой.

Охотник на это ничего не сказал.

– Говорю тебе: не приживется, – продолжал настаивать Крысун.

Глебу до смерти захотелось сказать охоронцу все, что он о нем думает. Но Глеб сдержался. Его терзало чувство вины: ведь выстрелил он поточнее, и волколак-секач не смог бы подняться с земли и загрызть Айсарану.

Крысун, заметив его терзания, едко проговорил:

– Не мучь себя сомнениями, Глеб. Ты – всего лишь чужеземец, и охотник или воин из тебя никакой. Лучше бы ты отдал посох Перуна мне.

– Обойдешься, – глухо проговорил Глеб.

– Ну, как знаешь. В следующий раз волколак полакомится и твоими кишками.

Глеб побагровел, сжал кулаки и шагнул к тощему охоронцу. Громол мгновенно встал между ними.

– Не надо собачиться, – сказал он спокойно. – Глеб, у Крысуна черная душа и ядовитый язык. Но он нам нужен. Просто не обращай на него внимания.

Глеб отвернулся и разжал пальцы. Охотник помолчал немного, вздохнул и сказал:

– Вот, теперь нас трое. Мы миновали Моревские рудники и потеряли двоих. Впереди у нас Кишень-град. Да помогут нам боги пройти через него и остаться живыми.

Путники вышли из леса и в изумлении остановились. Перед ними простирался Кишень-град. Огромные белокаменные дома, величественные храмы, широкие улицы, наполненные людскими голосами и перезвоном колокола-троянды.

По улицам сновали люди. Торговцы и зазывалы бойко выкрикивали названия товаров, женщины сплетничали о новом наряде княжны, мужчины обсуждали последнюю охоту и спорили о размерах убитого моревского вепря. От печек несло запахом жареных пирожков. Дети бегали по улицам, таща за собой на веревочках чурбачки.

И вдруг небо озарила яркая вспышка. На мгновение люди застыли, уставившись в небо. А потом вдруг поднялся ужасный ураган. Он подхватил людей, лошадей, телеги с товаром и лавки со всем скарбом, взметнул все это в небо, покачнул дома и храмы, развалил их на части, превратил белокаменных красавцев в обрывки белого тумана и развеял их по ветру.

Крысун первым пришел в себя. Он тряхнул головой и пробормотал:

– Вот так видение!

– Мираж, – тихо, с замирающим сердцем, высказался Глеб.

– Морок, – мрачно проговорил Громол.

Каменные подклеты и полуразрушенные стены домов поросли травой.

Но самым ужасным было то, что земля вокруг домов была испещрена следами. На фоне звенящей тишины и явной заброшенности погостов эти следы выглядели противоестественно и ужасно.

Еще более удивительно выглядело небо над Кишенем. Оно было не голубым или серым, а грязновато-красным, почти бурым, и это несмотря на то, что до заката было еще далеко.

– К домам не суйтесь, – услышал Глеб голос охотника. – И будьте настороже. Нелюдь может напасть в любой миг.

Глеб передернул плечами.

– Хотел бы я знать, сколько уродов там прячется, – проворчал Крысун, поглядывая на разрушенные дома.

– Кто знает, – тихо отозвался охотник. – Пройдем через Кишень и выйдем в лес. Там должна быть тропа, и ведет та тропа к реке Протекайке.

– Может, все-таки обойти город? – неуверенно спросил Глеб. – Много времени мы не потеряем.

Громол покачал головой:

– Нельзя. Голодные прогалины сожрут нам ноги. Твой волшебный посох и мои стрелы против них – ничто.

– Ты ведь не видел эти прогалины сам? – прищурился Крысун.

Охотник покачал головой:

– Нет. Но добытки сказывали...

– Да плевать мне на твоих добытчиков! – нервно проговорил Крысун. – Я тоже через Кишень идти не хочу. Что, ежели я в логово нелюдей провалюсь, а ты меня не вытянешь?

Громол хмуро на него взглянул и открыл рот для ответа, но тут в развалинах города что-то громынуло. Путешественники замерли, напряженно вслушиваясь в угасающее эхо. Крысун судорожно схватился за амулет, висевший на шее, и забормотал:

– Велес-медведь, накрой нас своей власяницей, спаси от живых мертвецов, не открывай перед нами врата Нави!

– Громол, – тихо обратился к охотнику Глеб. – Может, рассказы про голодные прогалины – вранье? Давай хотя бы попробуем. Будем перед собой палкой землю щупать. Если земля палку жрать начнет, мы тут же обратно повернем.

– Дело говорит чужеземец, – согласился с ним Крысун. – Лес здесь страшный, но град Кишень еще страшнее.

Несколько секунд охотник думал, потом кивнул и сказал:

– Добро. Мы попробуем обойти Кишень.

Лучше бы он этого не говорил. Гиблая чащоба в этом месте была особенно темной и мрачной. Деревья стояли черные, кривые, словно великаны, которые, увидев несущийся по небу огненный шар, заслонились от ужаса руками, пригнули головы, припали к земле и обратились в дубы, осины и пихты.

Подлесок был жиденький. Жухлая трава ржавого цвета, редкие, словно выгрызенные монстрами черные кустарники. Там и сям из влажной земли торчали странные грибы. Первое время Крысун внимательно к ним приглядывался, надеясь узреть лиловый гриб бессмертия, о котором ему рассказывал в кружале один пьяный промысловик. Потом, когда под ногами зачавкало сильнее, охоронец стал больше смотреть себе под ноги, чем по сторонам.

– Здесь очень страшный лес, – тихим от испуга голосом проговорил Крысун и поежился. – Я нутром чую, что быть беде.

Едва он это сказал, как в воздухе что-то мелькнуло, и ноги путников оторвались от земли. Миг – и они уже болтались в огромной сети, подвешенной к дереву.

Крысун отчаянно закричал и стал дергаться в сети, но чем больше он дергался, тем сильнее запутывался.

– Не шевелитесь! – крикнул Громол. – Это сеть Мамелфы! Теперь мы ее полонцы!

Крысун замер и с ужасом уставился на опутавшие его тело тонкие и прочные жгуты, которые, казалось, так и норовили впиться в кожу. Глеб сцепил зубы, чтобы не закричать от страха. Один только Громол выглядел спокойным, но Глеб заметил, что и его губы слегка побелели.

– Под нами не больше полутора сажен, – сказал он, глядя вниз. – Ежели удастся высвободиться, ног не переломаем.

Крысун тихонько заскулил.

– Угомонись, – сухо сказал ему охотник.

Крысун всхлипнул и спросил:

– Что она с нами сделает?

– То мне неизвестно.

– Да чего там ведать! Скормит нас своим упырям, и делу конец! Духи лесные...

Крысун, перебирая амулеты, стал возносить мольбы всем богам. Громол, попробовав жгуты ножом и поняв, что их не одолеть, вложил кинжал в ножны и замер. Вероятно, не хотел растрачивать силы попусту и берег их для решающего боя.

Глеб, несмотря на то что был ни жив ни мертв от ужаса, решил поступить так же.

С минуту Глеб и Громол сосредоточенно молчали. Слышалось лишь тихое поскуливание насмерть перепуганного и уже простившегося с жизнью Крысуна. Наконец охотник разомкнул уста, вскинул взгляд к небу и негромко, но четко проговорил:

– Бог Семаргл, крылатый пес Хорса-огнебога, помоги нам спастись от Мамелфы! Обереги от чар ея! Нашли на черное царствие лучи огнеострые!

Стоило Громулу это произнести, как из-за сгустившихся багровых туч выглянуло солнце. Желтый яркий луч пробился сквозь крону дуба и упал на сеть. В ту же секунду Громол издал победный клич, выхватил из ножен клинок и рубанул по сети в том месте, куда упал луч солнца. Глеб был не силен в сопромате, но и он понял, что случилось настоящее чудо. Сеть порвалась. Громол принялся резать и кромсать черные жгуты.

– Прыгаем! – крикнул Громол и ударил в последний раз.

Ветер просвистел у Глеба в ушах, но он успел сгруппироваться, а потому приземлился на землю относительно мягко. Благополучно приземлились и Громол с Крысуном.

Коснувшись земли, Громол тут же поднялся во весь рост и радостно проговорил:

– Хорс и Семаргл на нашей стороне! Однако на небе полно мороков, и нам надо спешить!

Он вложил кинжал из белого железа в ножны, поправил на плече котомку и колчан, затем поднял с земли оброненную, поросшую листьями палку, которой прощупывал почву, и

первым зашагал вперед.

Глеб и Крысун заковыляли за ним.

8

Громол воспрял духом и даже что-то тихо напевал себе под нос. У Глеба на душе тоже стало радостней. Если боги действительно существуют, то они определенно на их стороне.

Громол быстро продвигался вперед, работая веткой, как щупом. Крысун, который, судя по блестящим глазкам, тоже взбодрился, спросил:

– Слышь, охотник. А что ты будешь делать, когда вернешься назад?

– Жить, – ответил, не оборачиваясь, Громол.

– Ну, это понятно. А как жить-то? Богато али как?

– Как раньше жил, так и буду.

– В этом я сомневаюсь. Ты ведь только на вид прост, а так – тоже себе на уме.

– Черный у тебя язык, Крысун.

– Черный, говоришь? Кхех... Я ведь заметил, как ты возле чудных вещей, что мы находили, веточки втыкал.

Глеб удивленно посмотрел на Крысуна:

– А мы находили?

– А то. Только Громол их тут же сверху землицей присыпал. Или дерном забрасывал.

– Громол, это правда?

Охотник не ответил.

– Видишь – молчит, – удовлетворенно констатировал Крысун. – Молчит, потому как вину на себе знает. Эх, Глеб, Глеб, наивная ты душа. Оставит нас с тобой охотник у Пепельного озера, а сам по своим следам обратно вернется. А по пути вещичек кудесных насобирает. Да еще и бурой пыли наберет. Я ее по пути в трех местах видел. А Громол глазастее меня, он ее куда больше моего приметил.

– Заткнулся бы ты, охоронец.

– Ладно, заткнусь. А то ведь ты сам меня заткнешь. А со мной и Глеба...

Громол, гневно сверкнув глазами, повернулся к Крысуну. Обернулся, но по инерции сделал еще один шаг, не прощупав землю веткой.

И вдруг что-то громко чавкнуло, и Громол ошарашенно посмотрел себе под ноги. Его правый сапог угодил в едва приметную лужицу грязи, и грязь со звериным чавканьем опутала жидкими щупальцами его сапог.

Громол закричал от боли. Глеб тут же схватил его за плечи и рванул на себя.

– Голодная прогалина! – выдохнул Крысун.

Глеб нагнулся, ухватился за чистый край сапога Громола и сдернул его с ноги охотника. Голодная грязь успела втечь в сапог, и ступня охотника поблескивала от крови. Судя по шипяще-чавкающему звуку, грязь продолжала пожирать ногу Громола.

– Крысун! – в отчаянии крикнул Глеб. – Дай воду!

Охоронец скинул с плеча мешок, ослабил дрожащими пальцами веревку, достал оловянную флягу и передал ее Глебу. Тот быстро вынул затычку и принялся лить воду на окровавленную ногу охотника.

Громол закусил губу и молча переживал свои мучения. Глеб лил, пока фляга не опустела.

Смыв ядовитую землю, Глеб оглядел раны Громола. Земляная кислота проела ему кожу в трех местах и еще в одном выела довольно большой кусок мяса. Глебу даже показалось, что он увидел на дне раны белую кость.

Однако кровь, как ни странно, остановилась, и края раны запеклись, словно их прижгли головней.

Глеб взглянул на лицо Громола. Лицо охотника было мертвенно-бледным, на обескровленных губах застыла розоватая пена, а глаза глубоко запали в глазницы и стали

похожи на две блестящие монетки, втопанные в грязь.

Только сейчас Глеб понял, какую невыносимую боль испытывает охотник.

– Нужно перевязать, – решил Глеб.

Громол попытался что-то сказать, но не смог и снова сцепил зубы.

– В котомке есть кузовок с заживляющей мазью, – угрюмо проговорил Крысун. – Смажь дыру, перед тем как перетягивать.

Глеб потянулся к котомке, а Крысун уселся на пенек, отер рукою потный лысоватый лоб и хмуро уставился на лужицу грязи.

– Вот, значит, она какая – голодная прогалина, – тихо произнес он.

Глеб обильно смазал раны заживляющей мазью.

– Жаль, мертвой воды не набрали. Помогла бы.

– А ты за ней сходи, – насмешливо посоветовал Крысун. – Если повезет, дотемна обернешься.

Глеб покосился на него и гневно проговорил:

– Молчал бы ты, крысиная башка. Ты Громола разговорами отвлекал. Из-за тебя он в голодную прогалину вляпался.

Крысун хмыкнул, но ничего на это не сказал. Да и что тут было говорить?

Глеб разорвал свою нижнюю рубаху на лоскуты и бережно перевязал охотнику ноги.

– Готово, – сказал он. – Попробуешь встать?

– Да...

Глеб протянул Громолу руку. Охотник ухватился за нее и осторожно поднялся на ноги. Лицо его болезненно дернулось.

– Сильно болит? – участливо спросил Глеб.

Охотник растянул губы в безжизненную улыбку и глухо ответил:

– Совладаю.

– Идти сможешь?

– Смогу.

Крысун угрюмо посмотрел на замотанную ногу охотника, перевел взгляд на катившееся к западу солнце и тревожно проговорил:

– Нам лучше поторопиться.

9

Путь назад, к Кишеню, занял больше времени, чем путь до проклятой прогалины. Громол вел себя так, словно нога его была в порядке. Только мертвенно-бледное лицо, легкая хромота да испарина на лбу выдавали его страдания.

У границы Кишеня он вытер рукавом потное серое лицо и сказал:

– Я пойду первым.

И, не дожидаясь возражений, тяжело опираясь на палку, двинулся вперед. Глеб пошел рядом, чтобы, случись что, поддержать охотника. Крысун поплелся позади, держась от них на порядочном расстоянии, чтобы в случае опасности успеть дать деру.

По Кишень-граду шли медленно. Громол явно осторожничал, но Крысуну хватило ума его не подгонять.

– Велес-медведь, накрой нас своей власяницей... – сбивчиво шептал за спиной у Глеба Крысун. – Упаси от нежити ходячей и от нелюди... не открывай перед нами врата Нави... Укрепи сыру землю под нашими стопами...

Громол тоже бормотал заклинания, но так тихо, что Глеб ничего не мог разобрать. Лишь пару раз до его слуха долетели отголоски фраз, из которых он понял, что Громол вновь призывает на помощь какого-то крылатого пса и его солнечного хозяина.

Они медленно продвигались между развалинами. От земли и уцелевших стен веяло сыростью и холодком.

Глеб боялся даже дышать. Ему казалось, что за каждым камнем, за каждой гнилой

балкой скрывается мертвец или нелюдь, и это чудовище в любой момент может выскочить, схватить его и утащить в подвал разрушенного дома.

– Смотрите! – тихо воскликнул Крысун.

Глеб обернулся, взглянул туда, куда показывал охоронец, и увидел на полуразрушенной белокаменной кладке черную тень.

Путники взялись за оружие и завертели головами, ожидая увидеть существо, которое отбрасывало эту тень, но никого поблизости не увидели.

Крысун сглотнул слюну и испуганно забормотал:

– Я про это слышал. Говорят, когда с неба упала звезда, люди вспыхнули, как факелы. Некоторые сгорели так быстро, что их тени не успели за ними. И теперь эти тени ходят по улицам Кишеня беспризорными сиротами. О боги, она исчезла!

Глеб и сам это видел. От тени не осталось следа, словно она испарилась.

– Идем, – сказал Громол, повернулся и зашагал дальше.

Крысун и Глеб двинулись за ним. Еще несколько минут они шли в полной тишине. И вдруг неподалеку кто-то тихо засмеялся. Потом смех оборвался и послышался удаляющийся топот чьих-то башмаков.

– Тени не могут смеяться, – подрагивающим голосом проговорил Крысун.

– То были не тени, – сказал Громол. – То была нелюдь. Они знают, что мы здесь. Держите наготове мечи и прикройте щитами.

Крысун и Глеб сделали, как он велел.

Чтобы не думать о нелюди и упырях, Орлов стал думать о футболе.

Почему Зырянов с Анюковым пошли на Терри, а Оуэн остался неприкрытым? Нужно собраннее играть и не допускать глупых ошибок. Ведь можем же сделать англичан, можем! Если оборона не подведет и Аршавин с Павлюченко моменты не растратят, в Лужниках мы выстоим. Выстоим и победим. Два–один в нашу пользу – в сущности, не такой уж фантастический счет.

Вдруг Крысун, нагнавший Глеба и уже несколько шагов шедший рядом с ним, пропал. Случилось это почти молниеносно – только что Крысун был здесь, и вот его уже нет.

Глеб остолбенел. Он стоял посреди Кишеня и с ужасом смотрел на провал земли, из которого доносился сдавленный крик Крысуна:

– Громол! Громол!

Охотник быстро сдернул с плеча моток веревки и швырнул ее конец в черную дыру провала.

– Глеб, тяни! – крикнул охотник.

Глеб, почти не сознавая, что делает, схватился за веревку и стал тянуть.

– Жирков накручивает Ричардса и пасует Билялетдинову... – бормотал он, как заклинание. – Билялетдинов бьет по воротам Робинсона... Черт... Мимо...

Вот голова Крысуна, грязная, всклокоченная, показалась над провалом.

– Быстрее! – крикнул он полным ужаса голосом.

И Глеб стал тянуть быстрее.

– Не смотри вниз! – сказал Громол.

Но Глеб не удержался, посмотрел. На дне провала он увидел женщину. Она была одета в рубище, а на лице ее, худом, морщинистом и изможденном, вместо человеческого носа был мясистый клюв.

На руках она держала маленького ребенка, спина и бока которого были покрыты шерстью. Тот тихо хныкал и пытался поймать губами сосок матери.

К горлу Глеба подкатила тошнота. Голова его закружилась, и он покачнулся. Если бы Громол не схватил Орлова за руку, тот бы почти наверняка рухнул в провал.

– Идем, – хрипло сказал Громол и потащил Глеба прочь от провала.

– Это все не на самом деле, – сдавленно бормотал Глеб, перебирая ватными ногами. – Это галлюцинация... Видение... Я болен... Это просто мой кошмарный сон...

Путникам понадобилось не меньше получаса, чтобы пересечь Кишень. На выходе из

города, снова вступая в черный влажный лес, Громол сказал:

– Мы сотворили много шума. Теперь вся кишенская нелюдь знает, что мы здесь.

– Они легко найдут нас по кровавому следу, который тянется за тобой, – угрюмо сказал Крысун.

Громол опустил взгляд и увидел, что тряпка на его покалеченной ноге взмокла от крови.

– Может, заново перемотаем? – спросил Глеб.

Охотник покачал головой:

– Нет. Это не поможет. Нужно поскорее добраться до Протекайки и соорудить плот. В речную стремнину темные твари не сунутся.

– Как же ты дойдешь? – удивился Крысун, глядя на ногу охотника. – Ты же теперь калика.

– Ничего, дойду, – отозвался Громол. – Только отыщите мне палочку покрепче. Эта вот-вот сломается.

Палку нашел Глеб, пока Крысун гадил за деревом, ругая на чем свет стоит вяленую оленину и сушеные яблоки. Громол достал нож и быстро счистил сучки. Затем оперся о получившийся посох и тяжело поднялся с пенька.

– Ну вот, – сказал он. – Теперь можем идти дальше.

10

По лесу шли долго. Может, полчаса, а может, и весь час. Глеб потерял ощущение времени. В душе у него не осталось ни надежды, ни любопытства, ни удали. Из всех чувств остался лишь страх.

В каждом шорохе за спиной Глебу чудились шаги нелюди. Услышав скрип или щелчок ветви, он тут же представлял себе, как синеватые когти урода скребут по коре дерева.

Крысун, судя по всему, чувствовал себя не лучше. Глеб видел, что руки и голова охоронца мелко подрагивают.

И только Громол выглядел невозмутимым. Тяжело опираясь на палку, он упрямо шел вперед. Там, куда ступала покалеченная нога охотника, оставался кровавый отпечаток. Глеб видел поблескивающую на земле кровь, и ему казалось, что он даже чувствует запах этой крови.

Тропа была широкая и чистая – ни бурьяна, ни клочка вездесущей бурой травы. Такое ощущение, что все эти годы по ней не переставали ходить. Глеб вдруг подумал, что трое мужчин на широкой пустынной дороге, тянущейся через черную чащобу, – слишком удобная цель.

– Громол, – тихо позвал Глеб. – Может, нам сойти с тропы и пойти по лесу?

– Зачем? – поинтересовался охотник.

– Здесь мы слишком заметны.

– В лесу будет еще плоше, – сказал Громол. – Темные твари могут хорониться за любым деревом.

– Да... – Глеб вздохнул. – Ты прав.

Вдруг Громол остановился и прислушался. Глеб и Крысун тоже остановились и тоже прислушались. Крысун сглотнул слюну (кадык на его шее дернулся, как голова птенца) и хрипло прошептал:

– Ты что-то слыши...

– Пришло время последней битвы! – грозно отчеканил Громол. Он откинул палку, вынул из ножен заговоренный меч и храбро повернулся к лесу.

Фраза эта, произнесенная спокойным, уверенным голосом, вселила в сердце Глеба такой лютый ужас, что у него похолодели руки. И хотя он еще не увидел врага, в ней, в этой фразе, чувствовалась какая-то обреченность.

Глеб дрожащей рукой вытянул из ножен меч. Он все еще не видел, с кем нужно

сражаться, и в глубине души надеялся, что Громол ошибся. Охотник потерял много крови... Мало ли, что ему могло привидеться в лесной тишине.

Но прошла еще секунда, и Глеб понял, что Громол не ошибся.

Из-за деревьев стали выходить странные существа. Пять... Десять... Пятнадцать... Все они были похожи на людей, но их уродства не позволяли думать о них как о людях.

Носы-хоботы, носы-клювы, странные круглые глаза, трехпалые руки, поросшие густой шерстью лица...

Нелюдь тихо, почти бесшумно двинулась на путников. Громол, холодно глядя на приближающихся врагов, проговорил:

– Глеб, Крысун, спешите к реке. Я попробую их сдержать.

В сердце Глеба затеплилась надежда, он был рад повернуться и броситься к реке бегом, но совесть не позволила ему этого сделать.

– Ты не справишься один, – сказал Глеб.

– Ты не знаешь меня, – возразил Громол. – Спешите к реке, спустите на воду бревно и сплавляйтесь по течению. Ну же! – рявкнул он вдруг, да так громко и страшно, что Глеб сорвался с места и понесся по лесу.

Тощая спина Крысуна уже маячила впереди. Отбежав метров на сто, Глеб оглянулся. Позади кипела битва. Громол рубил обступившим его уродам головы мечом, рассекал грудины острым скрамасаксом.

Он был страшен в этот миг своей звериной лютостью. Увидев, что Глеб остановился, охотник крикнул:

– Чего ждешь? Беги!

Один из уродов оглянулся на Глеба, но топор Громола обрушился ему на голову, разрубил ее, словно кочан капусты.

Глеб повернулся и побежал за Крысуном.

Минут через двадцать они были у реки Протекайки. Крысун добежал первым, остановился на берегу и уставился на речную гладь.

Вода была страшная – поросшая какой-то странной шевелящейся тиной, вся в бурых сгустках и подтеках. И смердело от нее, будто от выгребной ямы.

Крысун опустил меч и процедил сквозь зубы:

– Я туда не полезу.

– У нас нет выхода, – сказал Глеб. – Здесь неподалеку настоящий бурелом. Если мы притащим бревно...

– Я сказал: я туда не полезу, – повысил голос Крысун.

– Ну и черт с тобой! – вспылil Глеб. – Дотащу бревно только для себя. Но если задумаешь присоединиться к моему бревну, дам по башке мечом!

Он повернулся и зашагал к бурелому. Крысун несколько секунд стоял неподвижно, хмурия брови и глядя вслед Глебу мрачным, ненавидящим взглядом, потом вздохнул и поплелся следом.

Подходящее бревно нашли сразу же. Не сговариваясь, схватились за концы и торопливо потащили бревно к реке. У реки швырнули его на траву и перевели дух.

– Ну что? – хрипло спросил Глеб, глядя на страшную вонючую воду Протекайки. – Пошли, что ли?

Крысун поежился.

– А что, ежели эта вода ядовитая? – спросил он.

– А ты ее не пей, – с мрачной усмешкой посоветовал охоронцу Глеб. – И вообще, хватит скулить. Не хочешь в реку – топай в лес.

Зрачки Крысуна сузились.

– Ты стал смел на язык, – неприязненно проговорил он. – И мне это не нравится.

– Не нравится – не слушай, – огрызнулся Глеб.

Крысун был на полголовы выше Глеба и, несмотря на худобу, выглядел весьма грозно и внушительно. Он сжал большие жилистые кулаки и сипло спросил:

– Ты думаешь, ты теперь на́больший?

– Я думаю, что нам пора отсюда сматываться, – ответил Глеб. – Но если ты хочешь остаться, я не буду возражать.

Крысун скривился.

– Ты мне надоел! – с ненавистью проговорил он.

Правая рука Крысуна быстро потянулась к рукояти меча. Глеб заметил это движение, мигом скинул с плеча ружье и наставил его на охоронца.

– Только попробуй, – с угрозой пророкотал он. – Дернешься, я сделаю в твоей башке огромную дыру.

Несколько секунд они молча разглядывали друг друга. И вдруг Крысун дернул голову вбок и быстро проговорил:

– Там кто-то идет!

Глеб глянул на лес. Заросли бузины раздвинулись, и на берег, подволакивая искалеченную ногу, выбрался Громол. Лицо его было испачкано кровью. Из головы, чуть выше левого виска, был вырван клочок волос.

– Громол! – изумленно воскликнул Крысун. – А где уроды?

– Осталась на тропе, – глухо ответил охотник.

Дышал он тяжело. Крысун перевел взгляд на окровавленный меч, который Громол все еще держал в руке, и изумленно пробормотал:

– Ты их всех перебил?

Охотник, не отвечая, вытер меч о высокую траву и вложил его в ножны. Затем взглянул на бревно и сказал:

– Доброе бревно. Несите с бурелома еще три. А я срежу ивовых прутьев.

Крысун растянул тонкие губы в улыбку.

– Громол, я так рад, что ты...

– Спешите, – оборвал его излияния охотник. – У нас мало времени.

– Да-да... Идем, Глеб!

И Крысун, демонстрируя лояльность, первым шагнул в лес.

Через полчаса четыре бревна лежали на берегу. Глеб уселся на траву и вытер потный лоб. Мысленно Глеб поблагодарил тренера Нетребко за то, что тот сгонял с Глеба и его товарищей по семь потов перед каждым соревнованием. Кабы не занятия спортом, рухнул бы сейчас на траву и помер от бессилия.

– Глеб, Крысун, помогите мне! – сказал Громол, остановившись перед бревнами с длинными лозинами в руках.

Только сейчас Глеб разглядел в траве четыре березовых шеста. Их вместе с лозинами приволок откуда-то Громол.

Глеб, пошатываясь от усталости, поднялся на ноги.

– Делайте, как скажу, – распорядился охотник.

И они взялись за работу. Время от времени, ворочая бревна, Глеб бросал взгляды на ногу Громола. Тряпка, стягивающая рану, распухла, набрякла и подсохла, и вместо ступни у Громола теперь было нечто багровое, бесформенное и жутковатое.

Но охотник, казалось, позабыл про рану. Он работал ловко и скоро. Бревна сложили вместе, снизу подложили два березовых шеста, сверху – еще два, переплели их ивовыми прутьями.

Плот был готов.

– Ну вот, – сказал Громол, выпрямляясь и отирая ладонью потный лоб. – Теперь...

Что-то клокотнуло у него во рту, а лицо дрогнуло и посерело. Из-за спины Громола вышагнул Крысун. В руке охоронец держал нож, и с ножа этого капала кровь.

– Конец охотнику, – хрипло выговорил Крысун и тихо засмеялся.

Глава седьмая

Громол покачнулся и рухнул на землю.

Глеб не верил собственным глазам. Крысун ударил Громола ножом в спину? Может ли такое быть? Но факт оставался фактом. Глеб сжал кулаки и двинулся на Крысуна.

– Стой, где стоишь, чужеземец! – крикнул Крысун и наступил ногой на ружье и меч Глеба, лежавшие в траве. – Ты безоружен! А у меня нож, и я отлично им владею!

Глеб остановился.

– Мразь, – процедил сквозь зубы Глеб. – Ты ударил его в спину.

– И что с того? – насмешливо осведомился Крысун.

Глеб подавил в душе волну клокочущего гнева и тихо проговорил:

– Позволь, я обработаю ему рану.

Крысун покачал головой:

– Нет. Громол подышает. Я ударил его под левую лопатку.

– Крысун... – захрипел на траве охотник. – Пошто сгубил?.. Змей...

Он попытался поднять голову, но не смог. Кровь из раны в спине лилась широким потоком и уже собралась на земле в большую лужу.

Крысун поднял из травы ружье, переломил ствол, вынул из него патроны и швырнул в траву. Должно быть, видел, как это делает Глеб. В чем в чем, а в наблюдательности этому мерзавцу не откажешь.

Крысун сложил ружье и швырнул его Глебу:

– Держи свой посох.

– Ты возвращаешь его мне? – не поверил ушам Глеб.

– Он тяжел, а без этих маленьких штук безопасен. Тащи его сам.

Глеб поднял ружье и закинул его за плечо. Крысун перевел взгляд на охотника.

– Прости, Громол. Ты хороший человек. Но ты застил мне путь, и я должен был тебя убить. Хошь – добыю, чтоб не мучался?

Громол не ответил. Крысун взгляделся в лицо охотника и выдохнул:

– Сам помер! Вот и ладно. Эй, чужеземец, – снова окликнул он Глеба, – бери узлы и топай вперед!

Орлов взял мешки и закинул их за спину.

– Мразь ты, Крысун, – угрюмо проговорил он. – Мразь и предатель.

– Сам знаю, – спокойно отозвался охоронец. – Но нас с тобой теперь двое, и собачиться нам недосуг. Если сгинем – то сгинем оба. В одиночку и часа тут не продержаться.

– Надо предать тело Громола огню. Не сожжем – в упыря превратится.

Крысун дернул щекой:

– Пускай его. Упырем больше, упырем меньше. Нам теперь задерживаться нельзя. Коли сплавимся по реке, до Пепельного озера всего полчаса.

Сплавались. И доплыли даже быстрее, чем предполагал Крысун. Едва Глеб выпустил из рук шест, чтобы дать отдохнуть натруженным мышцам, как охоронец возбужденно проговорил:

– Вон оно – Пепельное озеро!

Глеб глянул, куда он показывал, и увидел огромную гладь воды пепельно-бурого цвета, простирающуюся прямо по курсу.

Крысун засмеялся.

– Ну, таперича мы...

Что-то ударило Глебу в грудь и сшибло его с плота в воду. Крысун с громким плеском повалился следом за ним.

– Что случилось! – крикнул Глеб, барахтаясь в воде.

– Мель! – крикнул в ответ Крысун.

Однако никакой мели не было. Плот, потеряв сплавщиков, даже не остановился. Он

стремительно миновал устье реки и поплыл дальше.

Глеб повернул к берегу и поплыл стремительными рывками, держа голову над поверхностью и боясь хлебнуть страшной, ядовитой воды.

– Обожди! – крикнул Крысун и по-собачьи заработал руками и ногами.

Наконец Глеб почувствовал под ногами дно. Хрипя от усталости, он побрел к берегу. Ружье слетело с плеча, и Глебу пришлось остановиться, чтобы вернуть его на место. А сзади уже барахтался в воде Крысун.

Услышав плеск, Орлов обернулся, и как раз вовремя – Крысун выскочил из воды и бросился на него с кинжалом. Однако вода замедлила движения охоронца, и Глеб, стоявший выше, опередил его. Он сорвал с плеча мокрое ружье и двинул Крысуна прикладом по лбу.

Голова Крысуна скрылась в воде. Глеб шагнул к нему, сунул в воду руку, схватил захлебывающегося охоронца за волосы и потащил его к берегу.

Пять минут спустя они лежали на берегу озера и, хрипло хватая ртами воздух, пытались восстановить дыхание. В одной руке Глеб держал ружье, а в другой – кинжал-скрамасакс, отобранный у подлого Крысуна.

Немного отдышавшись, Орлов приподнял голову и взглянул на озеро. Брошенный плот дрейфовал вдоль берега. В отдалении виделись темные очертания острова.

Глеб сел и перевел взгляд на Крысуна.

– Слышь, ты... – неприязненно проговорил он. – Что-то сбросило нас с плота.

– О чем ты? – хрипло спросил Крысун.

– Не знаю... Что-то ударило меня в грудь.

Крысун с трудом приподнялся и тут же плюхнулся тощей задницей на мокрую траву.

– Меня тоже кто-то сшиб, – сказал он, не глядя на Глеба.

– Ты успел что-нибудь увидеть?

Крысун покачал головой:

– Нет. Только что-то вспыхнуло перед глазами, и будто кто-то по ребрам молотом двинул.

Крысун опустил взгляд на свою хилую грудь, словно ожидал увидеть там торчащие переломанные ребра.

Глеб тяжело поднялся на ноги, закинул ружье на плечо и заковылял к озеру. Крысун остался сидеть на траве и лишь глядел Глебу вслед.

Солнце уже коснулось глади озера. Еще чуть-чуть, и стемнеет. И тогда...

Глеб прогнал от себя страшные мысли. Подойдя к кромке пепельно-бурой воды, он наклонился, чтобы разглядеть воду получше, и тут лоб его обо что-то стукнулся, а по телу пробежало что-то вроде электрического разряда.

Глеб испуганно отступил и едва не упал, споткнувшись о камень.

– Что там? – взволнованно спросил Крысун.

– Озеро нас не пускает, – сам не веря своим словам, пробормотал Глеб. – Будто невидимая стена...

– Стена?

Крысун поднялся на ноги и заковылял к озеру. А Глеб нагнулся, взял с земли камень и швырнул его в озеро. Пролетев метров двадцать, камень шлепнулся в воду.

– Стена пропустила камень, – задумчиво произнес Глеб. – И плот. Но не пустила нас.

Глеб снова нагнулся, схватил скачущую мимо лягушку за лапу и швырнул ее вслед за камнем. Лягушка пролетела с полсажени, но наткнулась на невидимую стену и отлетела назад.

– Она пропустила камень и плот, – повторил Глеб. – Но не пропустила нас. Как думаешь, почему?

Крысун наморщил сухой лоб, и вдруг лицо его дрогнуло.

– Потому, что мы... живые? – изумленно проговорил он.

– Да. Похоже на то. Но давай проверим еще раз.

Несколько минут Глеб и Крысун были заняты тем, что швыряли в озеро все, что

попадалось им под руки – камни, палки, пучки травы. И все это, не встретив никакого препятствия, благополучно падало в воду.

Потом Крысун поймал лягушку и попытался зашвырнуть ее подальше. Но тело лягушки, достигнув границы озера, шлепнулось о невидимую преграду и отлетело на берег.

Крысун отступил на шаг, долго таращился на озеро, потом перевел взгляд на Глеба и уныло произнес:

– Мы не сможем войти в Пепельное озеро.

– Не сможем, – вынужден был согласиться Глеб.

Крысун отвернулся от острова и зябко повел плечами.

– Я страшно продрог, – хрипло проговорил он. – Если твое волшебное огниво не сломалось, давай разожжем костер.

2

Стальная бензиновая зажигалка «Зиппо» не подвела. Язычок пламени лизнул траву и сухие ветки, и костерок занялся, затрещал. Вокруг сразу сделалось темно и неудобно.

– Плот прибило к берегу, – сказал Крысун, глянув на озеро. – Может, вытащим?

– Давай, – согласился Глеб.

Они поднялись с травы и зашагали к озеру. Чем дальше они отходили от костра, тем жутче делалось вокруг и беспокойнее на сердце. Ночь здесь была тоже не такая, как везде. Небо потемнело, но сохранило свой багровый оттенок. Луна взошла розоватая и казалась больше, чем обычно. Звезд же не было совсем.

Невидимая стена, пропускающая только мертвых, не пустила Глеба и Крысуна к плоту, но они нашли длинные сучковатые палки и с их помощью сумели зацепить плот и на четверть втащить его на берег.

Работали молча. Глебу было противно разговаривать с охоронцем. Он немного жалел, что помог мерзавцу выбраться из воды. Но в то же время понимал, что иначе поступить он просто не мог. Сейчас, лишившись оружия, Крысун вел себя смирно и почти дружелюбно – словно это не он два часа назад убил Громола. Глеб же до поры до времени решил не напоминать мерзавцу о том, что случилось, и делать вид, что у них все в порядке.

Втащив плот, они снова пошли к костру, но вдруг Глеб остановился. Пройдя несколько шагов, остановился и Крысун.

– Ты чего? – спросил он Глеба.

– Кажется, я придумал.

– Что?

Глаза Глеба взволнованно замерцали.

– У меня есть одна идея, Крысун. Сможешь поймать еще одну лягушку?

– Зачем?

– Поймай!

– Ладно.

Крысун вернулся к озеру, постоял немного, всматриваясь в траву, потом резко нагнулся, сгреб лягушку ладонью и протянул Глебу:

– Держи.

– Стукни ее, чтобы она оцепенела, – распорядился Глеб. – Но не убивай.

Охоронец усмехнулся, присел на корточки и легонько стукнул лягушку головой о камень.

– Готово, – сказал он.

– А теперь швырни в озеро! – приказал Глеб.

Крысун удивленно посмотрел на Глеба, и вдруг веки его дрогнули. Кажется, он догадался.

– Ну же! – поторопил Глеб.

Охоронец вскочил на ноги, размахнулся и швырнул лягушку в озеро. Лягушка

пролетела пару сажень и шлепнулась в воду.

Глеб улыбнулся.

– «Осеннее утро. Лягушка прыгнула в воду. Всплеск в тишине», – продекламировал он.

– Чего? – не понял Крысун.

– Стихи одного японца. Ты уверен, что не убил ее?

– Конечно. Гляди! – Охоронец ткнул пальцем в сторону озера. – Она плывет!

Глеб вгляделся в темень и убедился, что Крысун прав.

– Лягушка была без сознания, – проговорил Глеб, задумчиво прищуриваясь. – И стена пропустила ее. Понимаешь, Крысун?

– Кто-то должен вышибить из нас дух, чтобы стена пропустила нас?

Глеб кивнул:

– Верно. Невидимая стена пропускает только мертвую материю. Но она не в силах отличить сон от смерти.

– Значит, если мы будем спать, стена...

– Стена пропустит нас!

Крысун потер длинными пальцами впалые виски.

– Чудно все это, – глухо пробормотал он. – Чудно и страшно.

– Страшно, но осуществимо. Ты должен ударить меня камнем по голове.

Крысун убрал пальцы от висков и выпучил на Глеба глаза:

– Что-о?

– Ты оглушишь меня камнем. Потом положишь меня на плот и оттолкнешь плот шестом от берега. Я буду дрейфовать по озеру, пока не приду в себя. А потом... Потом возьмусь за весло и погребу к острову.

Глеб повернулся и зашагал к лесу.

– Куда ты? – встревоженно окликнул Крысун.

– Хочу срезать палку для весла!

Вскоре подходящая палка была найдена и срезана. Изготовлением весла Глеб занялся сам. Крысун посмотрел, как он строгают кинжалом палку, и спросил:

– Чужеземец, а ты не боишься?

– Чего? – не отрываясь от работы, спросил Глеб.

– Того, что я ударю слишком сильно.

Глеб усмехнулся.

– Может, и ударишь. Только у меня все равно нет другого выхода. Без пробуди-травы нам возврата нет. И мне, и тебе.

– А мне-то почему?

– Потому что с тех пор, как ты записался в доброходы, ты стал одним из нас. Если Наталья умрет, князь Аскольд будет вне себя от ярости. И он выместит ярость на твоей глупой крысиной башке.

Охоронец задумался.

– Да... – проговорил он, морща сухой лоб. – Пожалуй, ты прав. Если мы не принесем траву, князь укатает меня в темницу. И это еще в лучшем случае.

Крысун поглядел на языки костра, подбросил туда немного валежника и вздохнул.

– Я боюсь тебя бить, чужеземец, – признался он. – Что, если я просто не рассчитаю силы? Если я останусь один, меня сожрут оборотни.

– Если мы будем вдвоем, они все равно нас сожрут, – возразил Глеб. – Разожги несколько костров. Нечисть будет кружить вокруг тебя, но за костры не сунется. Это будет страшно, но ты потерпишь. Кроме того, я оставлю тебе заговоренный кинжал.

– А посох? – спросил Крысун. – Ты оставишь мне свой посох?

Глеб покачал головой:

– Нет. Кто знает, что меня ждет на острове? И потом, ты все равно не умеешь им

пользоваться.

– Я видел, как это делаешь ты.

– Видеть мало. Если ты будешь неправильно с ним обращаться, он расшибет тебе голову.

Крысун опасливо глянул на черный приклад ружья, торчащий у Орлова из-за плеча. С минуту оба молчали. Глеб занимался веслом, Крысун напряженно о чем-то размышлял.

– Ну вот – готово! – сказал наконец Глеб и поставил готовое весло черенком на землю. – Выглядит, конечно, не очень, но в деле ему не будет равных!

Крысун окинул критическим взглядом весло и с усмешкой проговорил:

– Тебе придется очень сильно постараться, чтобы заставить плот двигаться в нужном направлении.

– Придется, так постараюсь. У нас мало времени, Крысун. Давай наберем побольше валежника для костров.

3

Собирая валежник, Крысун тихонько свистнул, не рассчитывая на ответный сигнал. Но из-за деревьев раздался такой же тихий свист.

– Невзор? – тихо позвал охоронец. – Беркут, ты, что ли?

– Я.

Разбойник вышагнул из-за дерева.

– Ты прошел через Кишень? – удивленно проговорил Крысун.

– Сам видишь, что прошел, – ответил Беркут мрачным голосом. – Но теперь нас только шестеро. Газарцев и пятерых моих ватажников сгубила темная нелюдь. Мы поубивали много уродов, а остальных загнали в подвалы и подклеты. Ну а у вас что?

– Мы вдвоем с чужеземцем. Озеро не пускает живых. Чужеземец просит, чтобы я ударил его по голове камнем и положил на плот.

– Это хорошо.

– И ты не спрашиваешь: зачем ему это? – удивленно спросил охоронец.

Невзор хмыкнул.

– Мне без разницы. Главное – вдарь посильнее. Размозжи колдуну башку.

– Но ведь надо, чтобы он добрался до острова.

Беркут дернул загорелой щекой.

– Ну его к лешему, этот остров! Мы нашли много чудных вещей. Мы видели бурую пыль. Много бурой пыли! И мы теперь знаем верную дорогу в Гиблое место. Мы будем богачами, Крысун! Забери посох Перуна и убей чужеземца. А на обратном пути я разрешу тебе забрать все чудные вещи, какие мы с ватажниками под мох закопали.

Крысун несколько секунд размышлял, потом прерывисто вздохнул.

– Хорошо... Только ты будь поблизости.

– Буду. Куды ж я денусь.

– Как только колдуна сгублю, крикну пять раз выпью. Ты уж поторопись забрать меня.

– Сделаю, – кивнул Беркут. – Только покончи с ним побыстрее. Меня уже с души воротит от этого Гиблого места со всеми его чудищами.

Охоронец грустно усмехнулся.

– А кого не воротит?

Вернувшись на берег, Крысун свалил вязанку дров на землю и отер рукавом рубахи потный лоб. После встречи с Беркутом он заметно прибодрился. Теперь он знал, что не останется один. Невзор Беркут – мужик отчаянный. Он нелюдь кишенскую так пужнул, что она по подвалам да погребам попряталась и не скоро теперь вылезет.

Подошел Глеб и свалил свои дрова рядом с дровами Крысуна. На его щеках играл румянец, глаза лихорадочно блестели.

– Ты будто браги выпил, – заметил с удивлением Крысун.
Глеб усмехнулся.
– Может, и выпил. Да не бойся – шучу!
Крысун сдвинул брови и тихо проговорил:
– И чего веселится человек? Эй, колдун, ты ведь знаешь, что не вернешься с того острова.
– Скорей всего, не вернусь, – согласился Глеб.
– И ты не боишься?
Глеб подумал, пожал плечами:
– Не знаю. Устал я от вас, крысья башка. От ваших Перунов, мечей, волколаков. А домой вернуться надежды нет. Сгину, так невелика беда. Жаль только, что княжна помрет.
Уголки тонких губ охоронца слегка приподнялись.
– Любишь ее? – с любопытством спросил он.
– Не знаю. Понимаешь, у нее такое лицо... С чем-то родным связано. Будто я ее раньше где-то видел. Давно, не в этой жизни.
– Может, она тебе во сне привиделась? – предположил Крысун.
– Может, и во сне, – согласился Орлов. – В любом случае, для меня ее лицо – точно свет в оконце. – Глеб усмехнулся и повторил: – «Точно свет в оконце». Видишь, я уже заговорил по-вашему. Пора мне отчаливать. Пошли к плоту!
И Глеб первым шагнул к озеру. Крысун, хмуря брови и угрюмо вздыхая, двинулся за ним.
Край плота, на который сел Глеб, был влажным и холодным, это чувствовалось даже сквозь штаны. Взглянув на охоронца снизу вверх, Глеб сказал:
– Ну, Крысун, прощай. Змеюка ты, конечно, подколодная, и Громола зря убил. Может, и я от удара твоего уже не очнусь. Тогда обидно мне, что перед смертью твою рожу вижу. Хотя... другой-то поблизости все равно нету. Так что прощаюсь в твоем лице со всем человечеством. Да здравствуют икра и шампанское! Желаю вам кушать и не подавиться!
Крысун нервно усмехнулся тонкими бледными губами и взвесил на ладони подобранный камень.
– Бить, что ли? – спросил он.
– Бей!
Глеб зажмурил глаза и сжался. Что-то ухнуло у него в голове, перед зажмуренными глазами полыхнул белый огонь, и он провалился в небытие.

4

Крысун повернулся к лесу, сложил руки у рта трубой и пять раз крикнул выпью.
Через пару минут кусты бузины раздвинулись, и на берег вышли ватажники – Невзор Беркут и еще несколько рослых широкоплечих мужиков со зверскими, покрытыми шрамами лицами.
– Ну как? – спросил Беркут, озираясь по сторонам. – Сгубил колдуна?
– Сгубил, – глухо ответил Крысун.
– Куда мертвеца-то бросил?
– В озере утопил.
– Чего это?
– Лучше пусть рыбы да русавки сожрут, чем упыри.
– И то верно, – согласился Невзор. – Ладно. Пора топать. Дойдем до межи пехом, вещи чуждые соберем, а там сварганим плот и по ручью сплавимся. В два раза быстрее воротимся, чем сюда добирались.
За спиной у Невзора послышался треск веток. Разбойники бойко обернулись.
Из кустов вывалились темные фигуры. Штук восемь или даже десять. Ошеломленные ватажники не сразу сообразили, что это упыри. А когда догадались, ходячие мертвецы уже

бросились на них, выставив перед собой когтистые руки.

Двоих разбойников они задрали сразу – те даже мечи из ножен выхватить не успели. Еще одного повалили на землю, но он вывернулся и вскочил на ноги.

Другие ватажники, а с ними Невзор Беркут и Крысун успели отскочить назад и обнажить мечи. И завязалась битва. Беркут рубил упырей мечом, ватажник Демьян бил их палицей, а Крысун резал кинжалом.

Разбойники были мужички сильные и умелые. Мечами и саблями они махали ловко, со знанием ратного дела. Бой продлился недолго. В конце концов, от всей толпы упырей остался лишь один упырь – худой, горбатый, с длинными седыми прядями.

Разбойники оттеснили его к озеру и отрезали ему путь к лесу. Живой мертвец стоял спиной к озеру, сжав кулаки и потрясая ими перед собой, и хрипло гавкал:

– Не подходь... Не подходь...

– Гляди-ка! – удивился Беркут. – Этот еще и разговаривает. Сейчас я ему язык подрежу.

Он замахнулся мечом и шагнул к упырю.

– погоди, Невзор! – Крысун взглянул в лицо упыря и с изумлением проговорил: – Дядька Осьмий, никак ты?

Горбатый упырь взглянул на Крысуна и прищурил налитые кровью глаза.

– Крыс... – выдохнул он.

Охоронец улыбнулся бледными губами.

– А Васька, дурак, думал, что ты по небу летаешь. А ты вон он. Простой мертвяк. И смердит от тебя так же, как от прочих.

– Ты чего с ним разговариваешь? – удивился Беркут, останавливаясь в трех шагах от упыря. – Знаешь его, что ли?

Крысун кивнул:

– Угу. Это старец Осьмий. Христианин. За своего плачущего бога в огонь был готов полезть. Вот и залез.

– Христианин? – удивленно протянул Невзор.

– Ну.

Беркут нахмурился.

– Ненавижу христиан! – рыкнул он и шагнул к старику.

– погоди, Беркут! – снова удержал его Крысун. – У него на шее амулет должен быть – крестовина медная! Дай ее мне!

– Зачем?

– Васька говорил, что этот амулет от оборотней и газарцев помогает. Вдруг снова поможет.

Беркут свирепо взглянул на мертвеца и рывкнул:

– А ну, упырь, отдай нам свой амулет!

– Не подходь! – крикнул в ответ мертвый старик. – Гнида!

– Это я-то гнида?

Беркут взмахнул мечом и рубанул наотмашь. Голова старика слетела с плеч и шлепнулась в воду. Упырь еще чуток постоял – страшный, безголовый, – потом покачнулся и рухнул в озеро.

– Ай, чтоб тебя! – воскликнул с досадой Крысун. – Из воды его достань! Быстрее!

– Тебе надо, ты и доставай, – холодно огрызнулся Беркут.

Крысун бросился к берегу, наклонился, чтобы ухватить упыря за ноги и вытянуть на берег, но натолкнулся на невидимую стену, вскрикнул и отскочил.

– Ты чего? – с изумлением спросил его Беркут.

– Стена невидимая, – хрипло ответил охоронец. – Все, упустили упыря. А с ним и крест.

– Да пускай плывет дохлятина.

– Так ведь крест с ним!

– Свяжи вместе две палки – будет тебе крест. Все, хватит стонать.

Невзор обтер меч травой и вложил его в ножны.

– Моргач, – обратился он к одному из своих разбойников. – Займись павшими. Руби им головы, да хорошенько.

Моргач кивнул, повернулся и зашагал к погибшим товарищам. Другие разбойники вложили мечи и сабли в ножны и побрели к костру. Один из них был с головы до ног измазан кровью.

– Надей! – окликнул его Беркут. – Ты как? Подышать пока не собираешься?

Испачканный кровью разбойник, кривоногий и широкоплечий, ощерил в усмешке редкие зубы и ответил:

– Не дожدهшься. Меня упыри не кусали, не беспокойся.

– А кровь откуда?

– Это я спиной на корягу навалился. Она мне плечо поцарапала.

Беркут кивнул:

– Что ж, хорошо. Но если увижу, что сам в упыря обращаешься, убью. Не обессудь.

– Убивай, мне-то что, – безразлично ответил ватажник.

Беркут повернулся к Крысуну:

– В лес уже не пойдем. Поздно. Будем ночь на берегу пережидать. Костры, амулеты и заклинания нам помогут.

Он посмотрел на черный лес и бодро добавил:

– Ничего, Крысунчик, прорвемся. И не из таких переделок живыми выбирались. Ну а помрем, так тоже неплохо. Упырями по лесу пошастаем.

Разбойник подмигнул Крысуну и жестко рассмеялся.

5

Глеб открыл глаза и едва не вскрикнул от боли. Пришлось снова их закрыть и полежать так немного, борясь с острым приступом боли в затылке.

Он пошарил рядом рукой и наткнулся на воду. Зачерпнул пригоршню и вылил себе на голову. Боль немного утихла. Тогда Глеб снова решился открыть глаза.

Прямо над ним было огромное и страшное багровое небо. Теперь на нем проступили и звезды. Туманным шлейфом вился Млечный Путь. Большая Медведица наклонила свой ковш. Поблескивала перевернутой буквой «м» Кассиопея. А вон – похожий на бабочку – распростер свои крылья Орион.

Стоп! Что все это значит?

Орлов приподнялся на локте и посмотрел по сторонам. Вокруг мерцала пепельно-черным гудроном озерная вода, а поодаль, на берегу, светились багряными цветами костры.

Выходит, получилось.

Глеб усмехнулся, осторожно сел на плоту, поднял руку и потрогал затылок. Лицо Орлова дернулось от боли. Здорово же его приложил камушком Крысун. Хорошо хоть не убил.

Глеб снова взглянул на берег. Там все было тихо. Крысун, вероятно, заполз в какую-нибудь дыру и сидел там, прижав к груди волшебные амулеты и трясаясь от страха.

«Интересно, как стена сработает в обратную сторону? – подумал вдруг Глеб. – Выпустит наружу? Или придется опять треснуть себя по башке булыжником?»

К плоту было привязано весло. Глеб устроился поудобнее, отвязал его и стал грести к острову. К удивлению Глеба, это оказалось нетрудно. Словно какая-то сила подгоняла его.

Вскоре плот ткнулся в берег. Глеб соскочил в воду, ухватил плот за край и волоком затащил его на берег.

Затем выпрямился и огляделся. Этот берег не многим отличался от противоположного. Те же камыши, рогоз и осока. Те же черные кусты бузины. Те же плакучие ивы.

Глеб поправил на плече ружье, попутно удивившись, что оно все еще при нем. В глубине души он был уверен, что Крысун украдет ружье. Но не украл. Черт его знает почему. Может, действительно надеялся на то, что Глеб разыщет пробуди-траву и вернется? Возможно.

Орлов решил больше не думать об этом и зашагал по влажной земле к центру острова. Пройдя шагов сто, он наткнулся на широкий ручей. От ручья воняло серой, и Глеб почему-то сразу понял, что вода в этом ручье страшнее голодной земли волглых кишеньских прогалин. Вода была серебристая, как ртуть, а на поверхности ее плавали странные цветы, лепестки которых походили на раскрытые пасти, усыпанные острыми, как иглы, зубами.

Через ручей был перекинут деревянный мостик, однако его гнилые доски не вызывали доверия.

Другого пути не было. Глеб еще немного поколебался, а потом решил – будь что будет. И шагнул на мостик недрогнувшей ногой.

Пробуди-траву он увидел сразу, как только ступил с мостика на землю. Заросли лиловой травы покрывали небольшой пригорок, похожий на могильный холм.

Глеб взошел на пригорок и принялся рвать траву. Котомки или мешка при нем не было, поэтому траву он складывал за пазуху. Когда за пазухой не осталось места, Глеб решил, что травы достаточно, и остановился.

Передохнул немного и глянул вдаль. В сумраке он увидел очертания большого сооружения, похожего на саркофаг. Метров пять в высоту и столько же – в ширину. Вероятно, это и есть Погребальный шатер, в котором был погребен упавший с неба бог.

Идти туда, пожалуй, не стоило, но разве он мог справиться с любопытством? Поколебавшись еще немного, Глеб решился.

К Погребальному шатру он шел неторопливо, время от времени останавливаясь и оглядываясь по сторонам. В одну из таких остановок он машинально сунул руку в карман за сигаретами, но вместо сигарет наткнулся на ружейный патрон.

Вынув патрон, Орлов с удивлением его осмотрел. Как он оказался в кармане? Бог знает. Но находка удачная. Глеб сдернул с плеча ружье, переломил ствол и вставил патрон в патронник. Затем защелкнул ружье и снова повесил его на плечо.

Ну, по крайней мере, одного волколака или упыря он теперь уложить сможет. При условии, что попадет точнехонько в голову. А там – будь что будет.

И Глеб, приободрившись, зашагал дальше. Метрах в пятнадцати от Погребального шатра он увидел странное серое клубящееся облако. Оно плыло в нескольких сантиметрах над землей и медленно приближалось к нему.

Глеб остановился и удивленно уставился на облако. Что бы это могло означать? Может, что-то вроде иноземной охранной системы? Внезапно ему припомнились слова советника Егры.

«А охраняет тот шатер чудище, которое пьет воду из родника бессмертия и не может ни сгинуть, ни помереть».

Стоило Глебу об этом подумать, как серое облако стало менять форму, вытягиваясь в длину и все ниже прижимаясь к земле. В клубящихся кольцах засветились два больших красноватых глаза. Облако стало похоже на...

– Боже! – выдохнул Глеб. – Лесной змей Сивер!

Огромное серое тело змея извивалось и свивалось кольцами, по нему то и дело пробегали красноватые всполохи. Змей резко устремился вперед, голова его взмыла вверх, нависнув над Глебом.

Огромная голова с двумя злобными глазами уставилась на Глеба.

Глеб отступил на шаг назад и сдернул с плеча ружье. Он понял, что бежать бесполезно. От такой громадины не убежишь и не скроешься.

Змей раскрыл огромную пасть и стал стремительно надвигаться на Глеба.

Глеб прицелился змеей в голову. Но вдруг облако изменило форму. От изумления Глеб едва не вскрикнул. Теперь перед ним стоял туманный, подрагивающий письменный стол, а

за столом, соткавшись из серого тумана, сидел с версткой свежего номера в руках редактор Турук.

Отложив газету, он поднял взгляд на Глеба и сердито нахмурился.

– А, Орлов. Это опять ты. Что на этот раз?

Глеб сглотнул слюну.

– Иван Кузьмич... Что вы здесь делаете?

– Работаю, как видишь. А вот что здесь делаешь ты?

Турук оторвал взгляд от верстки и уставился на Глеба холодными змеиными глазами. Глеб тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение. Письменный стол и редактор Турук выглядели нелепо, но нелепость эта делала все происходящее еще страшнее.

– Иван Кузьмич, я...

– Знаю, знаю, – кивнул головой Турук. – Опять не написал статью в срок. И что мне прикажешь с тобой делать, Глеб?

Орлов облизнул губы и уверенно проговорил:

– Вы не можете здесь быть. Вы – в будущем. А здесь – русская древность. Я нахожусь в самом центре Гиблого места. Вы – мое видение.

Турук внимательно посмотрел на Глеба и вдруг усмехнулся.

– Значит, меня здесь быть не может? Допустим. Но позволь узнать, кого ты ожидал увидеть?

– Не знаю, – дрогнувшим голосом ответил Глеб, изумляясь тому, что разговаривает с собственным видением. – Может быть, бога?

Тело Турука затряслось и стало стремительно разрастаться. Все больше и больше становилось оно, и вот уже перед Глебом стоял огромный старец – метров десять или двенадцать ростом. У старца была длинная седая борода, а над головой в багровом небе полыхал огненный нимб.

Старец простер к Глебу громадные длани и заговорил – и голос его прозвучал подобно грому:

– СНИМИ ОБУВЬ ТВОЮ С НОГ ТВОИХ, ИБО МЕСТО, НА КОТОРОМ ТЫ СТОИШЬ, ЕСТЬ ЗЕМЛЯ СВЯТАЯ!

Ноги Глеба задрожали. Ружье выпало из ослабевших пальцев. Не в силах вынести яркого света, Глеб зажмурился.

– Я ЕСМЬ СУЩИЙ! – прогремел голос. – И УСТРОЯТ ЛЮДИ МНЕ СВАТИЛИЩЕ, И БУДУ Я ОБИТАТЬ СРЕДИ НИХ!

Голос замолчал, а вслед за тем послышался хрипловатый смех. Глеб открыл глаза – перед ним снова сидел редактор Турук.

– Что, испугался? – насмешливо спросил редактор.

– Не знаю, кто вы такие, но это не смешно, – дрожащим голосом проговорил Глеб. – Вы берете образы из моей головы и превращаете их в реальность. Эта змея... я видел ее в голливудском фильме. А Бог... В детстве я представлял его именно таким, и вы выудили его образ из моей памяти.

Турук молча смотрел на Глеба. Фигура его стала туманной и прозрачной. Глеб нахмурился.

– Кажется, я понимаю... – пробормотал он. – Все это не по-настоящему. Я помню, как мы пошли с проводником Бахтияром к Горе мертвецов. Мы поели и расположились на ночлег. А потом началась гроза. Видимо, в меня ударила молния, и я впал в кому. И теперь живу в мире своих видений. Это что-то вроде затяжной галлюцинации, верно?

Турук усмехнулся.

– А ты помнишь все, что было до того момента, как началась гроза? – спросил он.

– Конечно!

– Ночные клубы, редакция, университет, школа, девочки, которых ты затаскивал в постель, друзья, с которыми пил пиво и смотрел футбол... Что, если все это тоже «затяжная галлюцинация»? А может быть, это был сон? И во время грозы ты проснулся?

Глеб покачал головой:

– Чушь. Моя жизнь не может быть сном. Я помню свое детство, юность, молодость.

– «Бабочке снится, что она – человек. Человеку из ее сна снится, что он – бабочка. Так кто же перед нами – бабочка, которой снится, что она человек, или человек, которому снится, что он – бабочка?»

– Чжуан Цзи! – узнал Глеб. – Китайский мудрец! Вот в чем дело! Ты просто пытаешься сбить меня с толку. Ты – мое подсознание. Я разговариваю сам с собой!

Призрачный Турук покачнулся в воздухе, но не рассеялся, а еще более уплотнился.

– Допустим, – сказал он. – Но что это меняет?

Глеб не нашелся, что ответить на этот вопрос. Редактор Турук повернул голову влево и спросил:

– Ты видишь Погребальный шатер?

Глеб посмотрел на черный саркофаг и кивнул:

– Да.

– Твои спутники думали, что в этом шатре покоится мертвый бог. – Турук снова взглянул на Глеба. – Ты прошел долгий путь. Почему бы тебе не войти в Погребальный шатер и не узнать, что там на самом деле?

– Зачем?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Возможно, пришло время выслушать ответы?

– Ответы? – Глеб сглотнул слюну. – А что, если это ловушка?

– Может быть, – неожиданно согласился Турук. – Но ты не выяснишь этого, пока не войдешь.

Глеб посмотрел на гладкие темные стены Погребального шатра. Стены мерцали, словно кто-то раздувал незримый огонь, и блики его ложились на эти стены.

– Что там? – хрипло спросил Глеб. – Выход в иное измерение? Транспортный туннель в другую галактику – на планету, населенную не похожими на людей существами? А может быть, выход в иной мир, населенный ангелами и демонами?

Турук молчал.

– Если я войду в Погребальный шатер, смогу ли я потом вернуться назад?

Глеб снова не получил ответа.

– Я должен принести княжне пробуди-траву! Иначе она умрет!

На столе у Турука зазвонил телефон. Редактор посмотрел на телефон, затем перевел взгляд на Глеба и сказал:

– Орлов, похоже, твое дело взяли под особый контроль.

И вдруг Глеба объял ужас, такой тоскливый и невыносимый, будто все самые кошмарные страхи, испытанные им в течение жизни, навалились на него разом.

Ноги его ослабли и затряслись. По спине потекла струйка холодного пота. Плохо соображая, что делает, Глеб повернулся и побежал прочь от саркофага.

– ВЕРНИСЬ! – крикнул ему вслед громогласный голос. – ВЕРНИСЬ И ВОЙДИ В ШАТЕР, ТРУС!

Глеб припустил еще быстрее.

– ТЫ НЕ УБЕЖИШЬ ОТ САМОГО СЕБЯ! ВОЙДИ В ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ШАТЕР И ОБРЕТИ ЗНАНИЕ! НЕУЖЕЛИ ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ ЭТОГО?

Глеб не остановился, не повернул назад. Он знал, что внутри черного саркофага его ждет нечто ужасное. Нечто такое, что перевернет всю его жизнь.

– Не хочу! – крикнул Глеб. – Я больше этого не выдержу! Хватит меня мучить! Я устал и хочу домой!

И вдруг Глеб остановился. Прямо перед собой он увидел высокую фигуру, закутанную в темную суконную плащаницу. Это был худой старик с длинными седыми волосами и такой же белой бородой.

– Мудрец Осьмий! – изумленно воскликнул Глеб.

Осьмий взглянул на Глеба прищуренными глазами. С лицом его творилось что-то

странное. Оно беспрестанно менялось, будто в Осьмии жили два человека и каждый из них хотел дать старику свое лицо.

– Здравствуй, Глеб, – хрипло проговорил Осьмий.

На мгновение лицо старца стало лицом уродливого молодого мужчины, но Осьмий крикнул:

– Прочь, Авдей!

Затем достал из кармана медный крестик, вскинул руку и с силой прижал крестик к своему лбу. По лицу его пробежала волна, и черты снова преобразились, став чертами старца Осьмия.

– Что с тобой происходит? – с ужасом спросил Глеб. – И как, черт возьми, ты сюда попал?

И тут Глеб увидел еще кое-что странное – из-за головы Осьмия показались две страшных руки. Кисти этих рук с длинными, подрагивающими пальцами величественно покоились на ключицах старика, подобно концам шарфа.

Лицо Осьмия было землисто-бледным. Кожу испещрили глубокие морщины и шрамы, отчего лицо его казалось собранным из кусочков – как пазл или лоскутное одеяло.

– Черт! – выдохнул Глеб. – Я забыл, что ты теперь упырь!

Осьмий сурово взглянул на него из-под нахмуренных бровей и спросил:

– Почему ты не вошел в Погребальный шатер? Я продал душу дьяволу ради того, чтобы попасть сюда! Я пришел непрощенным! А тебя пригласили, и ты отказался! Почему?

Глеб растерянно моргнул.

– Я... не знаю, что сказать. Я просто хочу получить обратно свою жизнь. Я хочу зависать по пятницам в баре с друзьями. Хочу смотреть футбол и пить пиво. Хочу шляться по ночным клубам. Хочу целовать девушек. Хочу ругаться с Туруком на редакционных советах. Это моя жизнь!

– Глупец, – презрительно проговорил Осьмий. – Ты отказался от высшего дара богов – знания – ради мелочной суеты и ничтожного самообмана. Ты так жалок и глуп, что даже не заслуживаешь сочувствия.

Глеб растерянно сглотнул.

– Но я...

Старик на него больше не смотрел. Он повернулся и зашагал к Погребальному шатру.

– Осьмий! – окликнул его Глеб. – Осьмий!

Старик не остановился. И вдруг сердце Глеба наполнилось такой неизбывной тоской, что он едва не закричал от ужаса.

– Ты не получил приглашения! – крикнул он вслед старику. – Ты упырь! Мертвец! Ты не сможешь туда войти!

Осьмий не остановился. Он приблизился к черному саркофагу и остановился у входа. Было видно, что ему тоже недостает решимости, чтобы шагнуть внутрь.

Послышался шум, словно от жужжания огромного роя пчел, а в следующую секунду из входа в саркофаг вырвались черные клубы дыма. Дым этот стал расти, обволакивать Осьмия, окутывать его черной вуалью, а потом вдруг подхватил Осьмия и поднял его в воздух, как тряпичную игрушку.

– А-а! – в ужасе закричал Осьмий.

Внутри дымчатых клубков засверкали крошечные молнии, словно прожилки золота в черном камне, а затем остров потряс ужасающий раскат грома.

Земля затряслась и заходила ходуном под ногами Глеба. Он отвернулся и побежал к берегу. За его спиной творилось что-то страшное, но он боялся оглянуться. К черту остров! К черту его чудеса! Пусть он уйдет на дно вместе со своим саркофагом. Только бы спастись!

Сердце бешено колотилось в груди. Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Глеб перебежал по гнилому мостику через ядовитый ручей и увидел свой плот. Он все еще был на берегу.

Глеб добежал до берега, с разбега влетел в холодную воду, подняв тучи брызг, и

запрыгнул на плот. И тут он услышал отдаленный гул.

Глеб вскинул голову на звук и увидел несущийся над озером огромный черный смерч. Волосы встали на голове у Глеба дыбом. По спине пробежала ледяная волна. Рубашка в один миг пропиталась холодным потом.

– Пусть все закончится хорошо, Господи! – крикнул Глеб, перекрывая раскаты грома и гул приближающегося смерча. – Пожалуйста, пусть все закончится хорошо! Помоги мне выбраться из Гиблого места, Господи! Я ничего больше не хочу, только помоги мне выбраться из Гиблого места живым и невредимым! Помоги!..

Гул смерча превратился в яростный рев. Секунда – и все закружилось перед глазами Глеба, смерч настиг его, закрутил вихрем и поднял в воздух.

– Нет! – крикнул Глеб полным ужаса голосом. – Я не хочу умирать!

И вдруг вращение прекратилось. Глеб завис в воздухе, в самом сердце смерча. Вокруг него бешено крутилась пыльная мгла, и сквозь эту мглу он увидел, как далеко внизу промелькнула пепельно-багровая гладь озера, вспыхнули и вновь погасли огни костров, наплыл необозримой черной гущей лес... А Глеб все несея и несея над землей. В глазах у него потемнело от усталости.

– Господи, прости меня за мою слабость... – успел прошептать Глеб, и силы покинули его.

6

Глеб открыл глаза. На небе сияло солнце. Он огляделся и увидел прямо перед собой каменную арку, отделяющую Гиблое место от остального мира.

Спасен! Смерч пронес его над всем Гиблым лесом и вышвырнул за межу. Вышвырнул, как незваного гостя. Или как ничтожного труса, который не оправдал надежд. Надежд?... Но чьих надежд?

Глеб сцепил зубы и с трудом поднялся на ноги.

– Чушь это все... – проворчал он, хмуря брови. – И я не трус.

Одежда его была сухой, и чувствовал он себя вполне сносно. Усталость еще давала о себе знать, но голова не болела и ноги не ныли.

Глеб напряг память. Он вспомнил остров, черный саркофаг, редактора Турука, старика Осьмия, который продал душу дьяволу ради того, чтобы вкусить от древа познания, и который, даже превратившись в упыря, не смирил свою гордыню.

Конечно, никакого Турука там не было. Но тогда с кем он разговаривал? Может быть, это был ангел Божий, принявший облик редактора Турука? А может быть – если следовать канонам научной фантастики, – не слишком качественная голограмма, созданная инопланетянами по образу, который они выудили у него из памяти?

Домыслы, догадки... Правду узнать все равно не удастся.

Глеб вздохнул, поправил на плече ружье, повернулся и зашагал к ручью, намереваясь вынуть по пути из бурелома несколько жердин, связать их гибкими ивовыми прутьями, как это делал охотник Громол, и сплавиться вниз по течению – до самого Хлынь-града.

Так он и сделал.

* * *

В княжий двор Глеб пришел, как был, – в грязной рубашке, дырявых замшевых штанах, исцарапанный, темный от ушибов и кровоподтеков.

Шагая по деревянной мостовой, он то и дело быстро озирался по сторонам, словно опасался, что из-за дома, дерева или стены выскочит оборотень или волколак. Левая щека его при этом нервно вздрагивала, а в глазах появлялась неизбывная тоска.

Охоронцы при его появлении поспешно скрестили бердыши.

– Кто таков? – грубо спросил один. – И пошто в таком виде к пресветлому князю,

бродяга?

Глеб молча уставился на охоронца. Тот не выдержал, отвел глаза.

– Позови кого-нибудь из слуг, – хрипло потребовал Глеб.

Уверенный тон и прямой взгляд Глеба подействовали. Один из охоронцев повернул голову и гаркнул:

– Липок!

По каменному полу застучали каблуки, и вслед за этим во двор терема вышел маленький худой человечек с пронырливым лицом и в дорогом кафтане.

– Чего звал?

– Тут тебя спрашивают! – Охоронец кивнул на Глеба.

Липок уставился на Орлова удивленными глазами.

– Ты кто таков? – спросил он тонким голосом.

Глеб гордо приосанился.

– Скажи князю Аскольду, что чужеземец, которого он называет колдуном, вернулся из Гиблого места и принес княжне пробуди-траву.

– Пробуди-траву?

– Ты что, лакей, оглох? – грозно повысил голос Глеб. – А ну – быстро дуй к князю, если не хочешь, чтобы княжий кат отрезал тебе уши!

Лакей побледнел, повернулся и бросился обратно в терем. Охоронцы посмотрели на Глеба с удивлением и уважением.

Вернулся Липок очень скоро. Улыбнулся Глебу радушной улыбкой и сказал:

– Здрав и славен будь, чужеземец! Князь приглашает тебя в палаты! Следуй за мной!

Он подождал, пока Глеб поднимется на крыльцо, повернулся и затоптал каблуками по каменному полу. Глеб подмигнул одному из охоронцев, усмехнулся и зашагал за лакеем.

Княжьи палаты выглядели довольно скромно. Как-то раз Глеб был в гостях у одного русского олигарха – так туалет в доме олигарха выглядел роскошнее, чем весь княжий терем. Тем не менее здесь было просторно, а стены были довольно искусно разрисованы сценами из каких-то славянских сказок.

У входа в комнату стоял с мечом на поясе и с бердышом в мускулистой руке огромный охоронец.

– Садись здесь! – пригласил холоп и подставил Глебу накрытую ковром скамеечку.

Едва Глеб уселся, как из-за стены послышался встревоженный голос князя Аскольда.

– Где он? Где чужеземец?

Беленые дубовые двери распахнулись, и в комнату вбежал князь Аскольд. За ним грузной, но бесшумной тенью скользнул советник Егра. Князь был высок и статен, однако кожа на его лице была болезненно бледна. В отличие от советника Егры на пальцах у князя не было никаких перстней и колец. Зато на шее у него висела массивная цепь из переплетенных золотых, платиновых и стальных нитей, а на цепи – оправленный в золото черный камень. По-видимому, символ верховной власти навряд ли скипетра или державы.

– Принес? – воскликнул князь, едва взглянув на Глеба.

Глеб поднялся со скамейки, достал из-за пазухи пучок лиловой травы и протянул князю.

– Вот, князь, держи!

Князь схватил траву, повернулся и засеменил прочь. Уже в дверях он обернулся и приказал лакею:

– Липок, распорядись, чтобы чужеземца накормили и напоили!

Советник Егра постоял чуток посреди комнаты, с интересом разглядывая Глеба, потом повернулся и вышел вслед за князем.

Сидя на мягкой скамейке, Глеб задремал. Сказывалась усталость. Он уже начал видеть сны, когда бойкий тонкий голос у него над ухом забормotal:

– Угощайся, светлый гость! Куриные охвостки на меду! Блины с икрой и мясной начинкой! А это варенье из антоновских яблок! Сенная девка Малуша сварила! Вкуснее в

мире не найдешь!

Глеб открыл глаза и оглядел накрытый стол. Потом молча потянулся за кувшином.

– Позволь, я тебе налью! – подорвался было Липок, но Глеб жестом успокоил его.

Наполнив кубок брагой, Глеб поднес его к губам и выпил все до дна. В голове у Орлова слегка помутилось.

– Зря ты на голодный-то живот, – с упреком сказал Липок. – Заешь блинами.

Глеб заел. Еда показалась ему безвкусной. Тогда он налил себе еще браги. Брага пьянила, но не приносила облегчения. Осушив второй кубок, Глеб положил руки на стол, а голову на руки, и закрыл глаза.

Когда он в очередной раз поднял голову, по другую сторону дубового резного стола сидел Егра.

– Пируешь? – спросил он негромким, сипловатым голосом.

– Пирую, – ответил Глеб и снова взялся за кувшин. – Выпьешь со мной?

Советник качнул лысой, как колено, головой:

– Нет.

– Как хочешь, – небрежно проговорил Глеб. – А я выпью.

Он наполнил свой кубок и стал медленно потягивать брагу, представляя себе, что это коктейль.

– Не думал я, что ты вернешься, – сказал советник Егра. – Считал, сгинешь в Гиблом месте. А ты – вон он. И что мне теперь с тобой делать?

– Ничего, – спокойно ответил Глеб. – Ты ничего не сможешь со мной сделать, советник.

– Ты уверен?

Глеб усмехнулся и проговорил:

– Я теперь герой.

– Княжна все еще при смерти, – задумчиво прищутив глаза, возразил Егра.

– Она поправится, – убежденно заявил Глеб.

Егра помолчал.

– Что ты будешь делать дальше? – спросил он после паузы.

– Еще не знаю.

– Если княжна излечится, она захочет тебя видеть. Что ты ей скажешь?

Глеб нахмурился:

– Не думаю, что тебя это касается, советник.

Егра едва заметно усмехнулся.

– Я не плохой человек, чужеземец. Но я радею за княжество и за жителей его. И радование это заставляет меня быть жестоким в делах частных. Если я отправляю человека на плаху, то только ради общего блага.

– Я думаю, что со своими личными врагами ты поступаешь так же. Хотя... зачем столько суеты, когда можно просто нанять пару убийц и хорошо им заплатить.

Егра пропустил этот укол мимо ушей.

– Бродяги говорят, в Гиблом месте есть чудные вещи, которые и самому слабому человеку дают силу и власть над прочими. Встречал ли ты такие вещи?

Глеб отрицательно покачал головой:

– Нет.

– Такие вещи очень опасны, – серьезно проговорил Егра. – Они внесут раздор в умы и нравы.

– А что, если это дар богов? Вы приносите им жертвы, курите им благовония. Что, если они решили отблагодарить вас?

Егра посмотрел на Глеба с недоверием, словно не понимал, шутит тот или говорит всерьез.

В этот момент в комнату вернулся князь Аскольд. Лицо старика сияло.

– Чужеземец! – воскликнул он от порога. – Наталья пришла в себя и хочет тебя видеть!

Идем скорей!

Глеб с усмешкой посмотрел на Егру и поднялся из-за стола.

7

Княжна лежала на мягкой перине, до груди укрытая одеялом. Лицо ее было худым и бледным, и синие глаза от этого казались еще больше. Во всем ее облике появилась хрупкость прекрасного тропического цветка, пересаженного в грубую почву и погибающего от этого.

Впрочем, судя по веселому взгляду лекаря и сияющему лицу князя, она и впрямь выздоравливала. Завидев Глеба, княжна улыбнулась и тихо проговорила:

– Ты вернулся.

– Да, – кивнул Глеб, усаживаясь на табурет.

Княжна выпростала из-под одеяла руку и протянула ее Глебу. Глеб взял ее длинные бледные пальцы в свою ладонь и тихонько их сжал. На него вдруг нахлынула такая нежность, что он едва не задохнулся.

Виновата ли была брага, а может быть, вид хрупкой, больной княжны пробудил в его душе трогательную жалость, но сейчас Орлов был уверен, что никогда и никого не любил сильнее, чем эту синеглазую девушку.

– Лекарь сказал, что я буду жить, – с улыбкой проговорила Наталья. – И это благодаря тебе.

– Слава богам! – улыбнулся Глеб.

Княжна перевела взгляд на отца, мявшегoся у двери, и попросила:

– Батюшка, оставьте нас одних.

Князь Аскольд нахмурился и неуверенно посмотрел на Глеба.

– Он спас мне жизнь, – напомнила Наталья. – Пожалуйста.

Князь подумал, кивнул и со вздохом вымолвил:

– Пойдем, лекарь. Пусть они поговорят.

Оставшись с Глебом наедине, княжна долго разглядывала его лицо. Потом сказала:

– Ты мог погибнуть из-за меня.

– Наоборот, – возразил Глеб. – Если бы не ты, меня бы замучили в темнице. Ты спасла мне жизнь.

Измoжденное лицо Натальи просияло.

– Поцелуй меня, Глеб, – попросила вдруг она.

Он наклонился и коснулся своими губами бледных губ княжны. Потом выпрямился и с удивлением увидел, что на глаза девушки навернулись слезы.

– Почему ты плачешь? – спросил он.

– Пока тебя не было, я приходила в себя... Батюшка сказал мне, что ты погиб. Еще он сказал, что в государстве неспокойно. И что он скоро умрет. Батюшка попросил меня... попросил меня найти себе жениха... – Наталья сглотнула слезы. – И еще... он посоветовал мне выйти замуж за Егру.

– А ты?

Княжна вздохнула и с горечью проговорила:

– Я с ним обручилась.

– Ты обручилась с Егрой? – не поверил своим ушам Глеб.

– Да.

– Но это ведь не страшно! Обручение – это еще не свадьба. Все еще можно переменить.

Наталья грустно покачала головой:

– Нет. Батюшка стар и немощен. Лекарь сказал, что он не доживет до Ярилина дня. А это значит, что княжеству нужен новый правитель.

– Но почему ваш выбор пал на Егру?

– Егра – княжий сын. И он очень богат. У него больше золота, чем в казне моего отца.

– Где же он раздобыл столько золота?
– Буря пыль помогла ему разбогатеть. Егра ведаёт её добычей. И охоронцы тоже его люди. В его руках всё управление княжеством. Уже давно.

– Как же так получилось?
– Батюшка часто болел, – тихо ответила Наталья. – А пока он болел, всеми княжьими делами занимался старший советник.

Глеб мрачно усмехнулся.
– Олигарх, ведающий добычей бурой пыли, взял власть в княжестве в свои руки? Ловко. В моей стране один олигарх попытался сделать то же самое, но вместо княжьих палат попал в темницу.

Губы княжны задрожали.
– Глеб, – тихо позвала она. – Поцелуй меня ещё раз. На прощанье.
Орлов угрюмо молчал.
– Пожалуйста... – дрогнувшим голосом проговорила Наталья. – Один раз.
Глеб помедлил ещё немного, потом наклонился и поцеловал девушку. На этот раз поцелуй получился долгим. Отняв губы от губ княжны, Глеб сказал:

– Теперь твой разлюбезный Егра объявит на меня охоту?
Княжна покачала головой:
– Нет. Он ничего тебе не сделает.
– Почему?
– Я не позволю ему это сделать. Егра любит меня. Он выполнит всё, что я скажу.
– Станный у нас с тобой разговор, – с угрюмой усмешкой заметил Глеб. – Знаешь, я ведь думал, что люблю тебя. Но, видимо, я ошибся. Я слышал, что ради любви люди готовы пойти на всё. Я не готов.

Он поднялся с табурета.
– Прощай, княжна. Не поминай лихом.
– Обожди! – Наталья протянула руку к полке, прибитой к стене, взяла с неё какую-то вещицу и протянула её Глебу. – Пусть это будет у тебя, – дрогнувшим голосом сказала она. – Вспоминай иногда обо мне.

Глеб сгрёб вещицу, развернулся и пошёл к двери. Только за дверью он взглянул на то, что держал в руке, и увидел, что это терракотовая дощечка с портретом княжны.

Покинув княжий терем, Глеб неторопливо брёл по широкой, плотно накатанной городской дороге. В душе у него было пусто и тоскливо.

«Кто я теперь? – думал Глеб. – Что я? И куда податься?»
За спиной послышался топот. Глеб обернулся и увидел бегущего к нему со всех ног княжьего холопа.

– Уф-ф... – выдохнул Липок, останавливаясь. – Насилу тебя догнал, чужеземец. Вот, держи!

Он протянул плотный кожаный мешочек.
– Что это? – не понял Глеб.
– Золотые солиды! За то, что ты принес пробуди-траву!
Глеб прищурился на лакея и недобро спросил:
– Кто передал?
– Советник Егра, – ответил тот. – Ну, бери!
Секунду поколебавшись, Глеб взял кошель и сунул его в карман.
– Удачи, чужеземец! – улыбнулся Липок. – И да помогут тебе боги!

Он развернулся и быстро зашагал к терему. Глеб посмотрел холопу вслед, вздохнул, развернулся и побрёл по вечерней улице куда глаза глядят.

Минут двадцать он шёл, не поднимая головы и не глядя по сторонам. А когда остановился, увидел перед собой большую избу с коровьим черепом, прибитым над дверью. Так вот куда привели его ноги. В кружало!

Орлов усмехнулся. Что ж, не самый плохой вариант. Он вынул из кошелька несколько

монет и положил их в карман, а сам кошель запихал за пазуху.

8

Прошла ночь, и наступил день. Потом снова пришел вечер. За ним снова последовала ночь. Днем Глеб пил в кружале брагу и сбитень, а ночью валялся на топчане в комнатке, которую он снял у целовальника Озара за пару наменанных серебряных монеток.

В тот день он тоже пил, но не один и не со здешними купцами. За дубовым столом рядом с Глебом сидел высокий худощавый человек с гордым лицом и темными, жидкими, зализанными назад волосами. Это был гофский путешественник Ренсен.

– Я устал пить, – говорил ему Глеб, вновь наполняя свою кружку брагой. – Но я не знаю, что мне делать.

Ренсен кивнул и сказал:

– Озар говорил, ты приходишь из другой страна?

Глеб отхлебнул браги и ответил:

– Да. Моя страна называется Россия.

Путешественник наморщил сухой лоб.

– Я не слышать такой страна, – сообщил он.

– Еще услышишь. Она огромная, у нее великая история, обалденная литература и музыка, и еще в ней много нефти, дорог и дураков.

На лице путешественника отобразилось легкое недоумение.

– Прости, но я не все понимаю.

– А тебе и не нужно. Видел на небе звезды?

Путешественник посмотрел на потолок и кивнул:

– Та. Видель.

– Это называется космос. И первым туда полетел наш российский парень – Юрий Гагарин.

Ренсен обдумал его слова и сказал:

– Мне надо выпивать.

– Мне тоже, – отозвался Глеб.

Орлов взял кувшин и разлил брагу по кружкам. Они стукнулись кружками и выпили.

– Хороший браг, – похвалил Ренсен. – Но наш биар люшче.

– Биар?

– Та. Солодов биар. Оччень вкусно.

– Значит, вы уже умеете варить пиво? Это здорово! А что вы еще умеете?

– Много что. У нас есть поуп. Он живет в Рим и говорить с Богом. И Бог говорить нам, как делать карашо. – Ренсен отпил браги и вздохнул. – Но я не верить поуп.

– Почему?

– Потому что поуп – человек, а не Бог.

– Логично, – согласился Глеб.

Несколько минут они пили молча.

– Когда ты будешь вернуться домой? – спросил после паузы Ренсен.

– Не знаю, – ответил Глеб. – Кажется, я застрял здесь надолго.

– Это дикий страна. Здесь много злой.

– Согласен, – кивнул Глеб. – Но один умный человек сказал: нужно делать добро из зла, потому что его больше не из чего делать.

Путешественник улыбнулся:

– Я понимать. Это оччень мудрый слова. Давай выпьем за этот слова!

– Давай! – согласился Глеб.

Они снова выпили. Глеб поставил на стол опустевшую кружку, пристально посмотрел гофскому путешественнику в лицо и спросил:

– Скажи мне, Ренсен, для чего ты путешествуешь?

– Ну... – Ренсен пожал плечами. – Я хотел искать Бог. Хотел искать ответ.

– Какой ответ?

– Кто я? Зачем я?

– Нашел?

Путешественник покачал головой:

– Нет.

– А если бы эти ответы оказались слишком страшными? Ты все равно хотел бы их выслушать?

Ренсен задумался на несколько секунд, после чего кивнул головой и уверенно проговорил:

– Я бы хотел.

На губах Орлова появилась невеселая усмешка.

– А я знал одного человека, который отказался от знания.

– Почему?

– Не знаю. Наверное, трусил. А теперь он мучается и не может найти себе места.

– Поделом вор и мука, – строго выговорил Ренсен.

– Да, ты прав. И все же... Как думаешь, у этого человека есть второй шанс?

Прежде чем ответить, Ренсен все обдумал. После чего изрек:

– Шанс бывать всегда. Но мы не всегда его смотреть.

Глеб вздохнул и сказал:

– Весело с тобой, путешественник. Но, пожалуй, мне пора пройти по свежему воздуху. Бывай здоров, гофский странник.

– И тебе здоров.

Глеб встал из-за стола, пожал Ренсену руку и двинулся к выходу.

На улице было сыро и зябко. Подступали холода.

– Пода-а-айте убогому сиротке... с го-о-олodu помираю, – заблажил у крыльца кружала нищий.

«Боги подадут», – хотел ответить Глеб, но, сам не зная почему, остановился и полез в карман за монеткой.

Когда он передавал монету нищему, тот вдруг ухватил Глеба за запястье. Хватка у него была железная. Глеб хотел выругаться, но тут лицо его дрогнуло, и он изумленно проговорил:

– Громол!

«Нищий» улыбнулся:

– Приветствую тебя, Глеб!

Глеб бросился к охотнику, и они крепко обнялись.

– Черт, как я рад тебя видеть! – радостно воскликнул Глеб. – Но, черт побери, как тебе удалось выжить? В последний раз, когда я тебя видел, ты лежал на траве и истекал кровью!

Громол помрачнел.

– Это долгая история, – нехотя ответил он. – Я расскажу тебе как-нибудь после.

– Ну, хотя бы намекни.

– Ладно. Помнишь, я рассказывал тебе про Мамелфу?

– Про колдунью, которая живет в Гиблой чашобе?

Охотник кивнул:

– Да. Она нашла меня. Я провел в домовине у колдуньи неделю, и за это время она полностью меня излечила.

– Вот как? – Орлов улыбнулся. – Надеюсь, она не затребовала у тебя в качестве платы твое живое сердце?

Охотник нахмурился и обмахнул лицо охранным жестом, словно почуял на нем дыхание беды.

Дождь усилился, и Глеб поежился от капель, закатившихся за шиворот.

– Где ты живешь? – спросил Громол.

– В кружале. А ты?

– У моего доброго друга – Угрима Хвата. Он бывший промысловик. Идем ко мне. Расскажешь о том, как спас княжну. Мне не терпится услышать твою историю. – Охотник чуть прищурил темные глаза и уточнил: – Или, быть может, у тебя найдутся дела поважнее?

Глеб улыбнулся:

– У меня нет никаких дел, Громол. И я с радостью приму твое приглашение.

– Хорошо. Возможно, по пути мы зайдем еще в одно место.

Охотник повернулся и зашагал прочь от кружала. Глеб поспешил за ним.

Стоило им отойти на двадцать шагов, как из-за деревьев вышли три человека. Один из них был долговязый и тощий. Двое других – коренастые, широкоплечие, с толстыми мускулистыми шеями.

– Эти? – спросила один из широкоплечих.

– Да, – ответил долговязый. – Я хочу, чтобы вы принесли мне их головы.

Наемные убийцы переглянулись.

– Крысун, это будет стоить дорого, – сказал один из них.

Охоронец достал из кармана кожаный мешочек с золотыми монетами и вложил его в мокрую от дождя ладонь убийца.

– И не вздумайте меня обмануть, – сипло проговорил он. – Обманете – я вас из-под земли достану.

Наемный убийца взвесил мешочек на ладони и уважительно проговорил:

– Верю, что достанешь. От таких денег никуда не скрыться. Но не волнуйся. Мы принесем тебе их головы. Идем, Скрынь!

Пригнув головы, наемные убийцы быстро зашагали по улице и несколько секунд спустя растворились в дождливой тьме.

Крысун проводил их взглядом и поплотнее закутался в плащ. Затем повернулся и громко свистнул. По брусчатке, громяхая колесами, подкатила шикарная расписная телега.

Крысун запрыгнул на нее и уселся на мягкой скамье.

– Куда теперь? – осведомился возница.

– К купцу Баве. Знаешь дорогу?

– Как не знать. Бава Прибыток – наипервейший богатеи в граде.

Крысун усмехнулся:

– Уже нет. Гони побыстрее. Довезешь быстро – заплачу вдвойне.

– Слушаюсь!

Возница взмахнул плетью и огрел лошадь по крупу:

– Н-но, пошла, родимая!

Лошадь рванула с места и резво зацокала копытами по мокрым листовничным кругляшам.

9

Дождь утих, но поднялся ветер. Глеб шагал рядом с Громолом, вжав голову в воротник куртки, и дрожал от холода. Заметив, что дорога ведет их к окраине Хлынь-града, он спросил:

– Мы идем к твоему другу?

– Нет, – ответил Громол, – не сейчас.

– А куда мы идем?

– К одной гадалке-ведьме. Она цыганка, приехала сюда из Валахии.

Глеб удивленно уставился на охотника, но тот и ухом не повел.

– Зачем мы к ней идем?

– Ты ведь хочешь вернуться домой?

– Да! Больше всего на свете! А разве она сможет сделать так, чтобы я попал домой?

Громол качнул головой:

– Нет. Но она скажет, попадешь ли ты туда когда-нибудь.

Глеб остановился как вкопанный. Громол тоже остановился и удивленно на него посмотрел:

– Что с тобой?

– А вдруг она скажет, что я никогда не попаду домой?

Громол чуть прищурился.

– Ты боишься узнать правду? – спокойно спросил он.

– Нет, но... – Глеб поежился от порыва ветра и вздохнул. – Да, боюсь.

Несколько секунд охотник молчал, затем кивнул и сказал:

– Что ж, дело твое. Тогда идем к Угрюму, он любит рассказы про дальние страны и будет рад с тобой познакомиться.

Громол повернул в другую сторону и шагнул на усыпанную гнилой соломой тропку. Глеб схватил охотника за руку:

– Нет, подожди!

Громол остановился.

– Идем к твоей ведьме! – выпалил Глеб. – Я хочу узнать свое будущее!

По губам охотника скользнула мягкая улыбка.

– Но что, если предсказание ведьмы тебе не понравится? – спросил он.

Глеб тоже выдавил улыбку и ответил:

– Я это как-нибудь переживу. Мужчина не должен бояться правды.

Охотник, однако, медлил, словно не до конца поверил в искренность слов Глеба. И тогда Глеб сказал:

– Меня страшит мое будущее, но я хочу узнать, зачем я здесь. И меня ничто не остановит.

Охотник обдумал ответ Глеба, кивнул и вновь ступил на дорогу, ведущую к городской стене.

Изба, в которую Громол привел Глеба, стояла у самой городской стены. С виду она ничем не отличалась от других избушек средней руки. Бревенчатые стены, крутой скат стрехи, крылечко о двух широких ступенях.

Когда Громол и Глеб ступили во двор, из-за угла избы вышел здоровенный черный пес. Пес остановился и глухо зарычал. Память о сражениях с оборотнями и волколаками была слишком свежа в памяти Глеба, и он испуганно схватился за прохладную рукоять меча.

– Не бойся, – сказал Громол. – Это просто собака. Охолони, Черныш! Свои!

Узнав голос Громола, пес повернулся и снова скрылся за углом.

Поднявшись на крыльцо, охотник стукнул в дверь условленным стуком – три раза, потом два, потом еще раз. Громыхнул засов, и дверь открылась.

– Идем, – сказал Громол и первым шагнул в сени.

К удивлению Глеба, в сенях никого не оказалось. Следуя за охотником, он прошел в горницу и здесь остановился у двери. В горнице царил полумрак, подкрашенный тусклым пламенем лучины и рыжеватыми отблесками печи.

У печи сидела на табурете женщина. Она медленно повернула голову и взглянула на гостей. Глеб поразился тому, как красива она была. Густые черные волосы женщины не были подвязаны платком и свободно лежали на плечах. Ее худощавое смуглое лицо могло бы украсить обложку любого глянцевого журнала, и лицу этому совсем не нужен был макияж. Одета женщина была в длинное черное платье, полностью скрывавшее не только ее щиколотки, но и ступни.

Огромные черные глаза цыганки смотрели спокойно и задумчиво.

– Громол, – негромко вымолвила она, и Глеб удивился глубине и густоте ее голоса. – Зачем пришел?

– Я привел к тебе человека, который не может вернуться домой, – ответил охотник. – Он хочет узнать свое будущее.

Женщина перевела взгляд на Глеба. Долго и пристально разглядывала его, затем

властно проговорила:

– Подойди ко мне, чужеземец.

Орлов в нерешительности взглянул на охотника. Тот кивнул, и Глеб двинулся к цыганке. Не дойдя до нее шага, Глеб остановился.

– Я хочу взглянуть на твою правую руку, – сказала цыганка. – Разденься.

Глеб снова взглянул на охотника.

– Делай, как говорит она, – тихо сказал тот.

Глеб хмыкнул и нехотя стянул куртку. Потом задрал рукав рубахи и протянул руку ведьме, но вздрогнул и остановился. Обнаженное предплечье было испещрено багровыми шрамами. Глеб смотрел на шрамы с изумлением.

– Будь ты деревом, я бы сказала, что это двенадцать зарубок, – услышал он глубокий, низкий голос цыганки.

– Но я не дерево, – тихо отозвался Глеб.

Ведьма взглянула ему в глаза и усмехнулась:

– Вижу. Да и зарубки эти оставил не человек.

– Не человек? – Глеб сглотнул слюну. – А кто?

– Кому-то из древних богов не понравилось, как ты обошелся с его детьми. Вспомни.

Напрягать память Глебу не понадобилось, воспоминание всплыло само собой.

– Я хотел срубить березу, – тихо сказал он. – А мой проводник Бахтияр заорал, что этого делать нельзя и что богиня Сорни-Най обидится на меня. – Глеб взглянул на цыганку и брови его дрогнули. – Я здесь из-за этого, да?

Цыганка не ответила. Она взяла правую ладонь Глеба и притянула ее к своим черным жарким глазам. Около минуты она разглядывала линии на его ладони, потом вновь разомкнула темные губы и сказала:

– Ты здесь не зря. Боги чего-то от тебя хотят.

– Ты считаешь, что у того, кто меня сюда перенес, есть на меня планы?

Цыганка перевела взгляд на лицо Глеба.

– Боги выбрали тебя, и это не случайно. Ты должен пройти путь, который тебе уготован. Иначе... – Она оставила фразу незаконченной.

Глеб выждал немного и, поскольку продолжения не последовало, уточнил:

– Иначе я погибну, да?

Цыганка прищурила черные, бездонные глаза.

– Богам неведомо милосердие, – сказала она. – Если они увидят, что взвалили на твои плечи непосильную ношу, они могут освободить тебя от этого бремени. Но если это случится, ты будешь самым несчастным человеком на Земле.

– Все, что я хочу, это вернуться домой, – сказал Глеб. – Ты можешь мне помочь?

Цыганка, не отвечая, провела узкой смуглой ладонью по предплечью Глеба. Один из шрамов зашипел и сгладился. Глеб уставился на сгладившийся рубец с изумлением.

Вдруг ведьма оттолкнула от себя руку Глеба и зашипела, как разъяренная кошка.

– Ты что? – удивленно спросил Глеб.

Цыганка повернулась к Грому и резко проговорила:

– Охотник, ты не должен был приводить его сюда!

Громол сдвинул брови и глухо ответил:

– Слова твои темны. Я привел сюда своего друга, чтобы ты открыла ему его судьбу.

– И теперь я знаю свою, – с угрюмой горечью проговорила цыганка.

Некоторое время она молчала, затем вновь взглянула на Глеба и сказала:

– Тебе уготованы десять испытаний, чужеземец. Через первое испытание ты уже прошел, когда принес княжне пробуди-траву. Осталось еще девять. С каждым разом испытания будут все страшнее.

– Десять испытаний? – Глеб недовольно прищурился. – Кому понадобилось меня испытывать? И каким станет последнее испытание? И что будет, когда я пройду через все эти испытания?

Теперь цыганка не смотрела ему в глаза, словно боялась увидеть в них нечто такое, отчего навеки потеряет покой.

– Людям неведомы замыслы богов, – тихо проговорила она. – Не знаю, чего больше будет в твоих поступках – добра или зла, но деяния твои многое изменят в нашем мире.

Глеб досадливо поморщился.

– Я просто хочу вернуться домой, – сказал он. – И я готов многое за это отдать.

Ведьма усмехнулась:

– У тебя будет такая возможность.

Слова ее прозвучали так зловеще, что по спине Глеба пробежала холодная волна.

– Ты получил то, за чем пришел, – продолжила ведьма еще более мрачным и жутким голосом. – Теперь пора платить.

Она взглянула на Глеба в упор своими черными и страшными, как бездонная пропасть, глазами. В голове у Глеба ухнул колокол, глаза стремительно заволокло желтой пеленой, и Глеб с ужасом понял, что теряет сознание.

Властный и твердый голос Громола вывел его из небытия.

– Оставь его в покое, ведьма! – сказал охотник и шагнул к цыганке.

Из приоткрытого рта ведьмы вырвалось рассерженное кошачье шипенье.

– Тогда ты сам заплатишь за него! – гаркнула она.

Громол взял Глеба за плечи, развернул его и легонько подтолкнул к двери.

– Ступай, чужеземец, – сказал он.

– Но я...

– Ступай! – повторил Громол, повысив голос. – Я разберусь.

И Глеб подчинился. Он быстро подошел к двери, распахнул ее и вышел в сени.

Дверь захлопнулась за его спиной, а в следующее мгновение в горнице кто-то застонал. Это был стон ужаса и невыносимой боли. Орлов помедлил у двери, не зная, что ему делать дальше.

– Уходи! – крикнул из-за двери Громол.

Глеб вздрогнул, заткнул уши ладонями и бросился во двор.

* * *

Десять минут спустя они снова шагали вдвоем по черной, мокрой от луж улице. Дождь прочистил небо, и теперь на нем показались звезды.

Глеб долго не решался задать вопрос, но наконец спросил:

– Что она с тобой сделала, Громол?

– Ничего, о чем тебе следовало бы знать, – отчеканил охотник.

Глеб насупился и недовольно проговорил:

– Лично я не уверен, что игра стоила свеч. Предсказание ведьмы – чушь. Полная бессмыслица.

– Ты так думаешь? – Громол усмехнулся и качнул головой: – Ты не прав. Тебе уготован великий путь, чужеземец. И ты должен пройти этот путь до конца.

– Великий путь, – насмешливо повторил Глеб. – Какие громкие слова. А вот твоей ведьме мой путь, похоже, совсем не понравился.

– У Мамелфы есть причины ненавидеть тебя. Но пока я жив, ты под моей защитой.

Глеб остановился и удивленно воззрился на Громола:

– Что? Ты назвал ее Мамелфой? Так это была Мамелфа?

Охотник кивнул. Глеб испуганно обернулся. Челюсть его отвисла от изумления. Никакой избы он не увидел. На том месте, где она стояла, теперь виднелся лишь черный пустырь, на котором не росли ни трава, ни деревья.

– Куда она подевалась, Громол?

– Двери к Мамелфе открываются редко. И лишь тогда, когда она сама этого захочет. Не думай о ней. Впереди у тебя девять испытаний, и если ты выдержишь их...

Две черные тени выскользнули из-за деревьев. Громол резко оборвал фразу и выхватил из ножен меч. Но было поздно. Сверкнувший в тусклом свете луны клинок вонзился ему в грудь.

Начало второго романа эпопеи «Гиблое место»: «ПЛАЩАНИЦА КОЛДУНА»

Глава первая

1

Чернобородый разбойник Коломец, отряхнув яловые сапоги от грязи, пригнул голову под низкой притолокой и вошел в схрон, прорытый в холме и огороженный от посторонних глаз зарослями бузины. Следом за ним семенил, пытаясь не отставать, темноволосый мальчишка лет двенадцати, грязный, в оборванной одежде с чужого плеча.

Кивнув двум разбойникам, играющим в кости, Коломец прошел прямо к атаману Дерябе. Мальчишка у порога остановился, но чернобородый разбойник схватил его за шиворот и грубо втолкнул в комнату.

Деряба сидел за столом и задумчиво смотрел на серебряный кубок с хмельным медом. На вошедших он уставился мутными глазами.

– А, Коломец, – проговорил он после паузы. – Случилось чего?

Коломец толкнул вперед мальчишку и ответил:

– Пострельца поймали. Говорит, что в пяти верстах отсюда видел караван.

Мальчишка вытер рукою нос и угрюмо заявил:

– Меня не поймали. Я сам к вам пришел.

Атаман посмотрел на него с интересом.

– Что за караван, говори.

Мальчишка стрельнул глазами на Коломца, насупился и ответил:

– Четыре подводы с грузом. Все накрыто рогожей. В пятой – людишки.

– Как велик конвой?

Мальчишка поднял руку и растопырил пальцы.

– Пять охоронцев? – уточнил Деряба.

Мальчишка кивнул.

– Гм... – Атаман поскреб ногтями щеку. – Я чай, и оружия много?

– Много, – ответил пострелец. – Бердыши, мечи, копыя – все при них. А еще щиты и кольчуги.

– Гм... – Брови Дерябы съехались на широкой переносице. – Всего пяток человек. Не густо. Сам-то ты чей будешь?

– Прошка я, – ответил пострелец. – Милованов сын.

– Прошка? Что за прозвище такое?

– Христианское. Прохор по-взрослому. Мой батька у моравских богомоллов перенял.

– Зачем?

– Понравилось.

Деряба ухмыльнулся:

– «Понравилось». Ишь ты. А сам-то батька где?

Мальчишка нахмурился.

– Моего батьку купец Жадан насмерть засек, – угрюмо проговорил он.

– Засек? Вон оно что. А к нам зачем пришел? Барыш свой урвать надеешься?

Прошка презрительно дернул щекой.

– Нужон мне ваш барыш.

– Тогда зачем?

– Жадан в том в караване едет. Из Онтеевки вертается.

Деряба хмыкнул, повернул рыжую кудлатую голову и взглянул на чернобородого разбойника.

– Так думаешь, тут можно?

– Кажись, можно, – ответил Коломец. – Третьего дня шаман Перуну цельного быка пожог. Должен помочь.

– На Стрибога с Перуном надейся, а сам не плошай, – изрек Деряба.

Коломец на это усмехнулся.

– Атаман, – сказал он, понизив голос, – уж десятый день без дела сидим. Ребятки застоялись. Боюсь, заропщут али пошаливать начнут.

Деряба несколько секунд думал, после чего твердо сказал:

– Возьмем караван. Отправь вперед двоих ватажников – пускай разведают, что да как. А пострела этого с собой возьмем. Ежели что – башку ему первому отрежем.

Деряба метнул на мальчишку холодный взгляд, но тот не поежился и не отвел глаз. Твердый был мальчишка. Упорный. Не повезло купцу Жадану такого пострела обидеть.

Атаман был сильно пьян, но Коломец знал, что хмель недолго держится в рыжеволосой голове Дерябы. Пару верст конного ходу на встречном ветру – и от хмеля не останется и следа.

Коломец нахлобучил на черную вихрастую голову шапку и вышел из комнаты. В сенях он грозно взглянул на парней и рявкнул:

– Ну, чего расселись? Атаман велел – по коням!

...Отряд из двадцати всадников, во главе которого скакал на гнедом рослом коне сам атаман Деряба, нагнал караван меньше чем за полчаса.

Напали внезапно. Выскочили из кустов, как лешие из малинника, и принялись рубить конвой кривыми печенежскими саблями.

Первому охоронцу срубил мечом башку с плеч сам Деряба. Второго пронзил пикой Коломец. Еще трое охоронцев выхватили из ножен мечи, но воспользоваться ими не успели.

Разбойники рубили их мрачно, деловито и угрюмо: взмах – удар, взмах – удар... Работа привычная.

Один из охоронцев, розовощекий паренек лет осьмнадцати, сумел прорвать круг и пришпорил было коня, но разбойник Хлюп вскинул лук и пустил ему вслед стрелу. Стрела пронзила мальчишке горло, и он замертво свалился с коня в дорожную пыль.

Вскоре с охоронцами было покончено, и разбойники, хрипло дыша, повернули коней к подводам. В крайней из них сидели трое. Толстый бородатый мужик с отечным лицом и в богатом кафтане; худая баба лет сорока, одетая, как одеваются купчихи, и еще один человек – еще не старый, но уже седой, с бритой по-иноземному бородой и с какими-то слюдяными кругляшками на глазах. Ужас нагнал на сидящих столбняка.

Но вот один из троих, толстобрюхий купец, опомнился, вскочил на ноги и стеганул коренную лошадку плетью по крупу, но чернобородый Коломец преградил им путь и, схватив лошадь под уздцы, заставил подводу остановиться.

– Тпру! – рявкнул он, да так сильно и страшно, что лошади в ужасе прижались друг к другу и запрядали ушами.

Толстопузый купец хотел спрыгнуть с подводы и броситься наутек, но атаман Деряба занес над его головой саблю и резко проговорил:

– А ну стой!

Купчик зажмурился от блеска клинка, перепачканного кровью, и присел на корточки.

– Вот так, – ухмыльнулся Деряба.

Он опустил саблю и отер свободной рукою потный лоб. Рубить людей – тяжелая работа. У Дерябы ныла рука и болело плечо. Зато хмель окончательно выветрился у него из башки.

– Мальчишку сюды! – распорядился Деряба.

Один из разбойников сбросил с седла постреленка и пнул его ногой в спину, направляя к атаману. Мальчик пробежал несколько шажков на негнувшихся ногах и остановился. Его сухое востроносое лицо было бледным, почти серым. Он старался не смотреть на мертвецов, валявшихся на земле.

Деряба кивнул на купца и сурово спросил:

– Ну? Этот, что ли, твой Жадан?

Мальчик поднял взгляд и взглянул на толстобрюхого купца. Тот смотрел на постреленка умоляюще.

– Чего молчишь? Он или не он?

– Он, – хмуро ответил Прошка.

– Ладно, уйди в сторону.

Прошка опустил голову и отошел к обочине дороги. Рыжий атаман взглянул на купца и спросил:

– Чего везешь?

– Ничего, батюшка, – развел руками купец. – Деньги в товаре, а товар я в Онтеевке перегрузил, он теперь с моим человечком до самого Яров-града поедет.

Деряба вздохнул и снова поднял саблю. Глянув на страшную саблю, купец побледнел и взмолился:

– Смилуйся, атаман, не губи! Помилуй бедного купца, буду век за тебя Велесу и Перуну молиться!

Деряба вдруг склонился с коня, быстро схватил купца одной рукою за ухо, оттянул его и полоснул по уху саблей.

Купец заорал, а Деряба выпрямился и швырнул отрезанное ухо в пыль. На лице его при этом не было никакого задора. Он словно бы делал привычную и скучноватую работу. Дождавшись, пока купец перестанет орать, атаман заговорил снова:

– Вишь, чего с ухом-то. Такое же и с пузом твоим будет, коли деньги не отдашь.

Купец с ужасом смотрел на атамана. По его пальцам, прижатым к покалеченной голове, текла кровь, а по толстым, отвислым щекам стекали в усы блестящие слезы.

– Батюшка родимый, нету денег, – протяжно и горестно проговорил он. – Не губи... Пуст я совсем.

– Так нет?

– Нет! Ничего нет!

– Ну, ладно. Нет так нет.

Деряба стал было отворачиваться, но вдруг размахнулся и рубанул купца саблей по голове.

Кровь брызнула в стороны. Сидевшие в подводе люди закричали от ужаса и отшатнулись. Голова купца раскололась пополам, как тыква.

Деряба выдернул из разрубленной головы клинок сабли и обтер его об рогожу.

Тело купца перегнулось через край подводы и затем тяжело, будто куль с мукой, рухнуло в пыль.

Теперь взгляд Дерябы остановился на бабе. В последние годы многие купецкие вдовы сами вели дела. Иные из них оказались в деле более удачливыми и тертыми, чем их почившие мужья, и за короткий срок удвоили, а то и утроили свои состояния.

– Ну что, купчиха? – тихо спросил Деряба. – Дашь денег?

Лицо купчихи дрогнуло, а из глаз брызнули слезы.

– Нету... – пробормотала она сквозь слезы. – Нету денег, голубчики. Все в товаре.

Деряба вздохнул и хотел что-то сказать, но тут один из разбойников, кривоногий печенег Карумка, завопил:

– Атаман! Кто-то скачет!

Деряба повернул голову и глянул вдаль. По дороге и впрямь скакал всадник. Разбойники тотчас повыхватывали из ножен сабли. А Хлюп взял в руку лук.

– Атаман, хочешь, я его сниму? – спросил он.

Деряба нахмурился и покачал головой:

– Нет. Поглядим, кто таков и чего надо.

Всадник не спеша приближался к каравану. Деряба и прочие разбойники зорко и угрюмо следили за его приближением, хотя в начинающихся сумерках фигура всадника выглядела неясно и размыто.

Бояться одинокого всадника лихим разбойничкам было негоже, и в их свирепых глазах застыло только мрачное любопытство.

Наконец всадник подъехал к передней подводе и осадил коня. Он был одет в охотничью куртку, кожаные штаны и ичиги. Волосы были длинные, а борода короткая. Сам молод, но не по возрасту угрюм.

– Кто у вас главный? – сухо осведомился всадник.

– А тебе чего? – грубо спросил Коломец и приподнял саблю, но Деряба положил ему руку на плечо, прищурил глаза на незнакомца и глухо проговорил:

– Ну, я главный. А ты что за ком с горы?

Всадник взглянул на Дерябу и сказал:

– Хочу, чтобы ты сложил оружие и поехал со мной.

Конопатое лицо Дерябы вытянулось от изумления.

– Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

Незнакомец кивнул:

– Да.

Деряба весело глянул на своих людей, как бы говоря – ребята, вы это видели? Разбойники загоготали. Атаман снова перевел взгляд на незнакомца и весело осведомился:

– И зачем же я тебе понадобился?

– За твою голову назначена большая награда, – сказал незнакомец так, будто речь шла о совершенно обычном деле. – А мне очень нужны деньги.

– Вот как? – Ухмылка сползла с губ Дерябы. – Ты, я вижу, погибели ищешь, щенок? Ну, считай, что ты ее нашел. А ну, Карумка, секи его!

Лезвие сабли сверкнуло над головой Карума, однако рубануть степняк не успел. Всадник сдернул с плеча черный посох, и вдруг что-то громынуло. Карумка свалился с коня, несколько раз дернулся в пыли и замер навсегда.

– Атаман, у него ольстра! – дрогнувшим голосом проговорил Коломец.

– Сам вижу! – хмуро отозвался Деряба.

Дуло ольстры смотрело атаману в грудь. Уцелевшие разбойники сбились в кучу, как перепуганные овцы.

Некоторое время все молчали. На небе темные мороки заволокли солнце, и сумерки еще больше сгустились. На лицо незнакомцу упала тень.

– Мне нужен только атаман, – негромко проговорил он. – Отдайте мне его, и я...

Договорить ходок не успел. Из леса с клетотом вылетела спуржун-птица, одно из самых страшных и кровожадных исчадий Гиблого места. Перепончатые, будто у летучей мыши, крылья на мгновение затмили свет.

Незнакомец повернулся к лесу и вскинул ольстру, но сделал это недостаточно быстро. Один из когтей спуржун-птицы уцепился за плащ парня и дернул его кверху...

(Продолжение – в романе «Гиблое место-2: Плащаница колдуна»)